КРЕМЛЕВСКИЙ ВОЛК

Стюарт КАГАН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Архитектор обстановки страха» в СССР – так называли Л.М. Кагановича некоторые западные исследователи. Книга написана его племянником Стюартом Каганом, американским журналистом. Перед читателями открываются страницы впервые изданной политической биографии «дирижера» безжалостных чисток в нашей стране в 30-е и 40-е годы.

- Стюарт Каган
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ПРОЛОГ
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ЭПИЛОГ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Стюарт Каган
Кремлёвский волк

Предисловие переводчика

Сюарт Каганович. (Stuart Kagan) – племянник Лазаря Кагановича. Его семья перед революцией уехала в Америку, и на этом, их дороги с семьёй Лазаря Кагановича разошлись. В начале 80-х годов Стюарт Каганович, заинтересованный личностью своего знаменитого дядюшки, посетил Советский Союз и беседовал с Лазарем Кагановичем в его квартире на Фрунзенской набережной. Результатом этой беседы и является эта книга. Автор книги не владеет русским языком. Беседы автора с Лазарем Кагановичем проходили на еврейском языке. Лазарь Каганович умер в 1991 году. Родившись в 1888 году, он прожил 103 года. Его смерть совпала со смертью советского государства, в строительстве которого он так или иначе принимал непосредственное участие.

ПРЕДИСЛОВИЕ

И вот я в Москве, 1981 год, смотрю из окна гостиницы на толпы москвичей, устремившихся к метро. Это час пик. Мне тоже пора. После пяти лет приготовлений наступил самый решительный момент. В последний раз уточняю адрес, хотя в этом нет необходимости: я выучил его наизусть. Направляюсь к метро, одному из московских достопримечательностей, сверкающей чистотой, этого подземного музея со стальными колоннами, гранитными стенами, витражами, мозаичными потолками и великолепными скульптурами – и вместе с тем всё это быстро, дёшево и очень удобно.

Я делаю шаг на убегающий эскалатор, который не более чем за 60 секунд доставляет меня на глубину около 200 метров, и тем временем вспоминаю, как пять лет назад я случайно наткнулся на одну газетную статью. В ней сообщалось, что Он ещё жив. Я внутренне рассмеялся. Этот старый сукин сын переживёт любого. Сейчас Ему должно быть под девяносто, и я о Нём слышал на протяжении всех моих сорока семи лет. Я также помню, как о Нём говорили. Это всегда происходило вокруг обеденного стола, только в присутствии самых близких родственников и исключительно шёпотом. Казалось, мы пытались уменьшить Его значение и относились к Нему как чему-то нереальному, предназначенному для застольного разговора, о чём можно забыть сразу после того, как вышли из-за стола.

Но всё же я не мог просто так закрыть глаза и избавиться от Него. Мой интерес к семейной истории, словно навязчивая идея, рос всё больше и больше. Сколько людей имеют дядю, который более сорока лет управлял самой большой страной в мире?! У скольких человек тётка (Роза Каганович) являлась подругой абсолютного диктатора государства, а другой дядя занимал пост комиссара авиации?!

Хотя Роза и Михаил играли важные роли, но режиссёром всегда оставался именно Лазарь.

Лазарь Моисеевич Каганович, второе лицо в государстве после Сталина. Председатель Президиума Верховного Совета. Человек, объединивший органы государственной безопасности в то, что позднее стало знаменитым КГБ. Человек, лично руководивший чистками, охватившими страну в тридцатые-сороковые годы. Человек, репрессировавший людей так, как никто до него. Человек, который лично повинен в смерти не менее 20 миллионов человек. Человек, под чьим руководством строилась это фантастическое московское метро, более двадцати

лет носившее его имя. Всё это был Он – человек, к которому я сейчас направлялся.

«Дядя Лазарь», как, чаще всего со страхом, звали его в нашей семье, находился от меня всего в 30-минутах езды с того момента, как я зашёл в вагон метро на станции «Калужская».

Думаю, что большинство людей, изучающих свою родословную, стремятся отыскать принцев и принцесс, королей и королев, величайших сторонников мира и процветания. А я собирался встретиться с самым «безжалостным человеком», как заклеймил его Хрущёв, который когда-либо сидел в Кремле, и о котором, хотя уже с тех событий прошло много лет, ещё написано ничего.

Мне нужно было узнать больше, чем простые «что» и «когда». Я должен понять несколько «почему». Почему этот человек не щадил даже своего еврейского народа и своей иудейской религии? Почему он повернулся спиной ко всему, чему его учили?

Фактически всю свою жизнь я занимался исследованием его жизни, жизни его сестры и братьев. Я много читал и посещал лекции ведущих политиков во многих колледжах и университетах. Я брал какую-то полезную информацию из одного источника, что-то – из другого. Один известный автор утверждал, что Лазарь был этим, другой доказывал, что он был тем. Но никто, кажется, так и не разобрался и не написал, что же в действительности произошло в те бурные годы после смерти Ленина.

Я еду до станции «Фрунзенская». Выходя из метро, я сворачиваю и захожу в маленький парк напротив Москвы-реки. Здесь тихо, и за раскидистыми деревьями вырастают большие жилые дома кремового цвета, напоминающие мне район Риверсайд в Нью-Йорке. Десять минут я сижу на скамейке, собираясь с мыслями, а потом поднимаюсь и направляюсь к дому с номером «50». Я поднимаюсь по лестнице на пятый этаж и оказываюсь перед нужной дверью. Я чувствую, как замирает моё сердце. Дверь квартиры номер 384 смотрит на меня, и кажется, что этот номер занимает всю дверную поверхность. Я решаюсь нажать кнопку. Раздаётся короткий, пронзительный звонок. В десять утра, в среду, кто может быть дома? Взрослые на работе, дети – в школе. Дома могут быть одни старики. Тишина. Я жду и считаю до десяти. Затем опять звоню. Я слышу тяжёлые шаги, как будто они принадлежать человеку лет двадцати. Возможно ли такое? Может быть, мне дали неверный адрес?

Кто-то подходит к двери. Я перевожу дыхание и слышу уверенный сердитый голос:

– Что надо?

Мне требуется несколько секунд, чтобы понять услышанное. И я быстро произношу заготовленную фразу:

– Я ваш племянник. Американец.

Голос снова:

– У меня нет родственников.

Я отвечаю:

– Нет, нет, нет. Я племянник.

Опять тишина. Я перевожу дух:

– Пожалуйста, откройте дверь.

Голос:

– Воз зогт ир?

Другой язык! Он…, он говорит на идише! Это он! Кто же ещё может?

Без промедления я ответил:

– Их бет дих. Офн… офн… оф. (Пожалуйста, откройте).

Снова глубокий вдох. Я слышу щёлканье замков. Я считаю: один, два, три, четыре. Этот старый и хитрый сукин сын знает, как уберечь себя. Дверь медленно приоткрывается. Её удерживает массивная дверная цепочка. В просвете – темнота. Он может меня видеть, а я его – нет. Не удивительно, что он так долго меня разглядывает.

Слышу голос:

– Воз зогт ир? (Что вы сказали?).

Я стараюсь из всех сил говорить по-русски, иногда вставляю слова на идише.

– Я из Америки. Из семьи Моррисов. Пожалуйста, позвольте мне войти.

Я смотрю в темноту. Дверь закрывается. Он не даёт мне договорить. Слова слетают у меня с языка:

– Остановитесь! Остановитесь! Я единственный ваш родственник, который может поговорить с вами. Зачем же отталкивать меня, как все эти годы вы отталкивали свою семью? Даже Морриса и дядю Лёвика. Чёрт побери, почему даже меня! Я чувствую, что слёзы вот-вот хлынут из моих глаз.

Затем слышу позвякивание металла. Он снимает дверную цепочку. Я почти ощущаю, как поворачивается дверная ручка. Истории, слышанные мной на протяжении всей жизни, годы поисков, и все ответы находятся по другую сторону этой двери!

Дверь открывается. Я чувствую это. Мелькает полоска света, и слегка веет сквозняком. Кажется, я даже перестал дышать. Перед собой я вижу массивное лицо человека одного со мной высокого роста, вижу седину на висках и в усах, широко расставленные карие глаза. Он выглядит как брат Ларри, которому сейчас

шестьдесят. Мужчина в дверях рассматривает меня.

– Дядя Лазарь? – бормочу я.

Он кивает. Я стою лицом к лицу с самим Волком.

Дверь широко открывается, и массивная фигура отступает в сторону. Он ничего не говорит. Приглашение затягивается. Я переступаю порог. В нескольких шагах гостиная. Слева от себя я уголком глаз замечаю небольшую кухню.

В комнате темно. В самом дальнем её конце есть окно, выходящее в парк. Макушки деревьев располагаются прямо на уровне подоконника. Я быстро осматриваюсь кругом, зная, что он всё ещё стоит в коридоре и следит за мной.

Комната обставлена старой мебелью из тёмного дерева. Мебель выглядит весьма тяжёлой. Диван покрыт зелёным покрывалом, рядом стоят два кресла. На подлокотниках и на спинке кресел лежат салфетки, несомненно, видно прикосновение женских рук. Я показываю на них рукой.

– Это Майя, – говорит он. – Она приходит ко мне один раз в неделю. Она делает уборку и приносит продукты. Она хорошая, и я искренне её люблю.

Майя – его дочь. На стене весит небольшая полка. Она заполнена множеством фотографий в позолоченных рамках, показывающих разные стадии жизни дяди Лазаря, включая фотографии его соратников. Больше всего изображений Сталина. Если бы я не знал, где я нахожусь, то мог бы подумать, что это квартира Сталина. Одна фотография привлекает моё внимание: дядя Лёвик и Моррис стоят у входа в ателье Морриса в Филадельфии. Этот снимок, вероятнее всего, был сделан лет пятьдесят тому назад. Я протягиваю руку и касаюсь фотографии, но вдруг слышу «Не трогай!» и отхожу от полки. Лезу в карман пальто и достаю оттуда конверт. Не произнося ни слова, протягиваю ему. Он уже прошёл в комнату и стоит недалеко от меня. Его присутствие подавляет. Хотя комната невелика, и он больше не является тем значительным и всемогущим человеком, кажется, что он заполняет собой всё пространство в комнате и целиком доминирует в ней.

Он берёт из моих рук конверт и идёт к окну, где освещение лучше. Он не пользуется очками. Он пристально изучает его содержание. Я тщательно отобрал семейные фотографии перед поездкой в Россию. На многих из них изображён я, это служит целям удостоверения моей личности. А одна фотография дяди Лёвика и Морриса вообще является идентичной той, что стоит на полке. Немного погодя, он кивает и опускается в кресло. Он по-прежнему не предлагает мне сесть.

Из другого кармана я вынимаю небольшую коробку,

содержащую пирог с изюмом, который я купил в магазине «Берёзка». Его брови поднимаются, и он кивает мне на кресло. Теперь он пристально рассматривает меня с головы до ног. Он смотрит на фотографии, а потом переводит взгляд на меня. Так продолжается какое-то время. Наконец, на его лице читается удовлетворение.

Минуты идут одна за другой, и я отчётливо слышу тиканье настольных часов. Я никогда не слышал, чтобы часы так громко тикали. Это становится невыносимым. Вдруг к своему удивлению я замечаю, что этот человек проявляет признаки беспокойства и нетерпения. Чувствую, как стены надвигаются на меня, меня кидает в жар, и во рту становится сухо.

Я хочу что-то сказать, но не могу подобрать подходящих слов. Резкий голос звучит опять, но то, что я слышу, не помогает.

– Зачем ты приехал? – произнёс он.

Только одно слово. Он ждёт.

В Америке бы я ответил: «А почему бы нет?». Но я знаю, что сейчас это прозвучало бы глупо. Я должен иметь убедительную причину, я подчёркиваю: убедительную. Если бы я сказал ему, что я здесь потому, что собираюсь написать книгу, то через секунду я очутился бы на улице и, скорее всего, в окружении КГБ. Нет, надо быть осторожным. Я думал об этом весь прошедший год и до сих пор не решил, что же я скажу.

– Из-за этого, – произнёс я, указывая на фотографии, лежавшие на его коленях. – Я так много о вас слышал. Мне хотелось встретиться с вами и узнать побольше о своём деде и своём прадеде. Я горжусь своей семьёй. Я читал о вас в газетах. Мне необходимо было вас увидеть.

Мой язык совершенно пересох.

– Это не всё, – произносит он.

Фраза звучит не как вопрос, а как утверждение.

– Да, это не всё, – отвечаю я. – Я хочу съездить в Кабаны и увидеть семейное гнездо. Я хочу узнать…

Я останавливаюсь и улыбаюсь.

– Дядя Лазарь, мне даже хочется узнать, как Буба готовил этот замечательный чанг, – говорю я, имея в виду блюдо, которое я помню с детства.

Дядя Лазарь откидывает свою голову на спинку кресла и улыбается. Кажется, перед ним открылись ворота его прошлого. Старого сукиного сына тронуло упоминание такой простой вещи как терпкое тушёное мясо. Мне показалось, что в нём таки появилось желание поговорить. Будет ли у меня другая возможность? Если Майя приходит сюда только раз в неделю, с кем ему ещё говорить? Может быть, я как раз оказался в нужном

месте в нужное время? Может быть, мне просто везёт? Если бы он только заговорил, я бы не упустил своего шанса. Если бы он только заговорил…

– Действительно, надо знать секрет, чтобы приготовить чанг. Но я его не знаю. Что касается меня, я по-прежнему люблю выпить чашку крепкого душистого чая. Не откажешься от чая с этим аппетитным пирогом?

Я быстро поднимаюсь. Он машет на меня руками. Он позаботится о чае. Он поднимается с кресла и направляется в сторону кухни, не сводя с меня глаз.

– Сначала попьём чаю с пирогом. А потом ты мне расскажешь про каждого на этих фотографиях. Идёт?

Он останавливается и смотрит на меня.

– Договорились, – отвечаю я.

– Первым делом – это.

Он поворачивается ко мне спиной. Я закрываю глаза и откидываюсь на спинку кресла. Я не решаюсь посмотреть на часы. Начало положено. От фотографий мы перейдём к его жизни.

Мне уже не жарко. Меня начинает бить мелкая дрожь. Очень хочется горячего чая. Я уже знаю, что нам предстоит выпить много чая перед тем, как я уйду. Я рассматриваю фотографии. Как далеко они могут нас завести? Мысленно раскладываю их по порядку. Я жду чая и пирога. Я готов.

ПРОЛОГ
5 Марта 1953 года

Самая оживлённая улица Москвы – Арбат. Эта улица тянется от Арбатской площади и идёт к Смоленской площади. Арбат считается «сувенирным» местом столицы, вдоль которого выстроились магазины, рестораны, и где всегда много народа. Через каждые несколько кварталов возвышается огромная красная буква «М», обозначающая станцию метро. Везде можно видеть плакаты. Лозунги: «Слава Коммунистической партии Советского Союза» постоянно попадаются на глаза.

Вдоль улицы льются бесконечные потоки людей. Вежливость – явление неизвестное, и пешеходы часто толкаются. Тем не менее, всё спокойно. Не шумно. Мужчины одеты в тёмные пиджаки, а женщины – в мрачные платья. У каждого в руках плетёная сетка, «авоська», в которую складываются покупки, если что-то удаётся купить.

Обычные толкотня и суета длятся изо дня в день, за исключением того момента, когда появляется сигнал с другой стороны Арбатской площади. Необычный сигнал. Это почти неслышимый писклявый звук, к которому привыкли русские люди, а иностранцам он совершенно неизвестен. Он напоминает звуковые колебания высокой частоты, которые могут быть услышаны только собаками. И с этим звуком Арбат немедленно преображается.

Все светофоры переключают свет. Один за другим загорается красный, предоставляя свободный проезд в сторону Можайского шоссе. Одновременно закрываются магазины, захлопываются двери. Окна жилых домов затворяются, словно жильцы не хотят быть свидетелями того, что сейчас произойдёт. Люди быстро скрываются в тех магазинах, которые ещё не успели закрыться, в подъезды домов, в скверы, в любое место, где они могут скрыться от посторонних глаз.

Словно из-под земли вырастают милиционеры. Они быстро занимают позиции, перекрывая въезд и выезд с Арбата. Некоторые из них выстраиваются вдоль тротуаров, при этом часть милиционеров становится спиной к проезжей части, устремляя взоры на близстоящие здания. Всё подчинено приказу, и каждый знает своё место. Внезапно Арбат замирает. Нависает гнетущая тишина. Сначала их можно только слышать. Гудят моторы. Внезапно они появляются со стороны Кремля. Пять огромных чёрных автомобилей. Они набирают скорость, и мчатся в сторону

Арбата. Их фары ослепляют любого, осмелившегося взглянуть на них. Но это не обычный белый свет, установленный на советских автомобилях. Это мощные желтые лучи света, далеко освещающие дорогу впереди. Когда шофёр жмёт на газ, раздается пронзительный гудок. Все эти машины снабжены пуленепробиваемыми стёклами и стальным покрытием, как у танков. Они совершенно одинаковы, вплоть до номерных знаков. Невозможно отличить одну от другой. По мере продвижения по улицам, они начинают запланированную игру, меняя позиции, и обгоняя друг друга. Пять машин играют на перегонки там, где ещё минуту назад была оживлённая городская улица. Им предстоит двадцатикилометровый путь от Кремля до дачи в Кунцево. Четыре тысячи специальных агентов Министерства Госбезопасности охраняют этого человека. Люди пытаются хоть одним глазком увидеть его, того кто управляет их страной почти тридцать лет, человека, известного под именем Сталин. Но увидеть ничего нельзя. На всех задних окнах машин висят занавески. Только в одной из пяти машин сидит пассажир.

Однако это не Сталин. Это полный мужчина с редеющими волосами и появившейся сединой на усах, его пальцы перебирают чётки. Он смотрит прямо перед собой. Он точно знает, что происходит. Он уже знал это, когда в 8 часов вечера зазвонил телефон в его кабинете на третьем этаже. Такой же телефонный звонок уже раздался в домах Маленкова, Берии, Булганина и Хрущёва. Звонки этим людям в вечернее время было делом обычным. Сталин имел привычку звонить своим ближайшим соратникам в любое время дня и ночи. Но на этот раз звонил Александр Поскрёбышев, личный секретарь Сталина. Что-то произошло. Всех пятерых попросили прибыть немедленно. Им пришлось срочно покинуть свои дома и на головокружительной скорости мчаться по шоссе, известному в народе под названием «правительственное». Желтый свет фар чёрного автомобиля падает на белый снег, создавая на его поверхности странный оранжевый оттенок, кажущийся зловещим. Вдоль дороги стоят сосны, ели и берёзы, ещё нёсущие на своих ветвях следы долгой зимы. Человек на заднем сиденье не замечает проносящихся за окном деревьев. Он знает, что он должен быть готов ко всему, когда приедет на дачу. У него нет времени осматриваться вокруг. Он знает, что по приезде его ожидает неразбериха. Телохранители несколько часов послушно провели в ожидании каких-либо распоряжений, не осмеливаясь войти в кабинет хозяина. С этого момента будет много догадок, что произошло и почему. Историки не перестанут спорить о событиях этого времени, и о деталях этого конкретного дня. Он улыбался. Пусть

спорят и мутят воду. Он протянул руку к занавеске и слегка её отодвинул. Он посмотрел в окно в то время, когда машина подъезжала к деревянным воротам, за которыми начиналась подъездная дорога к даче. Из пяти «Чаек», машина, в которой сидел он, проехала через ворота первой. Прожив шестьдесят лет, он всегда знал, что неизбежно придёт момент, когда он станет первым.

Улыбка исчезла с его лица, он нахмурил брови. Неизвестность? Споры? Для других, возможно, но не для меня. Для меня – никогда. Ни разу за шестьдесят лет.

ГЛАВА 1

Кабаны – с 1935 года этот посёлок стал называться Каганович, в честь своего знаменитого земляка. Этот населённый пункт располагается к востоку от Припяти, в нескольких километрах к северу от Мартыновичей, в ста двадцати километрах от Киева.

Сегодня это город Новокаширск. В 1893 году, когда там родился Лазарь, единственным стремлением властей было предотвратить отток людей из этой местности. В то время в посёлке проживало 2600 человек. Он был неравномерно поделён между еврейским большинством и православным меньшинством. Большинство православных занимались сельским хозяйством. Они были крестьянами, но составляли лишь небольшую долю от жителей посёлка. Более 70 процентов населения Кабанов составляли евреи. Они не работали в поле. Основная их деятельность происходила в закрытых помещениях, где производились товары на продажу. Важнейшим сельскохозяйственным продуктом была конопля, и её широко применяли при производстве одежды и кожаных изделий, и, в частности, обуви. Однако всё это было только прикрытием. Гораздо больше доходов приносила незаконная продажа конопли в качестве вещества с сильным наркотическим действием. Другим основным источником доходов евреев было содержание трактиров и производство алкоголя. Средства к существованию были довольно простыми, в их основе лежал натуральный обмен. Крестьяне отдавали продукты своего урожая людям, продававшим им одежду, водку и другие товары, которые не производились в этой местности. Денег в обиходе почти не было. Деньги считались роскошью, а продукты и одежда являлись необходимостью, которые многие жители Кабанов не могли себе позволить купить.

В Кабанах, расположенных на стыке Украины и Белоруссии, не было большого выбора работы. Проблемой было всё: еда, одежда и крыша над головой. На строительстве было занято не более 5 процентов населения. За несколько картофелин или пару сапог они нанимались на строительство подсобных построек или небольшой хаты, представлявшей собой крохотное сооружение из трёх комнат общим периметром восемь на восемь метров. В качестве строительного материала использовались камни, прутья, мох и глина. Вокруг хаты можно было разбить небольшой садик. Жители отчаянно боролись с зимней непогодой и затянувшимся сезоном дождей, который, казалось, растягивался на долгие месяцы и так развозил грязь, что ноги в сапогах тонули в ней по

колено. Приходилось затрачивать много труда, чтобы бороться с грязью.

Лазарь был третьим сыном Саши и Моисея Кагановичей. Как и большинство детей того времени, он появился на свет в тесном домике своих отца и матери. В радиусе ста пятидесяти километров от Кабанов больниц не было, и единственную медицинскую помощь оказывала Гита Лихтенталь, жившая в близлежащем посёлке Мартыновичи. Гита, была крупной женщиной, чьи предки прибыли в Россию из Пруссии. Она занималась выпечкой хлеба и могла оказывать услуги акушерки. Именно эта женщина буквально села на живот Саши Каганович, чтобы вытолкнуть крупного младенца из чрева матери. Ребёнка назвали в честь деда, Лазарем. У мальчика было два старших брата, не проявлявших интереса к новорожденному. Старший Михаил, которому в то время было четыре года, проводил время, наблюдая за работой отца. Двухлетний Юрий не отходил от матери. В утренние часы мама Саша занималась маленьким садиком, окружавшим их небольшой домик со всех сторон, стараясь что-нибудь вырастить. В основном это были свёкла и картофель. Суровые зимы очень затрудняли разведение фруктовых деревьев. После обеда она переключалась на уборку, готовку еды и торги с крестьянами, чтобы достать продуктов и накормить семью. Чаще всего она варила борщ из свёклы, щавелевый суп или щи из капусты. К этому добавлялась вареная картошка, немного хлеба и рыба или кусочек мяса.

Домик был маленьким. В нём имелось только три комнаты: кухня, где готовилась пища, и семья садилась за стол, и две небольшие спаленки. Туалет размещался в маленькой боковой пристройке, и представлял собой отверстие над глубокой ямой, вырытой в земле. В одной спальне на соломенных матрасах, лежавших прямо на полу, спали дети. Самый младший ребёнок спал в другой комнатке вместе с родителями. Мебели почти не было. На кухне стоял массивный деревянный обеденный стол. Громоздкий деревянный диван был покрыт тонкими подушками, чтобы на нём было удобно сидеть. Ещё имелось несколько тяжёлых деревянных стульев с подушками на сиденьях и пара тумбочек, на которых стояли ваза и деревянная коробка со спичками. На одной стене висел коврик. На нём изображался лев и две девушки, одна из них держала в руках золотое блюдо. Эта сцена была выполнена красными, синими, зелёными и жёлтыми нитками, и оставалось единственным ярким пятном в доме. На противоположной стене было прибито маленькое зеркало. Оно висело невысоко от пола, и дети могли видеть в нём своё отражение. Лазарь особенно любил любоваться собой.

Занятая заботой о трёх детях, и ожидая четвёртого, мама Саша не интересовалась ничем, что не было связано с её обязанностями по дому. Мама Саша имела маленький рост. Её голова всё время было туго повязана белым платком. Большинство женщин посёлка по традиции носили чёрные платки, но Саша, чьи родители перебрались в эти края из солнечной Молдавии, не любила этот цвет. «Слишком мрачный», – говорила она.

Задолго до появления мамы Саши на свет, отец придумал имя Саша, надеясь, что родится мальчик, и никак не хотел признавать своей пятой дочери. Но девочку это мало заботило. Заимев свою семью, мама Саша отдавала все свои силы и заботы детям. Они стали смыслом её жизни. Мужу она не уделяла много внимания, но он и не обижался. Он довольствовался немногим. Поэтому в доме мама Саша была полноправной хозяйкой и умело вела хозяйство железной рукой. В посёлке не было секретом, что Сашин муж за глаза говорил о ней: «Ей следовало бы выйти замуж за самого царя. Она – прирождённая царица». Моисей вполне мог такое сказать. Он не боялся рассердить маму Сашу, наоборот, он знал, что она любила комплименты. Такие слова только бы польстили ей. Да, может быть, она могла бы стать царицей, в своём белом платочке. Но Моисея устраивало доминирующее положение жены в их семье, и он искренне любил её. На самом деле, он ко всем относился хорошо, и в посёлке у него была репутация самого добродушного человека. Он был высок, имел густую бороду и светящиеся, настороженные глаза, которые, казалось, могли часами смотреть в одну точку не мигая.

Моисей работал «шнейдером», портным. Он отказывался носить очки, хотя его глаза давно ослабли из-за бесконечных часов, проведённых в работе с напёрстком и иголкой. Он обладал необыкновенной работоспособностью, берясь за шитьё, когда день только начинался, и, заканчивая только с последними лучами заходящего солнца. Ему нравилось то, чем он занимался. Он был очень трудолюбив. Моисей никогда не повышал голоса, всегда сосредотачиваясь на работе. Его длинные тонкие пальцы ловко двигались по ткани, в то время как он негромко напевал песни своей юности и еврейские мотивы, слов которых он уже не помнил, а только мелодию. Его отец пел в синагоге, и музыка всегда оставалась неотъемлемой частью его существования. Моисея ничего не могло раздражать, и он спокойно занимался своим ремеслом, в то время как вокруг суетилась жена, и озорничали дети. Родителям не приходилось постоянно напоминать детям о дисциплине. Каждый ребёнок знал, что от него требуется, не смотря на возраст. Даже самый младший,

Лазарь, имел свои обязанности. В два года ему поручили кормить трёх цыплят, которых держали в маленьком курятнике на заднем дворе.

Такова была атмосфера небольшого домика с маленьким клочком земли, в котором рос Лазарь.

Посёлок тоже был маленьким. В нём имелись пекарня, сапожная мастерская, продуктовая лавка, железнодорожная станция, полицейский участок и книжная лавка, которая на самом деле представляла собой передвижную тележку, стоявшую на обочине дороги. Те же люди, которые занимались книготорговлей, ещё являлись и владельцами продуктовой лавки. А сапожник одновременно исполнял обязанности железнодорожного диспетчера. Это была необременительная должность, потому что в Кабанах останавливалось только несколько поездов.

Ранние годы жизни Лазаря протекали однообразно. У Кагановичей имелось множество родственников: двоюродные сёстры, тётки, дядья, братья и сёстры. Семейные и родственные связи переплетались так густо, что казалось, будто всё двухтысячное население посёлка состояло между собой в родстве. На еврейскую пасху во дворе в ряд выставляли несколько столов, и получался огромный стол длиной около пятнадцати метров. Соседи могли запросто зайти и присесть к общему столу или принести свой столик, чтобы послушать разговоры и самим поговорить за долгой трапезой еврейского пасхального ужина, длившегося по традиции пять с половиной часов. Каждый пришедший приносил с собой что-нибудь съестное, чаще всего – блюдо из картошки.

Самый близкий друг Лазаря, Моррис Каганович, жил по соседству в маленьком домике. У него тоже было два старших брата. Отец Морриса, тоже портной, целыми днями напролёт работал иглой и ниткой, и мать тоже мнила себя царицей. Отца Морриса, Лазарь уважительно называл дядя Лёвик. Дядя Лёвик говорил так: «Эта моя жена! Она тратит денег больше, чем я ей даю. А ведь я – вообще их ей не даю». Моррис приходился Лазарю двоюродным братом и был старше его на семь лет. Моррис выделял Лазаря среди всей своей многочисленной родни. Они часто проводили время вместе, бродя по полям и ведя бесконечные разговоры о себе, о своих родителях, сельских работягах и тех, для кого Кабаны были временным пристанищем в поисках лучшей жизни. Моррис и Лазарь могли часами камнем вырисовывать очертания чьей-нибудь головы на коре дерева, стараясь сделать нос самой крупной частью лица. А потом они швыряли камнями по нарисованному носу до тех пор, пока

изображение полностью не стиралось. Иногда они играли в царя или «ужасного» Распутина, или даже в своих отцов.

Каждый день, смотря на себя в зеркало, Лазарь заметил, что евреи имеют большие носы. Он мог долго разглядывать своё отображение, а потом пытался скопировать его на коре дерева. Но это ему никогда не удавалось. «Ты не художник, – говорил Моррис. – Займись чем-нибудь другим». И Лазарь не обижался на него. Моррис считал своего младшего двоюродного брата почти равным себе. С ним можно было болтать обо всём с пониманием. И хотя они говорили о всякой чепухе, многое оставило след в мальчишеской памяти. Уже в пятилетнем возрасте Лазарь считал, что учёба в школе – зря потраченное время. Ему больше нравилось чертить рожицы на коре деревьев и гримасничать перед зеркалом.

В посёлке имелась ешива – еврейская школа. В отличие от других школ того времени, в ней девочки и мальчики учились совместно. Таким образом, евреи Кабанов давали образование своим детям, не считаясь с мнением раввина-сефарда из Мартыновичей.

– Только мальчики должны учиться. Так написано.

– Фе, – был ответ Саши, когда она привела свою младшую дочку Розу в класс. – «Ты – Зарта!»

Она использовала своё поверхностное знание арабского языка, особенно чтобы оскорбить других людей и указать им их место. «Зарта» в переводе с арабского означает «пердун».

Дети неевреев вообще не ходили в школу. Для них просто не было школ. Они просто были неграмотными. Только дети евреев имели возможность учиться. Дети не евреев начинали работать в поле с раннего детства и тянули эту лямку всю оставшуюся жизнь. Но крестьяне по-хорошему и без злобы относились к еврейским семьям.

Из поучений раввина Лазарь понял, что в жизни является самым важным: идеи, с помощью которых можно подчинять других людей, и распределять богатства и доходы. Для Морриса школа имела важное значение и по другой причине. Он сильно увлёкся изучением Пятикнижия Моисея, то есть Ветхого Завета, и знал его почти наизусть. Для Морриса еврейский закон был причиной существования.

У Лазаря, однако, не было времени на учёбу. У него не оставалось времени ни на людей, живущих по соседству, ни на родного отца, которого он считал слабовольной и никчемной личностью. На свою мать Лазарь смотрел как на жертву, не понимавшую самого главного в жизни. Именно жизни, а не простого выживания. Невероятно, что люди могли прожить здесь

всю свою жизнь и умереть здесь же. Это казалось сумасшествием. Лазарь решил приложить все свои силы, чтобы избежать подобной участи. Подрастая и набираясь сил для будущего, он будет сосредотачивать своё внимание на окружавших его людях. Он будет терпеливо наблюдать.

Лазарь тщательно изучил работу отца и перенял все его навыки. Он также интересовался и другими людьми. Дядя Лёвик, отец Морриса, в то время занимался кожевенным делом, и изготавливал колодки для обуви. Это был невысокий человек с козлиной бородкой. Он носил пенсне, из-за которых его глаза казались больше, чем они были на самом деле. Лазарь часто спрашивал сам себя, зачем ему пенсне, потому что чаще всего он видел их на дядином лбу.

Дядя Лёвик, как машина, всё время находился в движении. Он оказался успешным предпринимателем. Его образ действия был прост. Несколько месяцев он изготовлял колодки, раскладывая их по размерам, а потом, когда цена на них подрастала, разъезжал по окрестным городкам, продавая эти колодки сапожникам. Или, если позволяли обстоятельства, и у него имелось достаточно средств, он и сам шил и продавал обувь.

Дядя Лёвик часто выезжал за пределы Кабанов. Он был один из немногих, кто это делал. Отец Лазаря даже и не помышлял о подобных поездках, вся жизнь отца протекала в пределах тридцати метров от своего маленького домика. А дядя Лёвик накупал кожи и других товаров и после трёхмесячной дорожной жизни возвращался в Кабаны, чтобы подогнать и переделать купленное, уже для последующей продажи. Затем всё начиналось сначала. Подрастая, Лазарь всё чаще стал ездить со своим дядей по окрестным городкам. Он был выше, крупнее своих братьев, и широк в плечах.

– Это Гита виновата, – говорили соседи, имея в виду акушерку. – Видно, она влила маме Саше немного прусской крови. Этот парень не смахивает на украинца. Слишком он угрюмый.

Лазарь мог часами стоять перед зеркалом, «совершенствуя» свою угрюмость. Он хмурил брови, щурил глаза, выпячивал нижнюю губу – всё, что ему казалось, олицетворяло безразличие. Мама Саша смотрела на эти гримасы, как на детскую забаву. А для Лазаря это не было простой игрой.

Дяде Лёвику нравилось, когда Лазарь отправлялся с ним в путь. Он хорошо справлялся с работой, был смышлёным и не бредил книгами, как его собственный сын Моррис. Но у Лазаря не было чувства юмора. «Он ещё молод. Научится. В жизни это пригодится», – поговаривал дядя Лёвик. Они запрягали лошадь в

дрожки и отправлялись в путь. Большинство их поездок длилось всего несколько дней, но для Лазаря и этого было достаточно. В десятилетнем возрасте Лазарь уже считался отличным помощником. Он развозил кожаные изделия, тщательно следя, чтобы в каждом городке каждый сапожник получал то, что ему причиталось. Ему это занятие нравилось больше, чем учёба в школе. Учёбу он рассматривал, как пустую трату времени. Лазарь ходил в школу, только когда его заставляли. У него не оставалось выбора. Мама Саша настаивала на учёбе. Но при первой же возможности он бросался к отъезжавшим дрожкам дяди Лёвика. Кто мог его остановить? Отец? Его отец никому ничего не запрещал. Мама? Но она была слишком занята самым младшим ребёнком, Розой, чтобы всё замечать. Его два брата? Они любили ходить в школу. Помимо всего прочего это ещё освобождало их от всякой работы. Брат Моррис? Он был поглощён учёбой, к тому же он носил очки. Кому, думал Лазарь, нужен помощник в очках? Это хозяину, как дяде Лёвику, разрешается носить очки, а не помощнику.

В 1904 году вспыхнула война между Россией и Японией. Япония атаковала Порт-Артур, российскую военно-морскую базу на Тихом океане. В 1905 году 300-соттысячная царская армия потеряла в битве под Мукденом 120 тысяч человек. Балтийский флот совершил длительное плавание и прибыл к берегам Дальнего Востока, где на него напали японские торпедоносцы. Это произошло на подступах к Владивостоку в узком Цусимском проливе между Кореей и Японией. Из двадцати военных кораблей семнадцать затонуло. Оставшиеся три спаслись, отплыв к нейтральным портам Китая.

Русская армия позорно проигрывала войну. Вся политическая система пришла в движение. Фронту требовалось подкрепление. Евреи до этого были освобождены от воинской повинности, но царь распорядился, чтобы в условиях надвигающейся катастрофы они тоже защищали Родину. Михаила уже призвали в армию, и он находился на пути к Киеву. Моррис получил повестку, а следующим на очереди был Юрий. Лазарь был ещё слишком молод для призывного возраста. Многие евреи прибегали к различным уловкам и хитростям, чтобы избежать службы в армии. Некоторые спешно крестились и переходили в православную веру, чтобы потом пробраться на какую-нибудь незаметную должность в тылу. Другие давали взятки чиновникам, чтобы не попасть на фронт. Но это не всегда помогало. Евреи прибегали и к крайним мерам. Двоюродный брат Лазаря, Герман, прострелили себе большой палец на правой ноге. Этого оказалось мало. Тогда он прострелил и большой палец на левой ноге. Но

его всё равно забрали в армию. Три месяца спустя он был убит в Манчжурии.

С горем пополам удалось призвать в русскую армию всего 20 тысяч евреев, из которых 18 тысяч сдалось в плен к японцам сразу по прибытии к месту боевых действий. Американский еврейский миллиардер Яков Шифф, который предоставил Японии военные займы на льготных условиях, ненавидел Россию лютой ненавистью. Яков Шифф на свои личные деньги в японских лагерях для военнопленных организовал курсы по подготовке террористов, которые проходили в них полный курс идеологической обработки, конспирационной работы и подрывного дела. Когда война закончилась, и военнопленные вернулись домой, то возвращение из-за границы десятков и сотен тысяч полностью обученных диверсантов и террористов с вполне конкретным заданием из-за кордона, и явилось настоящей причиной попытки государственного переворота 1905 года, а отнюдь не условия жизни народа, который жил как и всегда и ни на что не обращал внимания.

В 1907 году Лазарь работал в городке Мозырь, в ста километрах от Кабанов. У своего дяди он обучился выделывать колодки и стал зарабатывать в сапожной мастерской. Ему было четырнадцать лет. В отличие от своих старших братьев, он отказался от бармицвы[1]. Он был упрям, и никто не мог его заставить. Семья и без этого имела много проблем. Мама Саша продолжала вести меновую торговлю, а Моисей разбазаривал нехитрое домашнее имущество. Михаил и Юрий вернулись с войны домой и поступили работать на сталелитейный завод в Гомеле. Семья начинала распадаться, всё больше и больше родственников покидало насиженные места, чтобы никогда сюда не вернуться. У кого оставалось время на молитвы? Лазарь никогда не понимал, зачем молиться. Если евреи были избранным народом, почему их бог не прислушивался к их молитвам и не облегчал им жизнь? С тех пор, как Лазарь себя помнил, его семья всегда в чём-нибудь нуждалась. Кто при этом имел время на книги и молитвы?

Лазарь был доволен своей работой. Он обычно говорил маме Саше: «Это хорошая работа. Людям нужна обувь, а чтобы её сделать, нужны колодки. Мы никогда не будем голодать», а Моисей только ворчал, уткнувшись в Талмуд.

Но с севера приходили потрясающие новости. Еврей по имени Лев Давыдович Бронштейн, под фамилией Троцкий, стал известным человеком в Санкт-Петербурге. В Кабанах его знал каждый: Лев Давыдович был сыном преуспевающего еврейского землевладельца из Яновки, села на юге Херсонской губернии.

Всем ещё было известно, что в южных степях Российской империи царское правительство поощряло еврейских землевладельцев. Лев Давыдович, как и многие в то время вступившие на политическую арену и достигшие власти, взял себе другое имя. Он выбрал для себя первую пришедшую на ум фамилию, когда его арестовали: Троцкий. Это была фамилия его тюремного надзирателя в Одессе.

В 1903 году в Лондоне, который всегда был центром мировой антирусской политики и всегда финансировал любые антирусские организации, прошёл Второй Съезд Российской Социал-Демократической Трудовой партии. На самом деле, этот съезд представлял собой не прекращавшуюся внутрипартийную грызню. Произошёл знаменитый раскол партии на две фракции: большевиков и меньшевиков. Глава большевиков, Владимир Ульянов, провозгласил, что «подпольная партия, ставящая своей целью свержение царизма, должна оставаться строго централизованной», в то время как руководитель меньшевиков Юрий Мартов отстаивал свою точку зрения, что «наша партия не является исключительно партией профессиональных революционеров, и что она должна быть открытой для всех, признающих её программу».

Еврейское население Кабанов тоже определило свою позицию. Хотя Ленин и имел деда-еврея, сам себя он не считал полноценным евреем. Ходили слухи, что он был татарином, и Моисей частенько повторял: «Если Ленина хорошенько поскрести, то из него потечёт татарская кровь». Поэтому поддержкой евреев пользовался только один настоящий еврей – Троцкий. Троцкий же перекинулся в лагерь меньшевиков. Но существовало мнение, что Троцкий поступил так сгоряча и оттого, что не поощрял грубого поведения Ленина. Моисей по этому поводу высказался так: «Татарин – всегда татарин».

Евреи с готовностью бросились в нараставшую революционную борьбу. Еврейские ремесленники объединились в еврейскую революционную организацию под названием «Бунд», от которой потом и отпочковались все социал-демократы, то есть и большевики и меньшевики. Михаил, такой же незаметный и нерешительный как и отец, вступил в «Бунд». Его главным стремлением было выжить в закрутившейся мясорубке. Лазарь садился в ноги к взрослым и слушал их рассуждения о событиях в стране. Для многих эти события несли большие проблемы.

– Оставили бы нас в покое, – говорили одни. – Царь плох, но революционеры ещё хуже!

Другие считали, что приходит новая эра. Они чувствовали это и надеялись, что вот теперь для них начнётся новая жизнь и на их улицу придёт праздник.

– Будущее будет таким прекрасным!

Они ждали этого будущего как пришествия еврейского Мессии прямо сюда, в Кабаны.

Дядю Лёвика донимали страхи. Что принёсут с собой большевики? – Неизвестно. Моррис разделял его тревогу. Они обсуждали всевозможные варианты и зашли так далеко, что строили планы на случай, если к власти придут люди типа Ленина или Троцкого.

Лазарь с готовностью запоминал всё, что слышал. Для него было ясно, что Троцкий – неуравновешенный человек, но, похоже, знает, о чём говорит. Лазарь понимал, что ему во многом придётся разобраться, прежде чем принять решение. Он уже слышал, что многих революционеров арестовывали и даже ссылали в ссылку. Но они уже многому научились и подошли к пониманию того, как подчинить себе правительство. На их счастье, Николай Второй не принимал против них никаких решительных мер.

Революционное подполье поднимало голову. На Пасху 1911 года в Киеве был убит мальчик Ющинский. Ходили упорные слухи, что он ритуально принесён в жертву иудейскими сектантами, а 14 сентября 1911 года в Киеве был убит и сам Премьер-министр П.А.Столыпин. Убийца – Мордехай Богров, был еврей и телохранитель Столыпина.

Киев стал местом ещё одной драмы, непосредственным свидетелем которой стал Лазарь.

В Киеве евреями готовилось очень важное собрание, о котором говорили, что «этот митинг окажет большое влияние на нашу жизнь, поэтому каждый должен принять участие». Дядя Лёвик и ещё несколько человек из Кабанов тоже собирались туда пойти. Лазарь решил к ним присоединиться, хотя Моисей отговаривал его: «Накличешь там на себя беду, и будут тебя преследовать несчастья всю твою жизнь».

Михаила, как члена большевистской партии, уже арестовывали. И хотя его продержали в тюрьме только два дня, но мысль, что беда может настичь любого из его сыновей, сильно пугала Моисея. Но как всегда, Моисей уступил. На этот раз отговоркой стал возраст Лазаря.

– Ему уже восемнадцать. Мужчина. Что можно сказать восемнадцатилетнему? Они уже всё знают. Я в восемнадцать лет уже женился. У меня были обязанности перед семьёй. И у меня не оставалось времени на такие глупые затеи как митинги.

Мама Саша тоже не препятствовала. Младшая дочка занимала всё её время и мысли. Роза оказалась самой лучшей ученицей в школе, и каждый день она приносила домой всё

больше вопросов и домашних заданий. Мама Саша изо всех сил старалась помочь дочке с её учёбой. В то время как семья скептически расценивала предстоящую поездку, Лёвик и Лазарь собрались в дорогу. Для Лазаря эта была первая поездка в Киев.

По мере приближения дрожек к пригороду Киева, Лазарь всё ещё слышал голос Морриса, описывающего то, что он увидит. Моррис даже начертил карту с комментариями.

– Вот золотой купол, сияющий на солнце. Это Собор Святой Софии, возведённый в 1037 году. Киев – старинный город, славящийся своими археологическими и историческими памятниками. В городе имеется примерно тысяча улиц, и стоит он на семи холмах, с которых открывается прекрасный вид на Днепр. На берегу возведён памятник Князю Владимиру, который, говорят, был на половину евреем, установившим Христианство на Руси.

Дяде Лёвик тоже добавил. Он вспомнил слова Гоголя: «Как прекрасен Днепр при тихой погоде!» и объяснил, что это был типичный гоголевский сарказм, потому что сам Гоголь отлично знал, каким неприветливым и мрачным мог быть Днепр большую часть года. Но сейчас была весна, и Крещатик приветствовал их буйным цветением сирени. По обеим сторонам главной улицы города вытянулись огромные каштаны. Они миновали Киевский Университет с его красными стенами. Затем они проехали мимо собора Святого Владимира, захоронения Аскольда и свернули на маленькую улочку, у которой даже не было названия. Они остановились перед домом без номера. Собрание должно было быть проведено в маленьком помещении этого здания, которое служило синагогой. В помещение набилось около двухсот человек, хотя обычно здесь собиралось не более сотни посетителей. Тем, кому не удалось протиснуться в помещение, было предложено прийти через час, когда начнётся второе собрание. Женщины не допускались.

Лазарю удалось пробраться вперёд. На сцене стоял только деревянный стол. Ни стульев, ни плакатов, ни лозунгов, ничего – только один стол. Помещение наполнилось возбуждённым гулом собравшихся, но шум сразу же стих, как только невысокого роста человек в пенсне на огромном с горбинкой носу появился из боковой двери и взобрался на сцену. На голове у него была сдвинутая на лоб фуражка, а на худых ногах болтались ботинки. Кучка неряшливо одетых мужчин с лицами, показавшимися Лазарю идиотскими, тенью следовала за человеком, которого они звали Троцкий. Он оказался меньше, чем Лазарь его себе представлял. Лазарь всегда думал, что вождь или кандидат в вожди должен быть высоким. Говорили, что Ленин был почти

двухметрового роста. Неужели это правда? Но этот человек оказался маленьким. Правда, когда он снял свою кепку, показалась копна чёрных курчавых волос, и Троцкий стал казаться выше ростом. Его волосы имели такой вид, как будто их никогда не касалась расчёска. У него была небольшая бородка и усы. Троцкий всем своим видом напомнил Лазарю отца, и Лазарь даже подумал, что и голос должен оказаться отцовским. Как только Троцкий открыл рот, Лазарь понял, что в этом отношении они с Моисеем совсем не похожи. Голос Троцкого за несколько секунд набрал высоту и оставался таким до окончания речи. Нет, этот человек больше уже не напоминал тихого и мягкого Моисея Кагановича. Он оказался темпераментным, самоуверенным и решительным. Он произнёс: «Я отвечу на ваши вопросы ещё до того, как вы их мне зададите». Ни приветствия, ни даже улыбки. Сразу – к сути дела.

– Совет – это зачаток революционного правительства. Совет создаёт свободную прессу. Совет организует патрулирование улиц, чтобы обеспечить безопасность граждан. Совету подчиняются почта, железнодорожные станции, словом всё находится под властью Совета. Но это всё – для вас. Для евреев. Это вы – Совет. Первая волна следующей революции непременно приведёт к созданию Советов по всей стране. Это вы – Советы. И Советы эти – еврейские. Петербург насчитывает пятьсот тысяч рабочих. Половина из них входит в ваш новый Совет. Это заводские и фабричные рабочие. И Совет стоит на страже именно ваших интересов!

Троцкий остановился и обвёл взглядом собравшихся. Сбоку поднялся какой-то человек с длинной седой бородой и с книгой под мышкой и указал пальцем вверх:

– Я изучил Маркса. Я знаю, что ни одно общество не исчезает до тех пор, пока не появятся новые материальные условия, новые производительные силы, способные вытеснить устаревшие. Следовательно, все отсталые общества, и наше в том числе.

По толпе пронёсся ропот. Сказанное никому не понравилось. Никто не хотел слышать напоминание о своём жалком существовании.

– … что отсталые общества должны пройти через те же самые ступени развития, как и прогрессивные страны Запада, и что следующей ступеней развития должен стать капитализм с его буржуазной революцией.

Мужчина отпил глоток воды. Только некоторые поняли, что было сказано. Большинство просто гримасничали. О чём он говорит? Разве это добавит еды на столе? И вообще, зачем мы здесь собрались? Лазарь наблюдал за человеком с козлиной

бородкой и пышной шевелюрой. Троцкий не шелохнулся. Глаза его сверкали, а рука была вытянута вперёд.

– А почему мы должны идти этим путём? Кто будет делать революцию? – Русская буржуазия этого делать не будет! Революцию будут делать рабочие и крестьяне. И они совершат революцию не смотря на свою буржуазию, и даже вопреки ей!

Опять по аудитории пробежал ропот. Лазарь услышал за собой голос:

– Чёрт! Что здесь происходит? Я-то думал, что он сторонник марксизма. Или евреи внутри себя уже думают по-разному?

Кругом раздавались выкрики:

– Евреи теперь разрознились. Евреи уже не одно целое!

Троцкий проигнорировал протесты с мест.

– Рабочие и крестьяне имеют разное социальное и историческое наследие. Крестьяне в России по численности значительно превосходят рабочий класс. Но у них отсутствует ясность в понимании происходящего, и поэтому они должны подчиниться городскому пролетариату. Им придётся столкнуться с выбором: оставаться с царём или бороться на нашей стороне и на стороне рабочих.

Опять послышались недовольные голоса.

– Евреи вместе с рабочим классом, являются единственным социальным классом, способным освободить Россию. Но почему рабочие должны бороться, если плодами их победы воспользуются евреи? Рабочие не пойдут на это! Рабочих не удовлетворит, если к власти придёт ещё и еврейская буржуазия. Поэтому мы переводим буржуазную революцию в коммунистическую – отсюда и понятие «перманентной революции».

Мужчина с длинной бородой опять поднялся с места. Его вопрос состоял из двух слов, и он буквально выкрикнул их:

– Коммунистическая революция?!

Троцкий повернулся в его сторону и улыбнулся. Впервые за всё время он понизил голос. Людям пришлось податься вперёд, чтобы услышать его ответ, прозвучавший чуть ли ни шёпотом:

– Да, но в такой огромной стране как Россия, революция не может быть ограничена национальными рамками. Предположим, что в результате революции русский пролетариат пришёл к власти. Какова в таких условиях наша собственная участь? Может ли мы развиваться? Можем, но это зависит не только от России, а от распространения коммунистических революций во всём мире.

Троцкий закончил своё выступление, развернулся и сошёл со сцены. Ни «до свидания», ни заключительных слов. Он сказал то, что хотел, и ушёл.

Толпа начала расходиться. Люди обменивались мнениям, многие качали головами, некоторые улыбались, но большинство из них так ничего и не поняло. Всё происходившее казалось нереальностью. Лазарь вышел на улицу. На свежем воздухе легко дышалось. Он нашёл своего дядю, обсуждавшим что-то в небольшом кругу людей. Они говорили вполголоса, что было нехарактерно для России, где обычно искренне и бурно выражали свои чувства. Лазарь понимал и одновременно не понимал то, что он услышал. Рабочие будут контролировать революционные события. Только это он и усвоил: не студенты, не интеллигенция, и не крестьяне, а только рабочие. Те, кто работает рука об руку друг с другом. Организованная сила. – Тогда те, кто руководит рабочими, получат возможность руководить всем. Что-то начало проясняться в голове Лазаря. Он знал, что находится на правильном пути. Значит, сначала ему надо стать рабочим и следовательно – участником организованной силы, а после будет видно.

Весь обратный путь в Кабаны они находились под впечатлением увиденного и услышанного. Лазарь почти не разговаривал, а его дядю терзали сомнения. Действительно, Троцкий рассуждал интересно, но будет ли это приемлемо для него, Лёвика, для всей его семьи и для жителей Кабанов? Царя все знают. А кто такие Троцкий, Ленин и Мартов? «Не знаю, не знаю», – повторял он всю дорогу. Потом он начал посмеиваться: «Сидим между двумя стульями». Он повернулся к Лазарю: «Служить и вашим, и нашим». Лазарь внимательно посмотрел на своего дядю, человека, которого он любил и ценил больше чем родного отца. Он оглядел небольшую седую бородку и маленькие мигающие глаза. Дядя Лёвик был маленького роста, но, как и Троцкий, таил в себе скрытую энергию и властолюбие. У Лазаря было больше общего с дядей Лёвиком, а Моррис скорее напоминал Моисея Кагановича. Всё это было трудно понять, а Лазарь предпочитал простоту и ясность. Кругом было столько людей, столько родственников. Он мог бы обойтись без многих из них. Дядя Лёвик рассмеялся, его тихий смешок перерос в громкий хохот. Лазаря трудно было рассмешить. Он обычно казался чересчур серьёзным, и многие, поэтому считали его лишённым чувства юмора. Он не видел большого повода к веселью. Жизнь не давала повода для смеха и веселья. Тем не менее, спустя немного времени, Лазарь заразился дядиным смехом. Он не понимал, почему дядя Лёвик смеялся. Дядя посмотрел на Лазаря: «Меня только сейчас осенило как громом: Троцкий, Ленин, Мартов, царь, царица… Кого они волнуют? Я смотрю на этот вопрос только с одной точки зрения. И ты, мой племянник, должен уметь

видеть между строк. Я скажу…». И он взглянул на раскинувшееся над ними звёздное небо и произнёс: «Я скажу…, главное, чтобы евреям всегда было хорошо. Вот что я скажу». Он оглянулся, чтобы убедиться, что они одни на дороге, и что их никто не слышит, и рассмеялся опять: «Кого это волнует? Главное, чтобы евреи всегда жили хорошо!»

Когда они, наконец, добрались до Кабанов, над холмами занималась заря. Постукивание лошадиных подков и прохладный воздух разбудили Лазаря. Он медленно открыл глаза и увидел, что дядя ещё спал. Лошади тащили дрожки по знакомой дороге.

Украина была сельскохозяйственным центром огромной страны. На её территории имелось и много крупных промышленных предприятий. Лазарь мог бы найти подходящую для себя нишу где-нибудь в этом месте, в этой стране, в этом мире. Мыслями Лазарь опять возвращался к тому, что он услышал прошедшим вечером от невысокого человека в натянутой на лоб фуражке, и от ещё более маленького человека с седой бородкой, дремавшим теперь рядом с ним. Он чувствовал, что они оба правы. Пусть они будут держать знамя, под которым он станет маршировать. Они оба хорошо дополняли и понимали друг друга. Они оба пригодятся ему. «Главное, чтобы евреям всегда было хорошо».

С тех пор он ещё сильнее привязался к своему дяде, наблюдая, что он делал, и тщательно слушая, что он говорил. Многие жители посёлка имели неопределённое мнение о том, что евреям следовало делать и кого поддерживать. Его отец вообще не высказывался на эту тему. Братья были далеко, а мама Саша была целиком занята Розой. Мама Саша была счастлива, что хотя бы один её ребёнок не станет увлекаться политикой. Это было не женское дело. Моррис для себя уже решил, что со временем он уедет. Он доберётся до Минска, пересечёт Польшу и дальше через Балтийское море переправится в Ригу или Лиепаю. Там он сядет на корабль, который доставит его на другую сторону Атлантики, в Америку. Многие евреи в то время планировали покинуть Россию. И действительно, ещё до революции четыре миллиона евреев перебралось в Соединённые Штаты, двести тысяч – в Великобританию, а шестьдесят тысяч отправились подготавливать сионистское государство в Палестину. Америка казалась Моррису самым привлекательным местом. Хотя он ещё не знал, чему посвятить свою жизнь, но твёрдо решил, что Россия для этого ему не подходит.

Каждый вечер за ужином семья обсуждала, уедет ли с семьёй дядя Лёвик или нет. Лазарь очень надеялся, что дядя Лёвик никуда не поедет, но чувствовал, что все эти разговоры – только

прелюдия к неизбежным событиям. Решение уже было принято, и бесконечные рассуждения велись лишь для того, чтобы оттянуть время отъезда.

Лазарь продолжал работать в Кабанах или округе, хватаясь за любую работу, которую он мог найти. Одно время он был учеником портного и пришивал пуговицы к пальто и пиджакам. Потом ему пришлось развозить тележку с наваленным на неё товаром от владельца к покупателю. Если работы не было, то он проводил всё своё время на собраниях всевозможных революционных групп, какие только мог найти. С замиранием сердца он слушал все выступления, взвешивая, кто что сказал и почему. При любой возможности он отправлялся в Киев, поскольку Киев был центром революционной деятельности. Он даже мог прошагать почти двести километров туда и обратно, если предстояло выступление известного активиста. Но прежде всего, ему надо учиться у человека, которого он увидел на своём первом собрании, у Троцкого. Троцкий знал, как использовать пропаганду. Казалось, что Троцкому известны ответы на все вопросы.

Лазарь хорошо запомнил вторую встречу с Троцким. Это тоже произошло в Киеве, на этот раз на еврейском собрании в подвале какого-то склада, всего в сотне метрах от полицейского участка. Лазаря поразило то, что у Троцкого вполне отсутствовало чувство страха. Открытое неповиновение и вызывающее поведение являлись составной частью его натуры. На этом собрании Троцкий высыпал на стол бобовые зёрна.

– Посмотрите на эти бобы, – произнёс он. – Одно зерно в центре представляет царя.

Каждый из присутствующих подался вперёд, стараясь предугадать, что дальше сделает этот молодой человек в маленьких очках и с буйной шевелюрой на голове.

– Его окружают министры, чуть далее разместились попы и капиталисты. Все остальные – это рабочие и крестьяне.

Находившиеся в зале с пониманием закивали и заулыбались. Это было так просто и понятно. И это было правдой. Но что такое революция? Что-то новое? Что-то такое, чего они ещё не знают?

Лазарь почувствовал беспокойство. Это не может быть так просто. Это что-то совсем другое. Пока другие слушатели поддакивали и кивали в знак согласия, Лазарь не шевелился. Он наблюдал за выражением лица Троцкого. Троцкий играл с толпой. Он давал ей немного потешить своё самолюбие. А затем внезапно показывал её наивность и недалёкость. Таким образом, он подчёркивал, кто здесь хозяин или потенциальный хозяин.

Троцкий поднял голову и оглядел собравшихся. На его лице

была та же решительность, которая так поразила и запомнилась Лазарю ещё на первом собрании. Но по выражению глаз нельзя было понять, о чём думал этот человек. Он стремительно протянул обе руки к столу.

– А теперь я мешаю их всех.

И он быстро стал перемешивать бобовые зёрна. Всё смешалось. Бобы разлетелись в разные стороны. Троцкий даже не повернулся в сторону слушателей. Он устремил свой пронзительный взгляд на стол с разбросанными по нему бобами и шёпотом произнёс:

– А теперь скажите, где тут царь?

Он вдруг резко развернулся и ушёл. Собравшиеся не шелохнулись. Стояла полная тишина.

Лазарь не долго раздумывал, что он должен делать. Ответ, по крайней мере, для него, теперь был окончательно ясен. Он должен сделать свой выбор и определиться, с кем он. И именно тогда он решил быть как и Троцкий, независимо о того, к какой партии формально принадлежит этот человек.

К концу 1911 года появились новые проблемы. Большая семья собралась на семейном совете. Единственным выходом казался отъезд в Америку. Ситуация в стране накалялась. Ходили слухи, что если к власти придёт Ленин, то последуют такие гонения, которые при царе и не снились.

– Вы что не понимаете? – произнёс Моррис. – Мы знаем, чего ждать от царя. А Ленин и его люди? Нет. Лучше иметь дело с тем, что знаешь. При царе хотя бы мы можем владеть какой-то собственностью. При большевиках у нас не будет ничего.

Они, как и каждый в Кабанах, понимали, что с царём скоро будет покончено, а это был всего лишь 1911 год.

Было решено, что дядя Лёвик с семьёй, включая Морриса, подадутся на запад, а его родители и сестра останутся. Лазарю хотелось бы, что бы всё произошло как раз наоборот, но он промолчал. После посещения революционных собраний он уже понял, что в революции нет места для сентиментальности. Если они так решили, то пусть так и делают. Они сделали свой выбор, а он сделал свой, а другое его не касается.

В день отъезда дяди Лёвика и Морриса Лазарь решил быть от Кабанов как можно подальше. Он не хотел поддаваться при расставании эмоциям. Он не мог позволить себе проявить слабость в проявлении чувств. Он лучше сохранит их для рождения новой России. Он сбережёт энергию для работы в этом направлении, а не будет растрачивать её зря, на семейные дела. Он твёрдо усвоил поучение Троцкого: «Не растрачиваться по пустякам – только продуктивная работа!».

Поэтому в день отъезда дяди Лёвика с семьёй Лазарь ушёл в Вилки, где проходило собрание большевиков. И хотя собрание было назначено на вечер, Лазарь отправился на него ранним утром, потому что стремился избежать эмоционального дня прощания в Кабанах. Как только взошло солнце, он высунул голову за дверь. Моррис уже поджидал его. На его лице светилась улыбка. Моррис догадался, что задумал Лазарь, и опередил его. Моррису хотелось в последний раз поговорить с двоюродным братом, не смотря ни на что. После стольких лет вместе ещё оставались некоторые вопросы.

– Ты меня ждёшь? – сразу спросил Лазарь.

– Ты же знал, что я приду.

Лазарь кивнул. И они вдвоём перешли через дорогу и присели на краю леса под раскидистым дубом. Если им предстоит разговор, считал Лазарь, то пусть это останется между ними. Выступление на собраниях – это одно дело, а частные разговоры должны вестись просто.

– Было бы глупо с моей стороны просить тебя прийти сюда, – самодовольно сказал Моррис.

Лазарь чувствовал дыхание холодного утра. Везде лежала роса. Он нагнулся к мокрой траве и поднял лежавший в ней камень с острыми краями.

– Ты надолго останешься в Кабанах? – задал вопрос Моррис.

– Нет.

– Думаю, что мне не стоить приставать с расспросами к Розе или к твоим родителям?

– Почему же, можешь и спросить, – отозвался Лазарь без злости.

Он начинал вычерчивать круг на стволе дерева.

– Но ты догадываешься, что я чувствую. Я не могу и не хочу оставаться здесь. Они выживут, со мной ли или без меня.

– А как же выживешь ты?

Морриса интересовало это по-настоящему, а не то, что других родственников, которые задавали формальные вопросы, суя свой нос в чужую жизнь, только чтобы о чём-то поговорить.

Острым краем камня на стволе дерева Лазарь вычертил глаза, нос, рот. Затем он вложил камень в ладонь Морриса и сжал её своей ладонью. Он ощутил тонкие и хрупкие косточки своего двоюродного брата. Его собственные ладони были огромными, а руки сильными, и он легко обхватил маленькую ладонь Морриса.

– Спасибо, спасибо.

Моррис в свою очередь положил свою свободную руку на руку Лазарю и пожал её. Он почувствовал биение пульса и посмотрел в холодные карие глаза своего младшего брата. Но в

этих глазах не было ни страха, ни эмоций. Моррис хотел сказать Лазарю, чтобы тот был всегда осмотрительным, но не смог этого сделать. Он уже тогда знал, что этот совет скорее будет полезен тем, кто станет общаться с Лазарем. Именно эти люди должны быть осмотрительными.

Лазарь быстро одёрнул руку. Внезапно его словно пронзило холодом. Он отвернулся и кинул камень в дерево. Камень пролетел мимо. Лазарь наклонился и подобрал другой камень. Он снова прицелился и попал в нарисованный нос. Он продолжал подбирать камни и швырять их в дерево до тех пор, пока рисунок совсем не стёрся.

Моррис подошёл к дереву.

– Кто это? Царь? Русские солдаты? Или Я?

Лазарь в ответ рассмеялся:

– Да кто угодно.

Моррис вернулся к Лазарю и положил свою руку ему на плечо.

– Ты дашь о себе знать, да?

Лазарь кивнул.

– Ты ещё услышишь обо мне. Я в этом уверен.

Моррис попытался улыбнуться, но улыбки не получилось.

– Ну и хорошо. Теперь я за тебя спокоен. Теперь можно и ехать.

Ему хотелось сказать больше, но он не знал, что именно. Лазарь продолжал смотреть на двоюродного брата, второго по значимости после дяди Лёвика человека в его жизни. Ему тоже надо было что-то ответить, но слов не находилось. Он только смог выдавить из себя короткое «Да».

Моррис повернулся и направился через дорогу домой. Там уже начали собираться. Многое ещё предстояло сделать. Лазарь опустился на землю. Ему хотелось передать через Морриса какие-то слова дяде Лёвику, но он точно не знал, что именно. Скорее всего, что он будет скучать без него. В этом Лазарь был уверен. Дяди Лёвика ему будет не хватать.

Но когда он, наконец, нашёл нужные слова, Моррис уже переступал порог дома. Лазарь посмотрел на закрывшуюся дверь и зашагал вдоль дороги. Он не вернётся сюда до наступления ночи.

В Мозыре он вступил в большевистскую партию. Это оказалось простым делом. Он всего лишь расписался на листке бумаги со списком имён, и ему выдали удостоверение. Его назначили организатором. Он был молод, полон сил и твёрдо верил в цели партии, в то, что им было нужно. Он стал подражать манере Троцкого: иногда спокойный и задумчивый, а временами

– резкий и взрывной.

В Кабанах многие жители уже готовились к отъезду за границу. Казалось, что по-другому и быть не могло. Они чувствовали неизбежное столкновение между привычным своим существованием и тем новым, к чему так стремился Лазарь. Мама Саша и Моисей тоже сделали свой выбор: они никуда не поедут. Ведь им отданы на хранение кое-какие семейные пожитки, а главное – не осталось лишних ртов. Юрий и Михаил уже жили самостоятельно, сами зарабатывали себе на пропитание, и редко навещали родителей. Фактически, уже прошло пять месяцев, как от сыновей не было никаких известий. Но их это не волновало. Дома с ними оставалась Роза, самая младшая, а Лазарь, по всей видимости, тоже скоро съедет. Втроём они проживут. Зачем покидать нажитое добро, даже если дети куда-то уехали? Наоборот, дети будут знать, что у них есть дом, и если им понадобиться, они всегда могут в него вернуться. Пусть дом в их сознании навсегда останется путеводной звездой. И они всё время будут помнить о нём.

Лазаря ничего не держало в Кабанах. Ему надо было быстро расти. Если он ничего не предпримет сейчас, то навеки погребёт себя в этих Кабанах. Его членство в большевистской партии многое значило для Лазаря. Это была партия горстки интеллигентов, боровшихся за «правду». И он заставит себя бороться со всеми другими группировками, включая социал-революционеров, меньшевиков, бундистов, и даже если необходимо – сионистов, хотя все они были представлены преимущественно евреями. Это была борьба за мировое идеологическое лидерство между еврейскими фракциями. Его ничто не сможет остановить. Лазарь был уверен, что готов к этой борьбе, но для начала он должен уехать из Кабанов. Только уехать надо быстро, не распускать нюни, как он уже однажды сделал при отъезде дяди Лёвика и Морриса. Но на этот раз прощаться вообще не надо. Ему не нужны укоризненные материнские взгляды и осуждающие рассуждения отца. Не нужно ему и высокомерного взгляда шестнадцатилетней Розы, смотрящего на него как на преступника. Он любил сестру, особенно восхищаясь её красотой: чёрными, как смоль, глазами и подстать им чёрными волосами. Она вообще выглядела так, как никто среди многочисленной родни. Многие из них вообще смотрелись отталкивающе. Но Роза была исключением. С классическими чертами лица, словно высеченными из мрамора, она скорее напоминала египетскую царицу, чем деревенскую девушку. Но в отличие от повелительницы Нила, вела она себя не как царица. Роза отличалась неразговорчивостью, была словно

погружена в себя и целиком занята своей учёбой. Она мечтала стать врачом. Лазарь и одобрял её выбор, и сомневался в его правильности. Это похвально, что она думает о других, но в то же время, рассуждал он, ей полезно бы подумать и о себе. Ведь без этого качества успеха ей не добиться.

В последние дни перед отъездом его окружали отец, мать, сестра и многочисленные родственники, ещё остававшиеся в Кабанах, и постоянно вертевшиеся около маленького домика. Его замучили слезливые напутственные слова, причитания, поцелуи и советы, советы, советы. Меньше всего ему были нужны чужие советы. Скоро вся страна будет Советов. Все эти советы, в которых он когда-либо будет нуждаться, он даст себе сам, и только он один.

Перед отъездом он много бродил пешком по округе, наблюдая, как другие грузят пожитки и отправляются в путь. С теми, кто оставался, уезжавшие производили обмен своей неказистой мебели на дрожки или картошку, рассчитывая на долгий путь. Они разъезжались в разные стороны, но в головах у них было одно – служение своему народу: кто-то направлялся на юг через Молдавию, а со временем – и в Италию; кто-то ехал через Минск и Польшу на запад. И кто знает, встретятся ли эти люди когда-нибудь или хотя бы услышат друг о друге? Лучше бы им больше не видеться. О чём они будут говорить? Да и захотят ли они вообще разговаривать?

Лазарь принял окончательное решение. Он не будет тратить попусту времени в свой последний день в Кабанах. Он просто сложит свои вещи и уйдёт. Соберёт самое необходимое, а ему много и не надо, уложит в маленький заплечный мешок, который купил в Киеве, и уйдёт спокойно, или, по крайней мере, сделает вид, что спокойно. Работу он найдёт. Должен найти. Ведь он большевик. Разве это не поможет открыть ему любые двери?

Незадолго до восхода Лазарь стоял на дороге перед своим домом. Не надо оставлять никаких записок, чтобы сказать «до свидания». Они все поймут. Должны понять. А если ещё не поняли и никогда не поймут, то это их проблемы, и от него это не зависит. Вскоре он уже шагал по дороге. Казалось невероятным, что он не оглянулся даже на мгновение. Подойдя к окраинам городка, он остановился и всё-таки посмотрел назад. Он увидел маленький домик, в котором вырос. Дом погрузился в темноту, и только в окне на кухне горела свеча, зажжённая в честь еврейской субботы. Она погаснет с первыми проблесками света. Он постоял немного, наблюдая, как медленно поднималось солнце. Пламя свечи колыхнулось, словно на него подули, и пропало, оставив вместо себя только тонкую струйку дымка.

ГЛАВА 2

Лазарь прошагал пешком около ста пятидесяти километров до Киева. Движения на дороге почти не было. Крестьянин на повозке, груженной клетками с цыплятами, остановился и подвёз Лазаря километров тридцать, пока ему самому не понадобилось свернуть с главной дороги. Этот человек ни о чём не расспрашивал, а в обмен за услугу взял две картофелины. В пригороде Киева Лазарь зашёл на склад текстильной фабрики. Здесь требовались физически выносливые рабочие. Так он получил свою первую работу на пути в новую жизнь. Лазарь производил впечатление сильного человека. Он был крупного телосложения, с сильными руками, плечами и могучей шеей. Кроме того, человек, нанявший его на работу, сам состоял членом партии. А у партийных евреев было принято всегда проявлять заботу о своих единоверцах. По ночам Лазарь встречался с другими коммунистами, чтобы обсудить, что произошло или ещё не произошло в стране. Ему понадобилось всего несколько месяцев, чтобы понять, что только работа и собрания – это ещё очень мало. Он был молод, энергичен и полон амбиций. Он чувствовал, как вся его натура противилась принимать приказы от других. Его родители могли повиноваться другим, но не он. Он же будет стремиться к тому, чтобы добиваться нужного ему самому.

По поручению партии он начал организовывать большевистскую ячейку среди русских рабочих. Это было незаконным делом, но многое из того, что в то время происходило в стране, уже давно было незаконным. Еврейский профсоюз вёл подготовительную работу к проведению забастовки. Однако Лазарь на своём участке работы не призывал к забастовке. Не хотел. Он организовал ячейку, как ему было поручено, и ждал удобного случая, чтобы идти дальше. А дальнейшие пути ещё не были определены теми, кому он подчинялся. Но кто-то, где-то отдал распоряжение о проведении забастовки. В этом не было необходимости, думал Лазарь, и поэтому было глупостью. Он пытался спорить со сторонниками забастовки: «Мы не можем идти дальше, не укрепив своих рядов». Но его не услышали. Забастовка развернулась и была быстро подавлена властями. К этому времени Лазаря уволили. Тот, кто организует и руководит, в случае неудаче должен уйти первым. Теперь он это усвоил. Рабочие вернулись на свои места, а он опять пустился в путь. Это была его «вина», не смотря ни на что.

Он перебрался в Киев, где нашёл работу на кожевенной

фабрике. Тут его наняли не потому, что он был большевиком, а просто потому, что он оказался лучше других: он умел работать с кожей. Дядя Лёвик хорошо обучил его этому ремеслу. Обычно трудно найти молодых и выносливых людей, знающих толк в выделке и продаже кожи. На этот раз, однако, всё должно быть по-другому. Он решил стоять в стороне от партийной активности на фабрике. Он будет делать только то, что сам посчитает нужным. Предыдущий урок пошёл ему впрок. Людям доверять нельзя. Если надо что-то исполнить, делай это сам. Каждый мнит из себя вождя и руководителя, но на самом деле вождей единицы.

В последующие два года Лазарь продолжал работать на кожевенной фабрике, для видимости занимаясь тем, ради чего его наняли, и активно проводил партийную работу вне фабрики, стараясь держаться в стороне от местных фабричных активистов и не портить там, где сам работаешь.

С началом Первой Мировой войны для него было важным не высовываться, чтобы не попасть на фронт. На протяжении двух лет это ему удавалось, но к концу 1916 года ситуация изменилась. Как члену Киевского Комитета большевиков, Лазарю пришлось выступить с осуждением «империалистической войны». Его могучая фигура на трибуне производила впечатление. Он отпустил бородку на манер Троцкого и носил такую же замызганную фуражку. Но ему не удалось имитировать буйную шевелюру своего героя, поскольку его собственные волосы начали редеть. И в отличие от Льва Давыдовича, Лазарь теперь весил около ста килограммов. Его крепкая фигура вызывала уважение, и он во всю пользовался этим обстоятельством. Он сразу перешёл на высокие ноты, как это делал Троцкий несколько лет назад:

«Царь – ничтожная личность. Его жена – истеричка. У него есть сын, который, к счастью, не доживёт до совершеннолетия, и, так называемый, святой старец Григорий, который сам зовёт себя Распутиным, а на самом деле является обычным развратником. И эти люди правят нами вопреки нашему желанию. Нам не нужны новые захваченные земли. Нам не нужны золото и бриллианты. Нам не нужны банкеты на золотой посуде. Нам нужен хлеб».

Его первая речь стала и последней, поскольку его арестовали и выслали из Киева. Опять ему пришлось шагать по дороге, на этот раз в направлении на восток, дальше, как он надеялся, от любопытных глаз и ушей тех, кто стремился обуздать его. В целях конспирации Лазарь сменил фамилию с Каганович на Стомачин, а его соратник по партии снабдил его фальшивыми документами. Затем он поселился в Юзовке, в двухстах километрах от Киева. Он посчитал, что чем дальше он окажется, тем меньше будет риск по поддержанию связей с Киевом. Кроме того, Юзовка считалась

рассадником большевистской активности. Она располагалась ниже Макеевки, к востоку от Мелитополя и не далеко от Азовского моря. Тёплый климат и близость моря оказались приятным дополнением. В обмен на фальшивые документы Лазарю была поручена задача привлекать русских рабочих на сторону большевиков и не давать им следовать за своими собственными лидерами.

Понадобилось три недели, чтобы добраться до Юзовки. Узкие дороги были до отказа забиты народом и повозками. Еврейское население перемещалось вглубь страны, подальше от западных границ, где разворачивались военные действия. Евреи всегда держались подальше от настоящей войны. Война же разгоралась не на шутку, и по всей России всё сильнее разворачивали революционную деятельность.

С вступлением в войну Турции и Италии Германия смогла сосредоточить своё внимание на востоке. Это создало напряжение в России. Линия фронта была очень растянутой, а это вызывало опасения, и царь решил лично занять место Верховного Главнокомандующего.

У Лазаря в это время появились свои проблемы. Ему приходилось много ездить по стране. Перебираться на перекладных тогда было обычным явлением. И до тех пор, пока в кармане имелось несколько рублей или немного продуктов в заплечной сумке, то добраться из одного места до другого не составляло труда. Даже если случалось идти пешком, на дороге всегда оказывался кто-нибудь, готовый подвезти и скоротать время в пути за разговорами.

Лазарь перебрался в Екатеронослав (Днепропетровск), расположенный на Днепре южнее Харькова, примерно в шестистах километрах от Кабанов. Здесь он устроился работать сапожником на обувную фабрику. И опять он стал заниматься нелегальной деятельностью по сколачиванию профсоюза сапожников, пройдя путь от никому неизвестного новичка до лидера ячейки. Вместе с другими большевиками Екатеринослава он активно пропагандировал против войны, которую руководство приказало заклеймить «империалистической», хотя на самом деле цель была раздуть внутренние противоречия в государстве и обществе. Через несколько месяцев он уже стал членом районного партийного комитета, а также и членом городского Комитета партии. Лазарь организовал и возглавил забастовку на обувной фабрике. Его быстро уволили, но он улыбался. Забастовка была делом его рук, он её полностью контролировал, и знал, что из этого выйдет. Рабочие фабрики, пробастовав шесть недель, потребовали от администрации восстановления Лазаря на работе

в обмен на прекращение забастовки. Рабочие действовали согласованно и сплочённо, как им приказал Лазарь, и владельцу фабрики пришлось пойти на уступку. Требования рабочих были удовлетворены, а Лазаря восстановили на работе. Это оказалось значительным достижением со стороны бастовавших. Они решили, что владелец фабрики заслужил «хорошего урока». Его очень сильно избили, сделав калекой, и полиция стала искать зачинщиков. Лазаря арестовали и выслали из города. Он перебрался в Мелитополь, немного южнее Екатеринослава, всего в нескольких километрах от Азовского моря и в восьмистах километрах от Кабанов. Лазарь снова изменил фамилию, на этот раз – на Гольденберг, и опять стал работать сапожником. Благодаря его опыту, он возглавил подпольный профсоюз сапожников и организовал местную большевистскую ячейку. Закончив с организационной работой, он направился в Юзовку. Недалеко от Новороссийска он поступил на работу на обувную фабрику и стал здесь главой местной партийной организации. Организованный им профсоюз провёл несколько удачных забастовок. Самая крупная из них охватила более 50 тысяч рабочих с требованием увеличить зарплату на 50 процентов.

Не было сомнений, что два гигантских профсоюза – сапожников на востоке и кожевников на западе – теперь полностью контролировались такими же как Лазарь большевиками и уже играли значительную подрывную, или как тогда предпочитали говорить, революционную роль. И в этом была большая заслуга Лазаря. Партийцы рассматривали его в качестве опытного и решительного коммуниста, борца, прошедшего через аресты, и убедительного оратора. «Дядя Лёвик мог бы гордиться мной, – думал Лазарь. – Я теперь могу собирать толпу не меньше чем Троцкий, тогда в Киеве».

Лазарю поручили набирать новых людей в партию. Он искал не просто будущих членов большевистской партии, но таких, на кого можно положиться, кто был готов выполнить любой его приказ. На одном из собраний рабочих-кожевенников он познакомился с человеком по имени Никита Сергеевич. Этот человек не знал, как работать с кожей. Он был шахтёром, всего на год моложе Лазаря. Никита Сергеевич Хрущёв вырос в селе Калиновка, Курской губернии. Его отец был выходцем из бедной крестьянской семьи и работал на шахте. Сын в девятилетнем возрасте поступил работать на ту же шахту. Когда ему исполнилось пятнадцать, он уже умел ремонтировать несложное оборудование и устранять неполадки. К семнадцати годам он уже женился. Сейчас ему был двадцать один год, и его вопросы звучали осознанно и к месту. «А ты? – спросил он Лазаря. – Где

твои?». Лазарь свысока взглянул на невысокого человека с редеющими светлыми волосами. Он видел, как короткими и толстыми пальцами он умело разрезал яблоко на две половинки, хотя и не равные. Маленький кусочек Хрущёв дал худенькой девушке с глазами на выкате, сидевшей позади него. Она выглядела изнурённой. Лазарь заключил, что это была его жена. Но Хрущёв ничего не сказал о ней и даже не представил её. Глаза Лазаря внимательно изучали мальчишеское лицо Хрущёва в широкой ухмылке и большой нос с огромной родинкой. Между передними зубами были большие промежутки, и Лазарь мог видеть, что у него не хватало ещё и боковых зубов. Этот человек на самом деле выглядел уродливо. В представлении Лазаря он напоминал свинью, поедающую свою порцию яблока. Запихнул в рот целиком весь кусок яблока, он стал его разжёвывать. Лазарь ждал, пока тот закончит громко чавкать. Ему было неприятно смотреть в рот этому человеку, если он вдруг начнёт отвечать на его вопросы. Наконец Лазарь сказал: «Думаешь, мне уже следовало бы быть жениться? Нет, я ещё холост и не собираюсь жениться». И он снова взглянул на худенькую девушку. Даже интересно, как он мало думал о женщинах. Они его не интересовали. Женщины не представляли интереса для большевиков, по крайней мере, для тех из них, с которыми он общался. Некоторые имели жён, некоторые невест, но все их разговоры всегда велись только о государстве и его будущем: что происходит, что делает царь, что делает Ленин, что будет следующим этапом. Нет, женщины его не интересовали. Эта сторона жизни для него была сведена к минимуму и держалась на расстоянии. Время от времени Лазарь оказывался в женской компании, это было когда собирались члены партии, чтобы выпить водки и обменяться последними новостями. Не было ничего необычного в том, если за соседним столом в одиночестве сидела женщина, тоже работница фабрики, попивала дешёвую водку или дешёвое вино, выкуривала папиросу за папиросой и прислушивалась к разговорам мужчин. По тем строгим нравам это были весьма крутые женщины. К концу вечера, когда было много выпито, а закуски оказывалось недостаточно, эта женщина могла пригласить Лазаря провести ночь вместе. За такими короткими встречами ничего не стояло. Лазарь никогда не стремился продолжить знакомство. Для него это было просто минутной отдушиной. И ничем более. Революция – дело серьёзное, в ней нет или почти нет места для личных взаимоотношений, которые не завязаны на политике.

Но все люди разные. В сидящем перед собой Хрущёве Лазарь разглядел единомышленника и соратника, который будет без

глупых вопросов выполнять то, что ему прикажут, и будет работать без устали. У Хрущёва почти не было образования, но он считался крепким и выносливым рабочим. А это то, что надо. Лазарь решил привлечь его к подпольной работе и присматриваться, очень внимательно присматриваться, до тех пор, пока не станет окончательно ясно, что этому человеку можно полностью доверять. «Пускать козла в огород», – такое выражение он часто слышал в Кабанах. Пусть Хрущёв станет этим «козлом» – «пустим его в огород», а Лазарь посмотрит, как тот станет себя вести. В главном они сходились с Хрущёвым, они оба рассматривали весь этот политический «огород» как опытное поле возбуждения и подстрекательства народа, что тогда называлось «пробуждением политической сознательности масс».

Вдвоём они внимательно слушали выступление присланного человека, о котором было только известно его подпольное имя «В.В. Гришкин» и что он, якобы, заводской рабочий. «Гришкин» рассказывал, но очень мало, о конференции, которая проводилась в швейцарском городке Циммервальде, и на котором «Гришкин» присутствовал делегатом. Выяснилось, что на конференцию европейских социалистов съехалось 38 делегатов из одиннадцати стран. Большинство, подчеркнул он, были пацифистами. Только некоторые, во главе с Лениным, хотели «превратить войну империалистическую в войну гражданскую». Такая политика тогда была известна под названием «революционное пораженчество». «Гришкин» мотнул головой:

– Видите ли, для Ленина это просто. Он считал, что надо использовать свару между империалистами разных стран, чтобы открыть второй фронт у себя в тылу. Он твёрдо убеждён, что наш личный враг находится у нас дома. Но Ленину также известно, что германские революционеры за подобные предложения поплатились тюрьмой.

– А что вы можете сказать о Троцком? – спросил Лазарь. – Он на стороне Ленина?

«Гришкин» отрицательно покачал головой.

– Троцкий не согласен с Лениным по вопросу развязывания в России гражданской войны. Троцкого даже попросили составить манифест по осуждению войны.

Лазарь знал, что не было секрета в том, что война подтолкнула российскую интеллигенцию на сторону большевизма. Даже Троцкий, как бы самоуверен он не был, должен был с этим согласиться. Поэтому Троцкий был вынужден последовать тем курсом, который предложил Ленин. В прифронтовой зоне агенты многих партий устраивали стачки, брожения, осуждение войны. Каждый говорил об этом. Во всей

России постоянно искусственно вызывалась нехватка продуктов, чтобы вызвать волнения среди городских жителей и крестьян.

Лазаря отличало от Ленина и Троцкого, что он никогда не покидал пределов России. Многие революционеры свободно разъезжали между европейскими странами, даже несмотря на войну. Многие, как и Ленин, воспользовались нейтралитетом Швейцарии и поселились в Цюрихе. Никто из так называемых «профессиональных революционеров», как вы понимаете, этим на жизнь не заработаешь, ни в малейшей степени и никогда не испытывал денежных затруднений. Троцкого выслали из Франции как «подозрительного чужестранца», но ему устроили пышный приём в США. В Нью-Йорке он жил в роскошных апартаментах в Манхеттене, имел слуг и персональный автомобиль с шофёром, и вместе с Бухариным числился простым корреспондентом русскоязычной еврейской газеты «Новый Мир». Оба они также читали лекции в еврейском районе Ист-Сайд, в котором проживало около двух с половиной миллионов евреев из России. [2] Отсюда и происхождение о больших «теоретических способностях» Бухарина. Американское гражданство Троцкий с Бухариным получили моментально и без всяких унизительных процедур, просто впоследствии об этом удобно забыли.

Лазарь продолжал менять имена и места жительства. Его метод был прост. Под вымышленной фамилией он селился в каком-нибудь городе, нанимался на работу, подстрекал рабочих, организовывал забастовку, его увольняли, и он перебирался на своё предыдущее место, снова менял фамилию и всё закручивалось сначала. Лазарь Каганович не был таким единственным. Сотни и сотни, тысячи и тысячи подобных Кагановичу людей вели одинаковый с ним, кочевой образ жизни. Это стало почти ритуалом, навязчивой идеей. Но Кагановича не устраивало такое положение вещей, ему хотелось, чтобы выделяли лишь его одного.

Только что он закончил объяснять шести новым рабочим, как следует удалять волосяной покров с кожи и переходить к процессу дубления. Дубильные вещества при взаимодействии с желатином придают коже красивый блеск.

Лазарь одновременно проводил и собственную линию: он предупредил пятерых мужчин и одну женщину, с которой только накануне провёл ночь, что они должны подчиняться только ему, и никому другому. В обмен на это он пообещал некоторые поблажки: не быть требовательным по работе и тёплое местечко по партийной линии. Как только он инструктировал их, и эти новые работники отошли, Лазаря окружили четверо солдат царской армии. Старшим был солдат лет шестидесяти с большой

белой бородой.

– Мы боремся с нелегальными организациями и такими как вы зачинщиками беспорядков.

– Лучше бы отправились на фронт. Что, надоело драпать?

– Вы арестованы. И будете сосланы обратно на родину, в черту оседлости.

Лазарь напряг слух. Его глаза расширились. Он прекрасно знал, что это значило. Город хотел избавиться от него. Город устал от подстрекательств. Его отправят в Кабаны! Это равносильно смерти, или даже сама смерть!

Все его документы, за исключением немногих, спрятанных в толще ремня, были изъяты, а его самого под конвоем препроводили к железнодорожному составу, в котором уже находились и другие, подобные Кагановичу «перманентные революционеры». «Перманентные», – думал Каганович. Это ему понравилось.

Вскоре он стоял на окраине Кабанов. Его охватила глубокая депрессия. Желудок жгло от ярости, а лицо перекосила гримаса ненависти. Лазарь направился к маленькому дому у подножия холма. На этот раз горевшей свечи было не видно. «Приятно возвращаться в родные пенаты?» Это были последние слова, которые он услышал от смеявшихся солдат, доставивших его в полной безопасности до самого родного дома, откуда он сбежал в поисках лучшей жизни. «Пошли вы на х-!», – огрызнулся Лазарь в ответ.

Вопреки своему желанию он был возвращён туда, где когда-то появился на свет. Издалека его дом выглядел по-прежнему. По мере приближения он заметил разницу. Маленький огород вокруг дома был весь загажен. Даже сорняки на нём не росли. Курятник стоял опустевшим. На двери больше не висела мезуза.[3] Краска на доме облупилась. Один оконный проём был забит досками, а остальные окна заросли грязью. Свет не мог проникать внутрь, даже было не видно, что внутри. На его стук дверь отворил огромный мужчина в тёмной еврейской одежде и крупная женщина в таком же чёрном платье. Они были немногословны и ничего не знали о судьбе бывших обитателей дома. Они даже их не видели. Новые хозяева дома прибыли в Кабаны из Львова. Как и многие другие, они убегали подальше от линии фронта. Бежать было некуда, кроме как в Россию. По выражению их глаз Лазарь читал, что они хотели бы убежать ещё дальше. Мужчина объяснил, что этот дом продавался. И за пару цыплят, мешок картошки и три буханки чёрного хлеба этот маленький дом стал его собственностью. Какие соседи? Может быть, дядя Лёвик вернулся, или Моррис, или двоюродный брат Герман. Но нет,

Германа уже нет в живых. Лазарь это помнил. Но кто же продал их дом? Но, постучавшись в соседний дом, он встретил такой же приём. Другой незнакомец в чёрной еврейской одежде и другая женщина в чёрном встретили его на пороге. Они тоже прибежали с запада.

Лазарь бродил по городку, или, скорее, тому, что от него осталось. Перемены оказались разительными. Многие здания просто исчезли: не было школы, пекарни, мелких лавочек. Многие деревья оказались спиленными на дрова. Садов и огородов больше не существовало. Кабаны теперь выглядели как болото с дорогой в никуда. Он не видел ни одного знакомого лица. Только может быть лицо крестьянина, которого он повстречал на окраине городка, показалось Лазарю знакомым. Лазарь не знал его имени, но помнил, что он помогал полицейскому и часто чистил конюшни, чтобы собрать навоз и продать его в качестве удобрения. Этот человек теперь внимательно следил за приближением Лазаря. В те времена люди становились осторожными, потому что встречи с себе подобными уже не сулили ничего хорошего. Увидев, что ему ничто не угрожает, тот заговорил первым:

– Они все уехали.

Он махнул рукой в сторону леса и в подтверждении своих слов кивнул головой.

– Куда они уехали?

Мужчина нехотя повернулся. Его глаза беспокойно забегали, и он опустил голову, глубоко задумавшись.

– Отсюда, – он снова показал рукой в сторону леса. – Все уехали.

Лазарь стоял и смотрел, куда он показывал.

– И они никогда не вернуться?

– Никогда.

Теперь Лазарь оказался заключённым под надзором полиции, по крайней мере, так считалось, в этом городке, который прежние жители покинули, а пришельцы выглядели как сделавшие временную остановку в поисках лучшей доли. У него не было выбора. Он бы запросто мог сбежать. Что ему здесь делать, в этом захудалом городишке? Считать себя похороненным заживо?

Он спросил крестьянина, почему тот сам не уехал вместе со всеми? Но, на самом деле, ответ Кагановича не интересовал. Крестьяне в понимании Кагановича не значили ничего, поэтому, зачем тратить на них время?

По мере работы над этой книгой автор пытался ответить на вопрос: откуда в Лазаре выросла такая удивительная по силе ненависть к людям, которые населяют землю, в которой он сам

родился и вырос. Откуда в Лазаре Кагановиче появилась эта дикая ненависть, которая позволила ему замыслить, организовать и воплотить Голодомор, унёсший жизни, по меньшей мере, 7 миллионов крестьян, а остальных поставил на грань жизни и смерти?

У Кагановича были дела поважнее, чем интересоваться положением крестьян. Сейчас ситуация круто изменилась: он остался совсем один. Опереться стало не на кого. У него оставалось совсем немного знакомых и несколько приятелей, которых он мог использовать, чтобы добиваться своих целей. Он порвал со всем, за исключением того, что могло помочь его успеху. Ему уже исполнилось двадцать три года. В семнадцать он покинул родной дом в поисках работы. Шесть лет пронеслись как одно мгновение. За всё это время он почти ни о ком не думал, за исключением самого себя. Он продолжал бродить по Кабанам, кивая головой в подтверждение своих рассуждений. Какой смысл заботиться о других? Ответ стоял перед его глазами. Люди из прошлых Кабанов, которых он знал много лет, здесь больше не жили, и ему тоже надо уехать. К его радостному удивлению на окраинах городка не было никакой охраны, и люди свободно могли покидать его пределы. Это казалось бессмысленным. Сначала тебя конвоируют сюда, а потом оставляют. Глупо. Если уж посылать кого-то в тюрьму, то это следует делать правильно: запереть дверь на замок, а ключи выбросить в самую глубокую реку. В стране не было порядка. Если ему когда-нибудь представилась бы возможность, то он бы всё круто изменил. И ни у кого бы не было такой свободы.

Деньги – не проблема. Лазарю удалось скопить достаточно рублей, и они были надёжно спрятаны в его широком ремне. Он почти не тратил свою получку, потому что как партийный руководитель он имел право, когда хотел, бесплатно забирать продукты из лавок и магазинчиков, контролировавшихся большевиками. В этом было большое преимущество руководителей перед рядовыми партийцами. В дальнейшем этот принцип «закрытого распределения» для своих, стал главным принципом распределения государства, в котором после ухода Троцкого, Каганович стал самым главным евреем.

Само путешествие тоже не представляло проблемы. Если его попросят предъявить документы, то он предоставит маленькую жёлтую карточку удостоверения личности, которую ему вменялось всегда иметь при себе. Каждый еврей имел при себе несколько таких фальшивых удостоверений личности на все случаи жизни. Он предварительно сбреет бородку и сменит фамилию. Но теперь он направится не на восток, как раньше, а на

север, к еврейскому городу Гомелю, где, как ему было известно, коммунисты имели крепкую связь с местным профсоюзом сапожников и кожевников.

Каганович опять покидал Кабаны, но на этот раз ему удалось добраться только до окраины городка. Рядом с ним остановился большой зелёный грузовик, с него соскочил бородатый казак: «Думаете сбежать, Лазарь Моисеевич? А царь нашёл вам более тёплое местечко». И он показал на кузов грузовика. В нём сидели молодые парни. Лазарь с ужасом понял, что произошло: его забирали в солдаты Русской армии. Четыре часа спустя он уже трясся в вагоне товарняка, увозившего его в сорок второй артиллерийский полк, стоявший в Саратове. Его приписали к воинскому подразделению, находящемуся пока в резерве. Поэтому у него оставалось много времени, чтобы стать активным членом Саратовского партийного комитета. С его опытом работы он быстро продвинулся до должности члена Исполкома Советов рабочих и солдатских депутатов. Большинство других членов были моложе его и не имели достаточного опыта работы. Лазарь пользовался авторитетом благодаря своему прошлому и знанию Украины. Он даже участвовал в работе солдатской конференции большевиков. Он знал, что большевики всё равно развалят фронт. Царь пытался убедить большевиков в том, что у них были общие проблемы и надо всем вместе бороться за единую страну. С его стороны ничего более глупого и бесполезного было придумать нельзя. Царь был близоруким и не видел, что тут совсем другая игра. Большевикам важно было идти до конца.

Лазарь твёрдо усвоил, как следовало держать себя с окружающими. Он мог улыбаться и делать вид, что соглашается. Но он знал, что доверять нельзя никому! Поэтому он всегда будет использовать людей в своих интересах, как он уже это привык делать.

В этом небольшом уголке России популярность Лазаря быстро росла. Его избрали членом Всеармейского Бюро Военной партийной организации Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии большевиков. Но, возможно, его продвижение было слишком поспешным: теперь он был весь на виду. За свою пропагандистскую активность в Саратове его ожидал арест. Поэтому он сменил фамилию на Жирович и сбежал из города. У него не было выбора, и ему пришлось направиться в Гомель, недалеко от Могилёва. Гомель был главным железнодорожным узлом Белоруссии. Он хорошо знал этот город, потому что часто совершал туда поездки вместе с дядей Лёвиком. Его здесь хорошо помнили и уважали, и вскоре он стал членом местного еврейского профсоюза и местного

партийного комитета.

Наступил 1917 год, и всё закружилось в адском водовороте. Государство уже разложили настолько, что командующий Петроградским гарнизоном генерал-лейтенант Хабалов 25 февраля 1917 года провозгласил военное положение. Это только подлило масла в огонь. Провокации, устраиваемые вооружёнными боевиками, тут же повели к человеческим жертвам, в частности у Николаевского вокзала. В начале марта удалось организовать нехватку продуктов и последующие «хлебные бунты» привели к усугублению беспорядков. К 13 марта беспорядки уже были в разгаре, а 15 марта царя вынудили отречься.

Тогда было тяжело с информацией. Несколько газет и журналов, а в провинции и подавно всё только со слухов. 16 апреля немцы перевезли Ленина и ещё около трёхсот его боевиков через линию фронта. На Финляндском вокзале Ленин в открытую призвал к свержению демократического правительства тоже. Хуже быть уже не могло. Ленин отбросил свои тактические манёвры и теперь фактически провозглашал «перманентную революцию Троцкого.

Ленин кричал: «Вы должны бороться за свою революцию… Вы должны бороться до конца». – Вмешательство из-за рубежа преподносилось людям как их собственный интерес.

Лазарь сознавал, что надо тщательно следить за развитием событий. Может быть, ему следовало бы уйти с головой в политику? А может быть, стоило бы на время воздержаться от речей, создания незаконных профсоюзов и организации стачек? Раньше он на всё смотрел сквозь пальцы. Это не составляло для него проблемы. Но теперь он столкнулся с ломкой политической структурой целой страны, ему пришлось иметь дело с людьми равного и даже более высокого интеллекта, при этом их надо было убеждать в правильности своих взглядов. Раньше он успешно разворачивал свою работу в небольших городках и селениях, но он прекрасно сознавал недалёкость местных жителей, с которыми ему приходилось иметь дело. Они с готовностью позволяли быть ведомыми. Поэтому с ними можно было не церемониться. Однако в Петрограде и Москве люди совершенно другие. Они умели думать. Это тебе не крестьянин-лапотник. Поэтому к ним надо подходить по-другому. Лазарь знал, чтобы попасть в их среду, надо втереться в доверие каждого из них.

По горячим следам отречения царя от престола, на пароходе «Кристианафьорд», из Нью-Йорка в Петроград в мае 1917 года

был прислан Троцкий. Троцкий прибыл не с пустыми руками. Пароход был набит оружием, и с Троцким прислали около трёхсот еврейских гангстеров из Манхеттеновского Ист-Сайда, уже поднаторевших в перестрелках с полицией в шумной уличной войне времён «сухого закона». Одновременно астрономические и неограниченные суммы денег сопровождали Троцкого из Уолл-Стрита через шведский банк «Някен» до самого Петрограда. Ирония судьбы заключается в том, что именно за связь с буржуями Уолл-стрита Троцкий уничтожит десятки миллионов ни в чём не повинных людей, назвав эту целенаправленную резню нейтральным словом «гражданская война», как будто это была внутренняя склока, в которой повинны сами люди, а не была запланированным уничтожением десятков миллионов людей. Троцкий знал, что он прибыл по поручению и со всеми полномочиями хозяев этой планеты. Поэтому Троцкий сразу же направился в Таврический дворец, где заседал Петроградский Совет и предъявил свои верительные бумаги, а главное – деньги, оружие и людей. Он сразу же стал Председателем Петроградского Совета, который на тот момент фактически уже объявил себя альтернативным органом власти. Это было не трудно, поскольку Троцкий уже делал государственный переворот в 1905 году и уже тогда был председателем Петербургского Совета, хотя и непродолжительное время. Люди, которые контролируют деньги на Западе, поставили именно Троцкого ответственным за Россию, а они не ошибаются кого ставить.

Речь Троцкого была краткой и в то же время содержательной. Он, что называется, «сразу взял быка за рога», и никто даже не успел опомниться.

– Помните три команды: не доверяйте русским буржуям, держите всех под контролем и опирайтесь на свою революционную силу!

Всего за несколько недель Троцкий со своими сторонниками стали основными застрельщиками у большевиков. До этого Троцкий вообще не был членом партии большевиков, Он вообще был сам по себе, комиссар с большими полномочиями от очень и очень больших людей. Первый среди них – это американский еврейский банкир и миллиардер Яков Шифф, ещё в 1905 году финансировавший первую русскую революцию, в которой тот же Троцкий был уполномоченным Якова Шиффа.

Карьера Троцкого пошла в гору после ухода, причём без формальных юридических процедур, Троцкого от своей первой жены, и женитьбе Троцкого за границей на «Седовой», родственнице еврейского банкира Животовского. Именно к Троцкому в первую очередь прилагалась бы, сочинённая гораздо

позже, поговорка: «Не имей сто друзей, а женись как Аджубей».

Животовский был вхож к самому Павлу Варбургу, из международного банкирского дома Варбургов, а Варбурги были одной семьёй с банкирским домом Якова Шиффа. Теперь Шифры и Варбурги должны были оправдать свои вложенные в русское «предприятие» деньги, казной и золотом свергнутого царского правительства, и, как говорится, всем состоянием русского народа. Когда из Нью-Йорка в Россию возвращался Николай Бухарин, то он проделал это через Японию, потому что по поручению Троцкого, ему надо было заехать к личному представителю банкира Животовского в Японии, к некому Зигмунду Розенблюму, больше известному в России как английский шпион под псевдонимом Сидней Рейли. Обговаривались переводы больших сумм денег для предстоящего государственного переворота.

Лозунги Троцкого распространялись по всей России. Теперь он оказался в одной связке с большевиками, ополчившись против всех остальных. Уже в июле 1917 года Троцкий поднял вооружённое восстание в Петрограде, но тогда генерал Корнилов ещё сумел восстановить порядок. Троцкого на время арестовали и выпустили, а Ленина прямо обвинили в том, что он германский шпион и изменник родины, однако впоследствии этому изменнику родины ещё заставят поклонятся сотни миллионов людей. Пока же Ленину пришлось прятаться на природе в Разливе. Хорошо, что это было летом, а не зимой.

Теперь всему Петрограду было известно, что Керенский вместе с генералом Корниловым готовится пресечь деятельность Советов и восстановить порядок. Генерал Корнилов заявил: «Я, генерал Корнилов, сын казацкого крестьянина, не могу предать Россию в руки своего вечного врага, Германии. Пришло время вздёрнуть немецких агентов и шпионов во главе с Лениным и разогнать их осиное гнездо, «Совет рабочих и солдатских депутатов», чтобы они уже не смогли собраться». Однако Керенский в последний момент предал Корнилова и обвинил его в государственной измене. Солдат Корнилова просто подкупили, и они разбежались без единого выстрела. Последнее препятствие на пути к перевороту, генерал Корнилов, был устранён.

Лазарю Кагановичу тоже стало ясно, что ему следовало предпринять. Ведь с того далёкого майского дня его юности Троцкий стал его главным кумиром, идеалом для подражания. Слова, сказанные теперь Троцким, стали для Лазаря тремя главными заповедями, которыми он будет следовать всю его жизнь: «Не доверяйте русским буржуям, держите под контролем своих вождей и опирайтесь только на свою революционную

силу!». Лазарь также осознавал, что в ближайшее время ему следует перебраться севернее. Нельзя разбрасываться на поездки по необъятной России. Он должен оказаться в гуще событий, пока они не прошли мимо него. Его время приходило, да и всей России, как он считал, тоже.

Весь период с марта по октябрь месяц, самозванный и антиконституционный орган власти, Петроградский Совет, перетягивал одеяло на себя и, в конце концов, это ему удалось.

25 октября Военный Революционный Комитет Петроградского Совета захватил власть. Влияние Ленина было большим, но всю организационно-практическую часть переворота, как Председатель Петроградского Совета и Военно-революционного Комитета, произвёл Троцкий. Лазарь жадно вчитывался в каждую газетную статью, посвящённой событиям в столице. Одна из них была подписана неким Иосифом Джугашвили:

«Вся работа по практической организации Петроградского Восстания целиком находилась в руках председателя Петроградского Совета товарища Троцкого. Следует со всей полнотой признать, что быстрому переходу Петроградского гарнизона на сторону революции партия обязана умелому руководству Военного Революционного Комитета, и особенно товарищу Троцкому».

Лазарь снова и снова перечитывал эту статью. Переворот удался Троцкому, потому что он имел в своём распоряжении отборный и обученный отряд боевиков, который он привёз из Нью-Йорка и неограниченные деньги, с помощью которых ему удалось подчинить и большевиков и деклассированные элементы в городе. Этот отряд, плохо говорящих по-русски нью-йоркских гангстеров, станет ядром ВЧК и Красной Армии, которые сразу начал создавать Троцкий. Для того чтобы легализовать их присутствие, эти иностранцы выдавались за «прибалтов». Впоследствии им дали название «красных латышских стрелков», один из многих мифов, которыми потом обрастёт «революция».

Статья Джугашвили не была интересной, тогда имя Троцкого было у всех на слуху. Однако, Лазарь, потом вспомнит фамилию автора.

Взятие власти в Петрограде большевиками многими расценивалось как временный успех, а не революция. Лазарь слышал, что захват правительственных объектов произошёл совершенно бескровно и не сопровождался массовыми митингами и демонстрациями на улицах города. Тот факт, что не было выступления трудящихся, отсутствовали баррикады и уличные бои, только указывал на то, какая могучая сила за всем этим стояла. И Лазарь в некоторой степени чувствовал себя

причастным к свершившемуся. Ведь он так здорово сплотил гомельских большевиков, что переход власти в их руки тоже прошёл бескровно. Нет сомнения, что в Петрограде должны оценить его роль. В Гомеле Лазарь тоже встретил своих первых соратников, на которых он позже будет опираться всю жизнь. Одним из таких гомельских соратников стал Мендель Хатаевич, который позднее стал вторым секретарём компартии Украины и главным палачом на Украине во время коллективизации. В Гомеле Хатаевич был зам председателя Подлесского комитета большевиков, председателем которого был Лазарь. Лазарь знал, кого куда ставить.

Новая власть сразу энергично взялась за работу. По всей стране начали формироваться новые формы управления. Многочисленные декреты и указы сыпались из Петрограда. Такого раньше и в помин не было. Суть производившихся перемен была простой: поскольку теперь Троцкий представлял собой центральную власть и государство – всё подлежало национализации. Каждый день приносил что-нибудь новое. То закрыли биржу, то уничтожили право на наследство. Банки и заводы объявили национализированными. Даже рыболовная флотилия оказалась национализированной. Запретили частную собственность на землю. Приняли закон, на основании которого закрывались все консервативные газеты. Золото аннулировали и объявили лишённым всякой ценности. Суды заменили революционные трибуналы, в которых любой гражданин мог выполнять роль судьи или адвоката, и которые выносили расстрельные приговоры без всякого промедления. Стали считаться недействительными строгие законы о браке и разводах, их заменили новыми, чрезвычайно упрощёнными процедурами. Старинный русский календарь поменяли на западный манер, и выкинули буквы из исконного русского алфавита. Дворянские звания выбросили из обращения, вместо них стали использовать слова «гражданин», а ещё чаще – «товарищ». Нововведения коснулись и религии. Церкви рушили, священников убивали, церковные земли отобрали. Ходили упорные слухи, что к этому приложили руку евреи. Ещё бы, синагоги только начали строиться. Иуде, продавшему Христа, открыли памятник, и еле державшееся большевистское правительство уже посылало еврейских добровольцев в Палестину строить еврейское государство в поддержку Бальфурской декларации, которая была дана евреям 2 ноября, почти одновременно с Октябрьским переворотом в Петрограде. Первый в мире закон, каравший за еврейские анекдоты смертной казнью, был издан Троцким в 1918 году, который кроме практических должностей наркома обороны

и транспорта взял на себя ещё и религию. Троцкий так же организовал и кампанию по конфискации церковных ценностей, а также был председателем «Главконцескома», который быстро выдавал концессии на разработку российских полезных ископаемых иностранным компаниям. Если считать с самого начала, то Троцкий был: Председателем Петросовета, Председателем ВРК, организовал ВЧК, был первым министром Иностранных дел, Наркомом обороны и флота, Председателем Ревоенсовета, наркомом транспорта, был главным по концискации церковных ценностей, был Преседателем Главконцесскома, и как сам Троцкий говорит во втором томе своей автобиографии: «Моя жизнь»: «Я был настоящим организатором и руководителем более дюжины различных компаний и комиссариатов».

Фактически революцию подготовили и осуществили евреи. Оба деда Карла Маркса были раввинами, а дед Ленина тоже был евреем. Разве Яков Свердлов, первый глава Советского правительства, не был евреем, а сам диктатор Троцкий? Но большинство людей об этом не знало и верило, что с евреями можно ужиться, как они уживались и раньше.

То, что содиктатор Ленина Троцкий, был евреем, казалось естественным для партии, в которой большую часть составляли евреи, при их доле в населении страны всего 1.8 процента. Лазарю следовало держать ухо востро. Поддержит ли население революцию, состряпанную еврейским народом? Где-то в глубине он уже знал ответ, осталось решить, что предстояло предпринять ему самому. А пока надо плыть по течению и оставаться на плаву.

Лазаря выбрали Председателем Третьего съезда Советов от Могилёвской провинции. Меньшевиков изгнали из организации, и группу составили «чистые» большевики. Одним из эффективных способов завоевания партийной популярности стала организация «показательной агитации» в крупных городах. К этому мероприятию привлекались грузовики, трамвайные вагоны и другие возможные средства передвижения, циркулирующие по улицам. Они обычно обвешивались транспарантами и краткими пропагандистскими лозунгами. В Москве одновременно могли проходить до шестидесяти таких «мероприятий». В Петрограде – около двадцати. По стране курсировали «агитационные поезда», а реки бороздили «агитационные пароходы». Этот новый метод пропаганды вызвал к жизни, как выражались критики, «новую форму искусства».

Большевистская «Правда» продолжала «закручивать гайки»:

«Народ требует, чтобы мы единолично взяли власть в свои

руки и навели железный порядок в стране. Так тому и быть! Мы принимаем эту власть, подчиняясь требованию всей страны. Но это непростая задача, потому что нам предстоит раздавить врагов революции и саботажников твёрдой рукой. Они мечтают о диктатуре Корнилова. Так дадим же им взамен диктатуру Пролетариата!».

В огромной стране происходило столько событий, что было трудно уследить за всем сразу.

Киев стал оплотом новой власти. Лазарь отчётливо видел, что революционный порыв обеспечивался теми людьми, с которыми он до революции посещал антиправительственные собрания. Эти люди поставили на защиту новой власти рабочих киевского завода «Арсенал». Всё происходило именно так, как тогда говорил Троцкий.

С антибольшевистским Украинским правительством, которое на первых порах всё взяло под свой контроль, было подписано перемирие. Эсеры предлагали передать землю в частную собственность, в то время как большевики хотели всю землю национализировать. Лазарь приложил свою руку к подписанию перемирия. По всей Украине он стал активно проталкивать политику большевиков и делал всё, от него зависящее, чтобы быть у них на виду. Он понимал, что перемирие – явление временное. Троцкий никогда не пойдёт на то, чтобы делить власть с Лениным. Перемирие имело силу только на бумаге и обуславливалось текущим моментом, как и всё остальное. Тот мир, который знал Лазарь, оказался разрушенным, и надо было построить новый. Он, Лазарь, обязательно должен участвовать в заложение основ этого нового мира. Только так он может завоевать своё место под солнцем.

А пока Лазарь успешно завоёвывал партийную репутацию. Его избрали депутатом в Учредительное Собрание от фракции большевиков. И что ещё более важно, он направлялся в Петроград на Третий Всероссийский съезд Советов. Это означало, что ему предстояло своими глазами увидеть то, о чём он раньше только читал в газетах. В декабре 1917 года он отправился в Петроград. На этот раз ему не пришлось добираться попутными средствами и пользоваться фальшивыми документами. Он опять стал Лазарем Моисеевичем Кагановичем. Новое правительство обеспечило его билетом на поезд, который повезёт его через Могилёв, Оршу, Витебск и далее на север. На каждой станции он видел огромные скопления людей. Казалось, всё население куда-то переезжало. Поезд был специальным и заполнен делегатами со всех западных районов России. В то время, как вокруг население России умирало от голода, в поезде было, что называется «вагон

продуктов». Огромные горы так называемого «столичного салата» накладывались в алюминиевые миски и раздавались по кругу. Лазарю салат очень понравился. Салат состоял из нарезанной картошки, огурцов, моркови, лука, горошка и вареных яиц, замешанных на майонезе. Попадались кусочки нарезанной курицы и ветчины. Лазарь слышал, что это популярная петроградская еда.

Хотя, уже через пару часов большинство его попутчиков раскупорили водочные бутылки, Лазарь только попивал чаёк, и даже с лимоном! Казалось, новая власть отобрала у людей все продукты и кормила только тех, кто теперь ей служил.

В прошлом Лазарь пытался состязаться с другими в том, кто мог больше выпить, но у него не оказалось «способностей» к этому. Обычно его просто тошнило от водки. Вероятно, это объяснялось наследственностью, ведь в детстве среди своего еврейского окружения он не видел пьянства. Большинство жителей Кабанов выпивали шкалик вина по субботам. Изредка кое-кто мог позволить себе выпить больше обычного, но евреи никогда не напивались так, как это было распространено у русских. Выпивка являлась «нормальным» явлением российской жизни. Поэтому для Лазаря было важным «уметь поддержать компанию» за бутылкой вина, но сам он выпивал умеренно. За разговорами и новыми знакомствами, в целом, поездка оказалась приятной, и время летело незаметно. Утомляла только сильная толчея. Большинство попутчиков Лазаря никогда до этого не бывали в Петрограде. Всё им казалось новым и необычным, и они с нетерпением ожидали встречи со столицей. За окнами вагона проплывали неутешительные картины русской действительности. Война и революция на всё отложили свой отпечаток. Деревни были либо брошены, либо сожжены и от них оставалось всего несколько жителей, ютившихся в полуразрушенных избах. Временами Лазарь отключался от царившего вокруг шума и гама, и смотрел в окно, стараясь поймать взгляды людей, приветствующих с красными флагами и транспарантами проходивший спецпоезд делегатов съезда. Он пытался найти знакомые лица тех, с кем когда-то работал, скитался по стране и даже тех, с кем вместе жил. Впервые за много лет он вспомнил о своей семье. Он не знал, что с ними стало. Его мать, отец и Роза жили где-то в другом месте. Но он чувствовал, что они всё ещё в России, хотя и не был в этом полностью уверен. Кто-то рассказал ему о громкой помолвке в Мозыре сына преуспевающего кожевника. Фамилия семьи была Каганович. По описанию это могли быть дядя Лёвик и Моррис, но произошло это событие уже много лет назад. Его прошлогодняя поездка в Мозырь ничего не

прояснила, потому что он обнаружил только скопление обедневших жителей, не имеющих понятия о пышных помолвках прошлого. Единственным, кто мог знать о судьбе семьи, был Михаил. Он стал Председателем Революционного комитета Арзамаса. И Лазарь подозревал, что и Юрий должен быть где-то поблизости.

Рано утром на третий день поездки Лазарь прибыл в Петроград. Когда состав подходил к перрону, он сразу увидел, почему этот город пользовался такой известностью. Кроме Киева Лазарю не приходилось бывать в крупных городах. Он созерцал только деревни и маленькие городки, лишённые изящества и красоты. Теперь перед ним раскинулись сотни мостов, маленьких и крупных, простых и затейливых, соединявших многочисленные острова и островки города. Он увидел прекрасные в своих пропорциях дворцы, просторные площади, устремлённые в небо шпили церквей, гигантские купола соборов и парки с классическими статуями. Всё увиденное восхищало и производило сильное впечатление. Даже теперь, несмотря на пронизывающий ветер и мрачное серое небо, город подавлял великолепием. Делегатов расселили в разных районах города, но большинство оказалось в здании Смольного Института, величественном строении с белыми колоннами, долгие годы служившем школой для воспитания девочек из дворянских семей. Военно-революционный комитет под председательством Троцкого с самого приезда захватил в своё распоряжение всё здание Смольного. Везде стояли раскладушки, и Лазарь занял одну из них прямо в коридоре. Удобство заключалось в том, что рядом располагалось огромное окно, через которое можно было любоваться красотой Смольного монастыря, прекрасного симметричного строения архитектора Растрелли середины XVIII века, выполненного в нежных бело-голубых тонах. Лазарь решил взять от города всё, что можно, несмотря на то, что его дни и даже ночи будут заняты на бесконечных митингах и спорах о будущем России. Ему предстояли встречи с новыми людьми, и важно было запомнить все новые лица в связи с их именем и репутацией.

В свой первый день Лазарь гулял по Невскому проспекту, ставшему главной магистралью столицы с самого её основания. Вытянутый в прямую линию на шесть километров, проспект упирался в Александро-Невскую Лавру. Лазарь слышал разговоры о том, чтобы в честь революции переименовать главную улицу Петрограда в Октябрьский проспект, но также говорили, что ни смотря ни на какие перемены, для каждого он навсегда останется Невским проспектом. Невский, прежде всего, принадлежит городу

и его жителям, и никакие скороспелые декреты не смогут изменить этого факта. Лазарь прошёл мимо Казанского Собора, своей архитектурой напоминающий Собор Св. Петра в Ватикане. Собор имеет величественную колоннаду из 136 коринфских колонн. Лазаря, впервые очутившегося в таком крупном городе, поражало обилие церквей и соборов, памятников, мостов и магазинов. Впечатление усиливалось от мысли, что теперь этот город приковал внимание всего мира. Иногда ему чудилось, что в толпе народа он видит Троцкого или даже Ленина, но всегда оказывалось, что он обознался. Петроград произвёл огромное впечатление на Лазаря. И он уже представлял себя живущим в нём, но для начала надо перебраться из проходного коридора, куда его поселили.

Он вернулся в Смольный, когда уже стемнело. Он подозревал, что пропустил какие-нибудь собрания сегодняшнего дня, но впервые это его не волновало. Ему было важно узнать, где он находился. Для него многое значило окружение, и только ознакомившись с ним, он мог тогда сосредоточиться на своих внутренних делах. Подходя к своей раскладушке, он увидел сидевшего на ней какого-то человека, писавшего письмо. Глаза Лазаря сразу выхватили фразу «Моя любимая Катя». Человек, писавший письмо, был самое маленькое лет на пятнадцать старше Лазаря, и он представился Климентом Ефремовичем Ворошиловым, прибывшим из Луганска.[4] Он рассказал, что во время революции находился в столице в составе Измайловского полка, а позже его направили в Луганск для организации там большевистской партии. Он возглавил партийную организацию города и был избран членом Всероссийского Исполнительного комитета. Теперь он опять вернулся в Петроград в качестве важной фигуры – делегата.

Новый знакомый был располагающей наружности, его волнистые волосы уже слегка поредели. У него были тонкие усики под огромным носом. Лазарь сразу узнал в нём «своего» человека. У него была подтянутая фигура. В отличие от Лазаря, который сильно располнел, этот человек находился в хорошей физической форме. Он не производил впечатления очень образованного человека, но у него была заразительная улыбка. Он располагал собеседника к себе. Лазарь мысленно рассуждал, как этот смелый человек с таким послужным списком в борьбе за большевизм мог бы ему пригодиться.

Позади Ворошилова стоял невысокий мужчина с пышной чёрной шевелюрой и такими же чёрными, лихо закрученными усами. Он представился как Орджоникидзе и тоже имел крестьянскую внешность. Он, без сомнения, был балагуром и

шутником. Вокруг него собралось несколько человек, заразительно смеявшихся над его байками. Орджоникидзе «травил» анекдот за анекдотом и не собирался останавливаться. Понаблюдав за ним несколько минут, Лазарь понял – пока все смеялись, тот не унимался.

– Лазарь Моисеевич? – спросил Ворошилов.

Лазарь кивнул.

– Я вам привёз привет от вашего брата из Арзамаса. Я проезжал через Арзамас по пути сюда. Вообще-то Михаил тоже должен был ехать, но он заболел.

Лазарь нахмурился.

– Но вы не беспокойтесь, ничего серьёзного. Всего лишь простуда. Обычное дело – русская зима. Если бы могли делать погоду!

Ворошилов улыбался.

– Я тут письмо писал жене. А поскольку мой приятель оккупировал мою койку и развлекает своими шутками других, я примостился на вашей. Надеюсь, вы не возражаете, а?

Ворошилов кивнул в сторону Орджоникидзе, рассказывающего очередную байку, хотя число его слушателей поубавилось.

– Вы, наверное, здесь впервые, а? У вас, наверно, есть вопросы, а?

Лазарь расслабился и присел на краешек раскладушки.

– Вообще-то, мне не ясно, кто есть кто. Я всё время слышу фамилии Розенфельда, зятя Троцкого. Это что, семейственность или…, – он оглянулся и понизил голос. – Или слишком много наших евреев?

Ворошилов хихикнул.

– Нет-нет. Позвольте я вам объясню. Во-первых, – это Лев Борисович Каменев. Его настоящая фамилия Розенфельд. Он тоже еврей. Он пишет статьи за Ленина и редактирует их. Говорят, если Ленин будет делать собрание своих статей, то это будет делать только Лев Борисович Каменев. Каменев родственник Троцкого, он его зять, муж сестры Троцкого. Другой, о ком вы спрашиваете, тоже наш – Григорий Евсеевич Зиновьев, настоящая его фамилия Овсей-Гирш Аронович Радомысльский – Апфельбаум. Он – ближайший помощник Ленина и редактор всех его публикаций. Что нет разницы, а? Один занимается личными бумагами Ленина, и другой тоже занимается личными бумагами Ленина.

Ворошилов огляделся вокруг. День близился к концу, и коридор быстро заполнялся делегатами, возвращавшимися с различных заседаний.

– Они оба евреи, правильно?

Ворошилов кивнул в ответ.

– Но есть ещё два фаворита. Один тоже наш. Может быть, вам встречалось имя Николая Николаевича Бухарина. Это правая рука Троцкого. Он был с ним всё время в Америке. Они там числились от «Нового Мира». Потом он был в Японии. Не знаю, как это связано, но его держат одним из ведущих большевистских теоретиков.

Он сделал паузу.

– И есть один не еврей – Коба. Говорят, что он имеет сильное влияние на Ленина. Но я сам ничего об этом не знаю. Предположительно он был одним их главных боевиков партии, «партийная контрразведка», так сказать, и поэтому всё и обо всех знает.

– А как он выглядит? – Спросил Лазарь.

На этот раз в разговор вмешался Орджоникидзе:

– Иосиф Виссарионович – не похож ни на одного из партийных руководителей Он – грузин, что для других уже само по себе достаточно плохо. Он плотный, немного желтовато-болезненная кожа и желтушные глаза. – Орджоникидзе хрюкнул:

– У него пышные усы и… – Он наклонился вперед и прошептал заговорщическим тоном:

– Грязные ногти. – На этом Орджоникидзе откинулся назад и заржал как жеребец. Все тоже загоготали.

Съезд Советов открылся на следующий день. Лазаря назначили в состав ВЦИКа Российской Советской Федерации. Он не знал, как это получилось, но, обводя, после утверждения, взглядом зал заседания, он увидел устремлённое на него лицо человека, которого все знали как Коба. Лазарь в знак приветствия кивнул ему, но тот не ответил, а как показалось Лазарю, только усмехнулся в усы. Он сначала хотел спросить Ворошилова, сидевшего рядом с ним, не обязан ли он своим назначением влиянию Кобы, но потом передумал. Если этот человек хочет его, Лазаря, протолкнуть, то пусть так и будет. С его стороны сопротивляться глупо, лучше наслаждаться новой должностью, какой бы она не была, и понравившейся ему столицей. Это наслаждение оказалось, однако, очень недолгим. В начале января 1918 года большевики разогнали в Таврическом дворце законно избранное народом Учредительное Собрание. А вскоре, поскольку в Петрограде уже было всё подавлено и надо было распространять своё влияние дальше на Россию, а Петроград находился на отшибе огромной Российской Империи, большевистское правительство вообще переехало в Москву, в Кремль. Опять Лазарь оказался в поезде, но на этот раз он ехал в

юго-восточном направлении. И вот Кремль. Древняя крепость. Лазарь стоял на вершине холма, откуда открывался вид на Москву-реку. Лазарь прогулялся по булыжной мостовой Соборной площади, где расположены Успенский и Архангельский Соборы, Грановитая Палата. Потрогал руками Царь-пушку. Сразу за ней величественно поднималось жёлтое здание треугольной формы, бывший царский Сенат. Теперь в нём размещалось новое Советское правительство. Вокруг были и другие здания, но Лазарь уже и так увидел многое. Кремль поражал своим великолепием. Никогда раньше Лазарю не приходилось видеть такое скопление церквей и соборов, один лучше другого, украшенных бесценными сокровищами, от икон до золотых куполов.

Он поселился в маленькой комнатке на чердаке здания, находившемся в Рыбном переулке, в самом центре Москвы, сбоку от улицы Разина. Здесь размещались рыбные ряды. Лазарю не нравилось это место. В зимнее время рыба лежала ледяными горками и была засыпана снегом. Рыбный запах вызывал у него тошноту, к тому же недалеко находилось Зарядье, район трущоб и преступности. Но вскоре он с головой ушёл в работу по организации Рабоче-крестьянской Красной Армии.

Власть в России переменилась, но ситуация была той же, государство по-прежнему находилось в состоянии войны с Германией. Поэтому первым делом надо было решить эту проблему. Германия тоже предложила мир и попутно просила независимости для Польши, Прибалтики, Финляндии и Украины. Троцкий отказывался подписывать мир на таких условиях. Ленин же настаивал, считая, что иного выхода не было. Если бы мирное соглашение с немцами не было бы подписано, то советскому правительству пришлось бы сражаться с немцами. А какими силами, считал Ленин, когда большевики сами же и развалили регулярную армию и фронт? Армии не существовало. Кто её развалил? – Большевики. Но Троцкий, в планах которого была мировая революция, в том числе и в Германии, теперь уже жаждал продолжения войны с немцами, чтобы ценой миллионов жизней русских солдат принести в Германию свою большевистскую революцию и стать абсолютным диктатором не только Российской Империи, но и всей Европы. Троцкий вообще никогда не мелочился.

К досаде Лазаря, Украина с радостью встретила германское мирное предложение. Ситуация накалилась, Ленин настоял, и мирное соглашение с Германией было подписано.

Но теперь новое правительство столкнулось с другой проблемой: После кровавого разгона Учредительного собрания, на которое так надеялся русский народ, в стране началось

массовое сопротивление новому антинародному правительству большевиков, которые отнимали всё и расстреливали всех подряд. Поэтому Троцкий взял на себя создание регулярной армии, подчинявшейся большевикам. Это был самый важный на тот момент труд, труд по созданию регулярной армии большевиков, которой дали название Красной Армии. Почему это был опять Троцкий? Потому что с самого приезда в Петроград Троцкий не выпускал из своих рук руководства вооружёнными людьми, первоначальный костяк которых он привёз из Нью-Йорка. Это нью-йоркские гангстеры Троцкого сделали переворот в Петрограде, это нью-йоркские гангстеры Троцкого образовали ВЧК и расстреляли Петроград, в день разгона Учредительного собрания, это нью-йоркские, теперь уже – «красные латышские стрелки» Троцкого, теперь встали во главе Красной Армии.

Подписание Лениным Брестского мира переполнило терпение Троцкого. Он решил избавиться от Ленина. На лето 1918 года был намечен государственный переворот, в результате которого власть должна была полностью перейти в руки Троцкого, а Ленин и его последователи должны были быть устранены. То есть – это был чистый троцкистский мятеж.

Разница между Лениным и Троцким была очень простая. Ленин руководил только своей партией большевиков, а за Троцким шло большинство евреев независимо от того, к какой партии они принадлежали. Троцкий был не коммунистический вождь – Троцкий был вождём всех евреев, именно поэтому ему подчинялись почти все евреи, независимо от партийной принадлежности. Два человека Троцкого: еврейка Мария Александровна Спиридонова и еврей Борис Савинков, от имени партии эсеров подготовили вооружённый мятеж летом 1918 года. Целью мятежа было устранение Ленина и замещение его Троцким. Сам Троцкий был вождём, то есть настолько большой фигурой, что он, на случай провала, должен быть вне подозрений. Поэтому все команды для мятежников шли не непосредственно от Троцкого, а через западных послов в Москве, а именно: британского посла Локкарта, и послов США и Франции Нуланса и Фрэнсиса). Таким образом, такие события как: убийство посла Германии Мирбаха и покушение на Ленина, сопровождавшиеся вооружёнными мятежами в Москве и Петрограде, были частью уже шедшего государственного переворота. Летом 1918 года в Москве был Розенблюм – Рейли и напрашивался на аудиенцию к Ленину. Вполне возможно, что он должен был застрелить Ленина на аудиенции. Однако аудиенции ему не дали. Не зря британский посол Локкарт был арестован, и у него была очная ставка с Фани Каплан. С арестом Локкарта троцкистский мятеж провалился.

Троцкому пришлось сделать вид, что это его не касается. Всем объявили, что это всё происки противников советской власти, и под этим предлогом Троцкий ещё более взвинтил безжалостное истребление населения России. Непосредственные исполнители переворота Савинков и Рейли бежали за границу, а Спиридонова прикинулась сумасшедшей, и её положили в больницу, Каплан быстро расстреляли, а Локкарта отпустил Петерс.

Троцкисты никогда не оставляли попыток узурпировать власть. Когда Ленин умер, в Россию, на помощь Троцкому снова были заброшены и Савинков и Рейли, однако Дзержинский, человек Ленина, встретил их достойно, за что и поплатился своей жизнью. И в этот раз тоже, Савинков и Розенблюм – Рейли делали государственный переворот не для себя, а для привода к власти Троцкого. Когда очередной троцкистский мятеж, знаменитая «операция «Трест», провалился, Савинкова и Розенблюма-Рейли убили не за участие в мятеже, но, чтобы они не выдали Льва Давыдовича Троцкого. Таким образом, легенда о Борисе Савинкове как о бесстрашном революционере – не более как одна из многочисленных легенд. Савинков – обычный иностранный агент и провокатор.

Весной 1918 года Лазарю поручили участвовать в формировании первых отрядов Красной Армии. Срочно надо было создать огромную, боеспособную армию. Разрешалось даже привлекать к сотрудничеству бывших военных офицеров царской армии. Стране были нужны опытные военные. Летом в Москве был мятеж. 30 августа было совершено покушение на Ленина, но он остался жив. На следующий день убили Моисея Урицкого, возглавлявшего петроградскую ВЧК. Все наёмные убийцы, Каплан и Канегисер, были евреями и людьми Троцкого. Троцкий концентрировал власть в своих руках и действовал быстро. Лазаря восхищала неуёмная энергия этого человека. После провала мятежа, чтобы отвести от себя подозрения, Троцкий арестовал десятки тысяч человек в Москве и Петрограде. Их всех расстреляли. Лазарь увидел, что произошло. Троцкий начал борьбу за власть с Лениным. Троцкий не собирался ни с кем делить свою абсолютную власть. Дуумвират его не устраивал. Но Лазарь не колебался, вопрос «с кем быть» им давно уже был решён.

В конце 1918 года Лазаря направили в Нижний Новгород, недалеко от Арзамаса, где работали Михаил и Юрий. Лазарь теперь часто вспоминал своих старших братьев. Возможно, к этому его подтолкнуло и то, что он видел вокруг себя много семейных людей. В Нижнем Новгороде ему предстояло стать агитатором местного Комитета. Он ждал только приятного от

этой новой должности. Сюда понаехало много большевиков, и Нижний Новгород быстро превратился в оплот большевизма и базу для создания частей Красной Армии. Кроме того, его ожидала встреча со старым знакомым, Никитой Сергеевичем Хрущёвым, которого он не видел несколько лет. Хрущёв мало изменился за эти годы. Он по-прежнему больше ел, чем говорил. С того самого момента, как они встретились и начали работу по организации Красной Армии, Лазарь понял, что двигало этим человеком. Наевшись, он впадал в прекрасное расположение духа и начинал отпускать едкие шутки по поводу столовой, обслуживания и даже самой еды, которую он поглощал за секунды. Молоденькая девушка, которую Лазарь видел вместе с ним в последнюю их встречу, и которая, как поговаривали, была его женой, куда-то исчезла. Вместо ответа о её местонахождении Лазарь увидел отсутствующий взгляд собеседника.[5]

Мало кто из партийных рабочих хотел иметь дело с этим лысеющим толстым человеком. Они считали его грубым и невоспитанным. Лазарь тоже знал об этих недостатках, но ему также было известно и о необычайной трудоспособности Хрущёва, а главное – на него можно было всегда положиться. Время от времени этому находились подтверждения. Никита Сергеевич всегда оказывался там, где в нём нуждался Лазарь. Он с готовностью выполнял то, что ему приказывали, и предпочитал оставаться в тени. Нет, такие люди как Хрущёв, были редкостью в среде большевиков. Очень многие любили говорить, а не работать. Большинство только хотело почивать на лаврах, не понятно за какие заслуги. Было много хитрых и неискренних людей, но они все не имели достаточной смекалки, чтобы направить свою хитрость себе же на пользу. Только один человек не входил в эту категорию, и Лазарь надеялся увидеть его сегодня вечером в Нижне-Новгородском ресторане «Националь».

Казалось, в каждом городе России почему-то был свой ресторан под названием «Националь». И он действительно увидел его, сидящим где-то сбоку, этого знакомого маленького человека с тонкими усиками. Он имел щуплое телосложение, а его глаза, казалось, нервно сверкали. Он сидел рядом с другим мужчиной, младше его лет на шесть-семь, но уже имевшего заметную проседь в небольшой бородке. «Вон там, – сказал Лазарь Никите, пальцем указывая на столик, за которым сидели эти двое. – Вон там. Я говорил тебе». Лазарь направился прямо к столику. Он схватил спинку стула, на котором сидел человек хрупкого телосложения с тонкими усами, и встряхнул его. Человек собрался подняться, но Лазарь сильно толкнул его в грудь. Затем их глаза встретились.

– Это ты! – закричал человек. – Ты!

Вместо ответа послышался хохот.

– Михаил, пи-сос, сукин сын, ты узнал меня?

Два брата крепко обнялись. Для Михаила это было сделать легче, он всегда любил покрасоваться на публике. В отличие от него, Лазарь редко проявлял свои настоящие чувства, такое только случалось, когда во время поездок из Москвы перед ними раскрывались красоты Подмосковья. Это трогало его. Чаще всего он испытывал чувство раздражительности, глубоко спрятанного гнева, который нельзя было обнаруживать.

Ему удалось добиться успеха, он сознавал это. Потому, что он умел держать под контролем свои эмоции, в отличие от других, таких как Михаил, которые кидались от одной крайности в другую. Лазарь ещё заметил, что те, находившиеся наверху, казалось упивались полученной властью и возможностью командовать. Они отдавали приказы другим, как будто только для этого и были рождены. При этом они вели себя очень высокомерно, совершенно уверенные в том, что им одним известна абсолютная истина, и что только им одним известны настоящие проблемы народа, и как их решать.

Михаил представил своего собеседника. Им оказался двадцатитрехлетний человек по имени Николай Александрович Булганин. Он сказал, что родился в этом городе, в Нижнем Новгороде, и Лазарь сразу почувствовал к нему расположение. Булганин имел округлое лицом и пухлые щёки со сверкающими голубыми глазами, но он производил впечатление спокойного и уравновешенного человека. Казалось, его ничего не может взволновать. У него имелась козлиная бородка, и волосы его были высоко зачёсаны. Булганин носил военную форму, которая была слегка ему велика. Большей частью он старался улыбаться. Михаил пояснил, что Булганин только в прошлом году вступил в партию большевиков, а сейчас уже занимал должность заместителя председателя железнодорожной ЧК московско-нижнегородского направления. Лазарю это показалось очень странным. Как можно доверять новичку такую ответственную работу, когда о нём почти ничего неизвестно? Лазарь взглянул на Хрущёва и слегка заметно кивнул. Его приятель сразу же завёл с Булганиным какой-то разговор, а Лазарь, наконец, смог поговорить с братом. Никита же пока разговорит Булганина и прощупает. Он умел это делать.

– Ты хорошо выглядишь, – начал Лазарь.

– Да ты тоже неплохо. Я слышал о твоей работе в Москве, да и раньше.

– Да ведь я в Москве совсем недавно.

– Николай в курсе твоих дел. Он работает с Иосифом Виссарионовичем.

Глаза Лазаря расширились. Опять это имя!

– С Кобой? – спросил он.

– Коба он только для самых близких друзей.

Лазарь оглянулся на Никиту. Тот был увлечён разговором с Булганиным. Теперь можно было сменить тему разговора.

– А что ты знаешь о наших?

– Я думал ты мне что-нибудь расскажешь. Сам-то ты не женился?

Лазарь рассмеялся в ответ:

– Даже не знаю, что это такое.

– А я женат. И Юрий тоже. Он живёт в Арзамасе. Мы оба повстречали там наших жён. И мы оба активно заняты на партийной работе, хотя, должен признать, мой пост более важный. Я – председатель Военно-Революционного Комитета.

Он гордо выпятил грудь вперёд.

– Это я рекомендовал Николая Булганина в партию. И видишь, как он далеко пошёл.

Лазарь усмехнулся. Пусть Михаил играет роль старшего брата. Было видно, что ему это нравилось. Но Лазарь понимал, что личные достижения не могли определяться выдвижением на должность в местные карательные органы. Нет, успех определялся только в Москве, на основе личных контактов. Лазарю все члены партии казались одинаковыми, их всех распирало чувство превосходства, как будто все они разом стали царями. Смешно!

– А Роза? – спросил он. – Где она, знаешь?

Широкая улыбка растянулась на лице Михаила.

– Со мной, конечно, – самодовольно произнёс он.

– И…, – начал было расспрашивать Лазарь, но, увидев опущенные глаза Михаила, замолчал.

– Роза тебе сама всё расскажет. Дядя Лёвик в Америке, Моррис тоже, и его жена. Может быть, ты даже её помнишь. Хана Гутман из Кишинева. Они познакомились в Мозыре и поженились. А сейчас они в Америке. Вроде бы хорошо устроились. Занимаются пошивкой одежды. Кто знает? Вероятно, теперь они капиталисты. Ты же знаешь дядю Лёвика. Кажется, они живут в Нью-Йорке, хотя кто-то говорил, что они переехали в Филадельфию. Про детей я ничего не знаю.

Он собирался продолжить свой рассказ, но, взглянув в лицо младшего брата, решил остановиться. Михаил вздохнул и посмотрел в глаза Лазарю.

– Я много не знаю. Розу я нашёл работавшей в больнице в

Сураже. Она тогда мало чего рассказала. А теперь вообще не говорит о прошлом. Всё, чего я смог от неё добиться, это то, что она хочет стать врачом. Такие мечты в середине революции, в середине войны – это просто не реально. Лучше бы вышла замуж и воспитывала бы детей. Партии ведь нужны свежие кадры. Я её не понимаю.

Лазарь кивнул. Он повернулся в сторону Никиты. Тот продолжал горячо спорить с Булганиным, в каком направлении следует теперь идти стране. Она в состоянии войны, настаивал Никита, и очень важно срочно навести порядок в экономике. Он призывал к жёсткому государственному контролю, к расширению экспроприации и конфискации хлеба у крестьянства, у которого всё уже и так было отнято.

– Военный коммунизм, – был ответ Булганина. – Вот вы что защищаете, а это приведёт за собой поголовную милитаризацию большевиками всей Советской Республики. А большевики станут новым генералитетом.

Лазарю уже знал об этих разговорах. Об этом много говорили в Москве. То, что вводилось, как временная мера, осталось потом навсегда.

Роза почти не изменилась. Лазарь сразу это увидел, как только вошёл в маленькую квартирку Михаила. Она сидела у кофейного столика. Елена Булганина, жена Николая, тоже была здесь. Она только что закончила зажигать еврейские поминальные свечи, занимавшие целый угол на кухне, с обязательным прочтением еврейской поминальной молитвы «кадиш». Лазарь сразу понял, что жена Булганина еврейка, и подумал, что именно это обстоятельство и могло так благоприятно отразиться на карьере её мужа.[6]

У Розы по-прежнему были густые тёмные волосы и жгучие смоляные глаза. Она стала ещё красивее. Роза была не очень высокой, но от неё исходила какая-то сила, и не только физическая. Лазарь мог видеть её сильные и стройные ноги, но в ней ещё была какая-то внутренняя сила. Весь вечер она молчала, хотя ей было приятно вновь увидеть Лазаря. Ему казалось, что она ещё не определилась со своей жизнью. Она нуждалась в помощи. Ей надо было убедиться, что у неё надёжный тыл, и она сама контролирует ситуацию. Лазарю нравился такой подход к делу. Это тоже была его тактика.

Другие были не похожи на них. Михаил со своей женой то негодовали по поводу интервенции, то предавались грустным воспоминаниям о судьбах своих семей. Юрий во всём поддакивал Михаилу. Лазарь даже бы и не заметил Юрия, если бы не его постоянно дымящая папироса, которую он то зажигал, то тушил,

стараясь обратить на себя внимание. Роза была не такая. Она много не говорила, но если что-то и вставляла в общий разговор, то её мысль оказывалась взвешенной, а слова были точными и весомыми. Наконец, Булганины ушли домой, братья отправились спать, и Лазарь с Розой смогли поговорить вдвоём, сидя за маленьким кухонным столом. То, что она сказала, казалось, было давно отрепетировано, так плавно и ритмично звучала её речь.

– Нас заставили уехать из Кабанов. Кто-то говорил, что немцы уже близко. Кто-то предполагал, что нас переселят в глубь России, выделят жилье и дадут землю. Одни говорили, что это распоряжение царя, другие – приказ нового революционного правительства. У нас почти не было продуктов, даже продать или обменять было нечего. Отец почти ослеп, он уже не мог отличить меня от мамы. Но сам он в этом не хотел признаваться. Он передвигался по дому, натыкался на мебель и дверные косяки, но ничего не говорил. Затем он просто запомнил все выступы и выпуклости обстановки, и мы с мамой только следили, чтобы ничего не передвигалось и не переставлялось. Мы делали вид, что ничего не замечали.

Роза взглянула на поминальные свечи, мерцавшие в кухонном углу. Лазарь тоже посмотрел на них, но ничего не сказал. Он ждал, пусть она сама всё расскажет.

– Ситуация ухудшалась. Из Кабанов почти все разъехались. Каждый день кто-нибудь отправлялся в путь. Люди часто не знали, куда им податься. Кто-то ехал на север, кто-то – на юг. Они, как наш отец, словно бродили впотьмах, натыкаясь на препятствия и ощупывая их.

Она закрыла глаза и откинулась на спинку стула. Ей вспомнились разные подробности. Лазарь видел, как она вся содрогалась, но понимал, что ей не хотелось делиться с ним мучительными воспоминаниями.

– Наконец, и мы уехали. Мы продали всё, что не могли увезти с собой и уехали. Мы пытались найти дом или хотя бы какое-то место, где бы могли поселиться, как и тысячи других людей. Мы все чего-то искали. Я даже не знаю, что именно. Наш дом было то, что мы несли на себе. Мама не захотела расставаться со своими кастрюлями, горшками и даже тарелками. У сына раввина мы купили старую клячу и запрягли его в старую повозку дяди Лёвика, ты должен её помнить.

Лазарь хорошо помнил эту повозку, на которой дядя Лёвик разъезжал с товаром по округе. Мальчишкой ему часто приходилось спать на этой повозке, когда они возвращались домой. Иногда, в особенно прохладные ночи, он согревался под мягкими кожами, как под одеялом. Он взглянул на Розу. Она

замолчала, чтобы дать ему возможность вспомнить. Он кивнул в знак благодарности, и она снова стала рассказывать.

– Странно, как всё происходит. Нам не удалось уйти далеко. Мы похоронили маму в поле у дороги. Я даже теперь не знаю, где. У неё было плохо с сердцем. Она утром разговаривала, днём вздремнула, а вечером уже лежала в земле. Ничего не предвещало её смерти, она даже не простилась с нами. Отец ничего не сказал. Какие-то люди помогли нам, и всё.

На её лице появилась улыбка. Очевидно, она подумала о чём-то одновременно и приятном, и болезненном.

– Ты знаешь, я даже вложила ей в руки одну тарелку. Как ты думаешь, правильно я сделала?

Она пристально посмотрела на брата.

– Мы с отцом продолжили путь. Вещи нести было всё труднее и труднее. Отец по-прежнему молчал. Я думаю, что после всего случившегося он не сказал мне и двух слов. Он только часто оглядывался. Он видел то, что хотел видеть. Думаю, что он оставил себя в той яме около дороги.

Она остановилась.

– Я знала, что Михаил жил в Арзамасе, нам говорили, и папа всегда хотел жить со старшим сыном, как он говорил, «с наследником». Я отыскала Михаила. Это было не сложно. Ты же знаешь, он человек известный.

Она на что-то смотрела. Лазарь проследил за её взглядом, и увидел тарелки, выглядевшие очень знакомыми, и большую кастрюлю, которую он помнил с детства, стоявшую на полке. Поминальные свечи почти потухли, и ему вспомнилось то ранее утро, когда он покидал Кабаны, а на окне догорали субботние свечи. Роза посмотрела на брата, и когда их взгляды встретились, он мог видеть, как повлажнели её глаза. Она уже не контролировала себя.

– Мы сходим к отцу завтра. И принесём ему цветы.

Она закрыла лицо руками, и плечи её затряслись от рыданий. Лазарь посмотрел на кадишные свечи. Им осталось гореть всего несколько секунд.

ГЛАВА 3

Гражданская война очень дорого стоила стране. Она перевернула жизни людей и разрушила Россию. Эта бойня унесла жизни десятков миллионов людей.

В 1919 году Лазаря направили в Воронеж, где вместе с другими он лично участвовал в боях против генерала Деникина. Именно здесь он научился, как пользоваться оружием и убивать из него. Он запомнил свою первую жертву. Он просто выстрелили из револьвера в группу людей, и увидел, как кто-то схватился за горло и замертво упал на землю. Это оказалось так просто.

После взятия Воронежа Красной Армией, Лазарь Каганович был назначен председателем местного Революционного Комитета. Булганин лично послал телеграмму в Москву, в которой отметил отличную работу Лазаря. Тот, кто принимал решения в Москве, опирался на информацию от очевидцев событий. На своём новом посту Лазарь начал создавать крепкую партийную структуру в регионе. Он координировал работу по установлению большевистской власти. Лазарь стал агитатором в полном смысле этого слова. Он разъезжал на агитпоезде по региону, «просвещая» крестьян о революции. Поезд останавливался на различных станциях, и Лазарь выкатывал установку с громкоговорителем. Сначала проигрывали бодрые марши, а потом зачитывались выступления известных членов правительства, и, прежде всего – Ленина. Крестьян, на эти митинги, сгоняли со всей округи.

К 1920 году работу Лазаря Кагановича оценил Центральный Комитет партии, и он был направлен в Центрально– Азиатский регион в качестве члена Туркестанского бюро ЦК РКП(б), Туркомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. Он быстро вырос до наркома Рабоче-крестьянской инспекции Туркестанской республики и председателя Ташкентского горсовета. То время отличалось быстрым стремительным продвижением по служебной лестнице. Он оказался одним из немногих, кто знал, как надо поставить организацию, и не боялся работы. Его назначение на пост председателя Ташкентского горсовета не вызвало никакой оппозиции. Окружавшие его люди не обладали такими организаторскими данными и были лишены высокой работоспособности. Его уже стала поддерживать Москва, а это многое значило для укрепления его позиций. Единственным человеком, который был способен работать с такой же скоростью, хотя и не столь продуктивно, был располневший, круглолицый мужчина с толстыми, как сосиски, пальцами. Он представлял

собой типичного аппаратчика, этот был Георгий Максимилианович Маленков, который имел феноменальную память. Он занимался вопросами кадров для Центрального Комитета и мог помочь с продвижением людям различного ранга. В то время он работал в политуправлении Восточного и Туркестанского фронтов.

Лазарь нашёл Маленкова интересным собеседником. Он был способен точно и аккуратно обрисовать ситуацию в стране.

– Знаете, Лазарь Моисеевич, существует разница между тем, что мы слышали раньше от Маркса и тем, что мы слышим сейчас от Ленина. Это звучит еретически, но разница очень заметна. Позвольте мне провести для вас параллели. Согласно Марксу, «От каждого – по способности, каждому – по труду». В социальном плане звучит правильно. Но я слышал, что ленинский принцип гласит: «От каждого – по способности, каждому – по потребностям».

Лазарь продолжал молчать. Он слушал внимательно, но не мог определить, что именно он бы сам предпочёл. Его мозг ухватился за два слова «работа» и «потребности». Неужели их можно увязать вместе? Он понял, что не задумывался о философской концепции проблем, о том, как выполнить какую-либо задачу, выбрать верное решение – да, но с основами философии он знаком не был, образования у Кагановича не было никакого. В этом была его слабость. Поэтому ему потребуется заняться этим. А пока он должен работать и работать самоотверженно.

Он без устали боролся за укрепление молодой Туркестанской Советской Республики. Москва обязательно должна заметить и оценить его старание, он был в этом уверен. Но Москва тогда смотрела в другом направлении. Разразилось Кронштадтское восстание. Троцкий, Ленин и большевистский Центральный Комитет, пока ещё не растаял лёд, послали Красную Армию под предводительством Тухачевского на подавления восстания матросов Балтийского флота, которые в своё время помогли большевикам произвести государственный переворот. Теперь же, эти же самые матросы изменили свою точку зрения. Многие влиятельные коммунисты поддерживали Кронштадское восстание.

Лазарь поддержал решение партии. Если партия потерпит поражение, то разразится хаос, даже возможно восстановление монархии. И всё придётся начинать сначала. Пока происходила жестокая расправа с участниками мятежа в Кронштадте, открылся Десятый Съезд партии. Развернулась борьба другого рода. Ленин выступил перед делегатами съезда:

– Нищета рабочего класса за всё правление царской власти никогда не была такой повальной и острой, как за годы нашей диктатуры. Ослабление рабочих и крестьян дошло до той точки, когда они физически уже не могут работать.

Чтобы спасти революцию, Ленин предложил дать то, что революция и обещала – землю крестьянам, потому что сразу после революции землю у крестьян сразу же отобрал Троцкий. Ленин решил дать полную свободу крестьянскому предпринимательству, чтобы они наполнили рынок сельскохозяйственной продукцией. Это положение получило название Новой Экономической Политики (НЭП). Государству отводилась роль за контролем крупной промышленности, внешней торговлей, банковской системой и транспортом, а сельское хозяйство полностью отдавалось в руки крестьянства. Однако пройдёт совсем немного времени, и под видом коллективизации, троцкистам удастся забрать то, что Ленин отдал крестьянам.

НЭП вызвал троцкистскую оппозицию в партии, названную Рабочей Оппозицией и возглавляемую Комиссаром Труда Александром Шляпниковым. Шляпников настаивал на контроле продукции со стороны профсоюзов: «Должен быть контроль!». Ленин среагировал быстро: «Профсоюзы обязаны подчиняться решениям партии». Ленин успешно разбил внутрипартийную троцкистскую оппозицию. Не собираясь рисковать, Десятый Съезд партии запретил внутрипартийные фракции, и троцкистам были связаны руки. «Если вы громите другие партии, то как вы можете допускать разногласия в вашей собственной?» – заявил Ленин.

Ленин знал, что надо делать дальше. На самом деле, срочные меры по сворачиванию гражданской войны и прекращению поголовного истребления русского народа, укреплению партии и введения НЭПа, значительно укрепили государственный аппарат и саму партию. Иначе бы большевики могли полностью потерять власть.

Лазарь хорошо помнил слова, услышанные им много лет назад во время первой поездки в Киев. Тогда дядя Лёвик сказал:

– Хорошо только то, что полезно евреям. Всегда следуй этому завету.

Лазарь услышал то, что он и хотел слышать. Решение запретить разногласия и ликвидировать оппозицию для него оказалось более важным, чем такая экономическая идея, как НЭП. Для него было не так важно, куда шла экономика, гораздо важнее он считал неотъемлемое право изменять или исправлять направление движения. Это позволяло партии оставаться непобедимой. Ленин твёрдо верил, что «Партия всегда права. Это

партия рабочих, и по определению, она не может быть неправой». Лазарь был согласен с Москвой. Он первым выступит против разногласий и отклонений от партийной линии. И он никому не позволит бросить тень подозрения на себя лично. Он будет внимательно прислушиваться, что решили вожди, и с готовностью исполнит их постановления, но только после того, как твёрдо убедиться, что оппозиция полностью уничтожена. Он сделает всё возможное, чтобы его заметили в Москве. В этом он был уверен.

Когда Лазарь вернулся в Москву в 1922 году, то он не узнал города. Численность населения резко выросла до 2.5 миллионов человек. Люди наводнили столицу, и она превратилась в коммерческий центр России. Появились трамваи, конки, на улицах горели костры, и повсюду были развешаны красные полотна с белыми буквами «Братство и свобода».

Лазарь поселился в маленькой квартире на улице Горького, над книжной лавкой, прямо напротив дома 14, знаменитого Елисеевского магазина. Его новая должность называлась «инструктор Всесоюзного Центрального Совета Профсоюзов». Он не знал, кому он был обязан своим новым назначением. Когда он проездом через Нижний Новгород встретился с Булганиным, тот заметил: «В своё время ты всё узнаешь». Лазарю никогда не нравились критические замечания, и хотя сам Булганин ему нравился, Лазарь огрызнулся: «Иди слону яйца качать». Иногда Булганин становился «старой перечницей». Лазарь боялся представить, что будет с Булганиным, когда он состарится.

Лазарь задумался о своём возрасте и о прожитых годах. Взглянув на себя в зеркале, он приятно удивился. Годы, проведённые в Туркестане, пошли ему только на пользу. Он значительно похудел и теперь даже казался выше ростом. Его лицо сузилось, высокий лоб и маленькая бородка придавали ему, как замечали некоторые, схожесть с Лениным. Он не знал, расценивать ли это как комплимент. Не все, работавшие в правительстве, были за Ленина. Многие были за Троцкого. За Троцкого был и Лазарь, но он чувствовал, что ему не надо лезть в открытую драку, и что, как он говорил: «тише будешь – дальше едешь». Лазарь сменил имидж. Каждый день он несколько минут проводил у зеркала, как он имел обыкновение в юности, отрабатывая сладкую улыбку для начальства и суровый взгляд для подчинённых. Он упражнялся в выражении лица на все случаи: безразличия, размышления и гнева. Это искусство мимики и жеста ему очень скоро пригодится.

Ему скоро стукнет тридцать. Он вспомнил слова, сказанные ему владельцем книжной лавки, когда сегодня утром он

направлялся на работу:

– В тридцать лет вы должны знать, куда вы идёте. К сожалению, многие в вашем возрасте не имеют об этом и понятия.

Лазарь хорошо знал, куда он шёл. Ему хотелось ответить этому старикашке, чтобы он понапрасну не тратился на изречения. Потому что Лазарь, как никто другой, чётко знал, куда надо идти, и как лавировать.

Он направился в сторону Красной площади. У него была намечена встреча с членами новой итальянской коммунистической партии, занимавшейся агитационной работой, подобно той, которую он сам проводил в прошлом. У ворот Спасской башни стояли часовые с красными звёздами на фуражках. У каждого за левым плечом висел длинный карабин. До революции над входом в Спасскую башню висела икона с изображением Спасителя, и каждый, входивший в Кремль, почтительно снимал шапку. Икону сорвали. В ней теперь не было надобности: в Кремле восседали новые «спасители» России, и над Кремлём висели не кресты, а звёзды. Может быть, однажды Лазарю посчастливиться встретить Троцкого или Ленина в одном из многочисленных коридоров Кремлёвского Дворца.

Лазарь протянул свой пропуск часовому. Этот часовой вместо карабина имел на боку кобуру с пистолетом. Лазарю было сказано встать в очередь, собралось человек восемь. Через несколько минут появился дежурный. Он зачитал несколько фамилий по списку. Каждый из ожидавших, в том числе и Лазарь, услыхав свою фамилию, выступил вперёд. Они прошли друг за другом через проходную. Шапок никто не снимал. Группа молча поднялась по лестнице и оказалась в маленьком и тёмном коридоре. Лазарь не знал, где они находились. Он мог только предполагать, что это здание Сената, но было совсем тихо. Всё как будто вымерло. Поднявшись ещё на один этаж, они услышали голоса. Группа подходила к двери, из которой лился мягкий свет. Лазарь уже видел несколько человек, о чём-то болтавших на иностранном языке. Кто-то за его спиной прошептал: «Итальянцы. Ждут приёма у Ленина». У Ленина?! Его сердце сильно забилось. Возможно ли, что он увидит самого Ленина? Он слышал его голос на записи во время работы на агитпоезде, он видел его фотографии, но ему ещё ни разу не удавалось увидеть Ленина наяву. Группа поравнялась с дверным проёмом. Четверо итальянцев разговаривали с маленькой, тёмноволосой женщиной, чей мягкий, но решительный голос, звучал громче остальных. Опять раздался шёпот: «Надежда Крупская – жена Ленина». Лазарь быстро окинул взором всех собравшихся: четверо

итальянцев и восемь русских. Негласным правилом было, чтобы хозяева по численности раза в два превосходили гостей. Это создавало возможность верховодить и обеспечить надёжный тыл. Подойдя к итальянцам, сопровождавший протянул Надежде Константиновне список. Она быстро, с привычкой учительницы, пробежалась по нему глазами, и начала представлять вновь пришедших гостям. Она не называла имён и фамилий, а просто поясняла, чем каждый из них занимался в новом Советском правительстве. Закончив, Крупская пригласила всех пройти за собой в ярко освещённую комнату. Надежда Константиновна пояснила, что это спальня Ленина. Комната была небольшой. У окна стоял письменный стол, покрытый синим сукном, перед ним – кресло. На столе лежало несколько книг. Справа стояла железная кровать, покрытая простым клетчатым покрывалом. Крупская рассказала, что это покрывало было подарено матерью Ленина в 1910 году, когда они жили в Швеции. Над кроватью висела фотография Надежды Константиновны и Ленина. Слева от кровати стояла книжная полка, а напротив неё – маленькая софа. За спальней шла столовая с обеденным столом посередине, покрытым белой скатертью. Вокруг стола были расставлены плетёные кресла. Комнату дополняли большие стенные часы и несколько горшков с цветами. Отвечая на вопрос, Крупская пояснила, что семья, состоявшая из Ленина, его младшей сестры Марии Ильиничны и её самой, ест самую простую пищу. Например, на обед подавались тарелка супа, кусок чёрного хлеба, сыр и чай. Из столовой все направились в гостиную, которая оказалась мрачнее остальных помещений. Здесь были только два небольших дивана, стоявших напротив друг друга, и несколько столиков с лампами на них. Вся мебель была расставлена вокруг большого персидского ковра. Красивое сочетание голубого, зелёного, оранжевого, красного и жёлтого цветов сразу привлекли всеобщее внимание. Стены гостиной были отделаны панелями из тёмного дерева. Большинство вошедших любовались ковром и не сразу заметили кое-что, вернее кое-кого в углу. Сначала Лазарь увидел устремлённый на него проницательный взгляд зелёных глаз. Это были кошачьи глаза. Кот сидел на коленях у человека с тонкими губами и не похожим на портретах, очень скуластым лицом и огромной лысиной. Этот человек внимательно рассматривал группу. Не было сомнения, кто был этот человек, сидевший с котом на коленях. Ленин сидел в кресле-качалке. Это был он! Один из итальянцев выступил вперёд, наклонился и поцеловал Ленина в обе щёки. Это был Бордига, глава итальянской делегации. Он начал произносить речь о будущем советско-итальянских отношений, но Ленин быстро протянул

руку и схватил его за рукав.

– Нет-нет. Мы уже достаточно наслушались речей на съезде. Давайте просто поговорим.

Он улыбнулся. У него был мягкий голос. Казалось, Ленин был расположен потолковать по-дружески. Он свободно перешёл на итальянский язык. Ленин довольно бегло объяснил визитёрам, что очень много времени у него занимают партийная и государственная работа, поэтому ему некогда отдохнуть. Он рассказал, что раньше его любимыми развлечениями были охота и прогулки на природе. Он ещё вспомнил, как ему нравилось кататься на велосипеде, гулять по лесу, плавать, ходить на лыжах. Делегаты переглядывались, словно спрашивая друг у друга, зачем он им это всё рассказывает. Было ясно, что Ленин не собирался обсуждать серьёзные дела с этой «аудиторией». Это был простой, ни к чему не обязывающий разговор, не более того. Ленин интересовался театром, но загруженный работой, ему редко удавалось вырваться на спектакль, даже в соседний Большой театр. Сейчас ему больше нравилось отдыхать в своей гостиной, сидя в кресле, поглаживая кота и слушая игру на рояле своей сестры Марии Ильиничны. Он любил сонаты Бетховена, Мендельсона, Грега, Вагнера и Чайковского. Самым любимым его произведением была «Аппассионата» Бетховена.

– Ничего не знаю лучше этой вещи. Могу слушать её каждый день. Трудно поверить, что такая завораживающая музыка написана человеком. Я всегда с гордостью думаю о том, какие удивительные творения способны создавать люди.

Ленин задумался. Русские перетаптывались на месте. Итальянцы расплывались в улыбках, но Лазарь понимал, что за этими улыбками скрывалось недоумение. Всё это было очевидной показухой, и не могло продолжаться долго. Спустя минуту, появился сопровождавший их дежурный, и группа опять направилась за ним в коридор. Надежда Константиновна исчезла куда-то, и члены группы вопросительно смотрели друг на друга, не зная, чего ещё ожидать. Итальянцы делали вид, что очень довольны встречей с Лениным. Лазарь испытывал другое чувство. Он надеялся вынести больше из этого визита. В итоге, он убедился, что Ленин был невысокий, худой и хрупкий человек с картавым произношением. Он представлял себе Ленина другим. Но всё-таки он встретился с «самым великим» и слышал его голос, хотя тот в основном изъяснялся по-итальянски. Да, теперь он всем может рассказывать, что встречался с Лениным, и даже побывал в его спальне, и, если кто-то настоит, может даже описать обстановку. Такая информация всегда производит впечатление. В конце концов, ему уже почти тридцать, и он

должен в нужное время оказаться в нужном месте.

Это «нужное место» теперь находилось ещё южнее. В начале 1922 года Лазарь опять возвращался в Туркестан. Он направлялся туда в качестве представителя Туркестанского Бюро Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков. Это была очень почётная должность. Ему предстояло разделаться с начавшимися сепаратистскими движениями (басмачами), но тогда он ещё не представлял, что результаты этой его работы скажутся на его будущем. Лазарь недолго оставался в Туркестане. Для него не представляло трудной задачи разбить сепаратистское гнездо вдали от Москвы. В его распоряжении находились отряды красной Армии и крепкая организация на местах. Через три месяца пришла телеграмма, отзывающая его назад в столицу. Он не мог чувствовать себя счастливее. Хотя он и был относительно независим в этом регионе и не имел конкурентов в местном комитете, за исключением Маленкова, но Лазарь знал, что находился вдали от центра и основных событий, где «варилась вся каша». Поэтому он был очень рад перемене и считал, что по праву заслужил возвращение в столицу. Он без сожаления расстался со своими сослуживцами. Теперь можно забыть об их существовании. Если, считал он, они больше ему не нужны, их запросто можно отбросить в сторону. Надо, чувствовал он, обращать внимание только на тех нужных людей, кто может пригодиться сейчас или в будущем.

Его заслуги, наконец, были замечены. Снова он собрал свои вещи, поместившиеся в три холщовых мешка, и отправился на поезд, увозивший его на север, в Москву. Он задумал сделать традиционную остановку в Нижнем Новгороде. Этот город находился ближе к столице, и Лазарь не понимал, почему его старшие братья не продвинулись так, как он. Михаил уже стал членом президиума местной ВЧК. В отличие от Ташкента, Нижний Новгород быстро становился крупным индустриальным центром страны. Лазарь, считал, что этот город предоставлял отличную возможность для человека с амбициями взобраться по служебной лестнице. Он собирался встретиться с Михаилом, Юрием, Никитой Хрущёвым, Николаем Булганиным и, конечно, с Розой.

Именно предстоящая встреча с Розой определила его решение остановиться в Нижнем Новгороде. Он начал принимать активное участие в судьбе Розы. В детстве он почти не обращал на неё внимания. Она тоже в ответ игнорировала его, и всегда была около матери. Но теперь времена изменились. Она любила говорить с ним, особенно о судьбе страны, о ситуации в мире. Однажды она познакомилась с женщиной из Канады, и та ей

рассказала о красоте, богатствах и больших возможностях на американском континенте. Теперь Роза пыталась найти любую информацию о Канаде и США. Единственной её собеседницей, с которой она могла говорить часами, была Лена Булганина. Она тоже рано потеряла родителей, и это обстоятельство их сближало. Лазарю казалось, что Розе ещё не хватало самоуверенности. Но он не хотел давить на неё. Она должна сама захотеть выработать свой характер.

По нескольким причинам эта встреча оказалась кстати. У Юрия родился сын, и его назвали в честь деда Моисеем. К своему собственному удивлению Лазарь с удовольствием держал годовалого племянника на коленях. Он не подозревал в себе способности предаваться таким чувствам. Он ещё не задумывался о женитьбе и детях. Воспоминания собственного детства скорее отталкивали его от этого. Но, может быть, как раз отсутствие интереса и заставило обратить на него внимание высокой и застенчивой девушки. На самом деле, она была одинакового роста с Лазарем, но по сравнению с другими женщинами в комнате казалась значительно выше их. Михаил, Юрий и их жёны были маленького роста. Тоже можно сказать и о Булганиных, и о Никите. Лазарь сразу обратил внимание на эту высокую девушку. Он хотел быть уверенным, что эта девушка не повредит его политической карьере. Если все высокопоставленные лица в партии были женаты, значит, надо тоже определяться с женитьбой. Иначе он будет выглядеть белой вороной.

Девушку звали Марией, и она работала на текстильной фабрике. У неё были длинные тёмные волосы, которые она укладывала в большой пучок на затылке. Светло-коричневые глаза, отметил Лазарь, очень сочетались с её зелёным платьем. Нельзя сказать, что она была красавицей, но выглядела она привлекательно, и её мягкий голос напоминал голос Розы. Она работала вместе с Леной Булганиной, которая и познакомила её с Лазарем. Это было в привычке Булганиных: они считали, что у каждого должна быть своя пара. Первым у них на очереди, как сватов, стоял Лазарь, а за ним – Роза.

Мария рассказала немного о себе. Она оказалась местной. Её родители до революции занимались торговлей. Сейчас они простые труженики. Лазарь уловил в её голосе чувство обиды. В отличие от него, она была русской.

Один из приглашённых не принадлежал ни к евреям, ни к русским. Его представили как Анастаса Ивановича Микояна. Москва направила его в Нижний Новгород для работы в качестве секретаря Нижегородского губкома РКП(б). Его сразу встретили с недоверием. Лазарь мог бы ему это предсказать. Большинство

ставленников Москвы не находило поддержки на новом месте. Лазарь испытал это на себе, когда прибыл в Ташкент. Поэтому он с пониманием отнёсся к положению Микояна.

Микоян сразу понравился Лазарю. Это был мужчина среднего роста, со смуглой кожей, чёрными вьющимися волосами и небольшими усиками. Крючковатый, узкий нос и вздёрнутые губы придавали его лицу кислое выражение. Только взглянув в его большие карие глаза, Лазарь уловил сочетание мягкости и интеллигентности. В отличие от Никиты и Николая, которые уже отъели себе животы, этот человек поддерживал в себе хорошую физическую форму. Рядом с ним была его жена, Ашхен, невысокая и тихая женщина. Микоян родился в Армении, в селе Санаин, а учился в армянской духовной семинарии Нерсесяна в Тифлисе. Лазарю сразу стало понятно, что с этим обстоятельством надо будет считаться.

Лазарь, оценивая людей, делили их на четыре категории. Таких как Никита, он контролировал, хотя и ниже рангом, но они могли быть полезными. Большинство людей напоминало собой серую крестьянскую массу, с которыми Лазарь не церемонился и даже не обращал внимания. Но были и такие, которые находились на одном уровне социальной лестницы или немного выше, но он недолюбливал их или не доверял им. В общем, он по-прежнему не доверял никому, хотя бывало и приходилось высказываться о симпатиях, несогласиях и взглядах на события в стране. Чаще всего он общался с такими людьми ради слухов, ради получения обрывков информации, которые были чем сочнее, тем лучше.

Но были и такие, которые стояли на одном с ним уровне, хотя и имели свои интересы, и к этим Лазарь испытывал подлинное расположение. Николай Булганин и Анастас Микоян принадлежали к этой категории людей. Оба они были образованы, а Лазарь честно признавался себе, что этого-то он как раз был лишён. Они имели твёрдое понимание того, что происходило в России. В них обоих так же ещё было что-то барское, аристократическое. Лазарь нуждался в информации, которая могла бы ему пригодиться, а эти двое были отличными источниками информации о положении в верхах. Булганин становился особенно разговорчивым, когда выпивал. Лазарь и Анастас почти не прикасались к вину. Они оба долго потягивали из своих рюмок, наблюдая, как огромный нос Николая наливается краснотой и становиться как будто больше после каждого глотка коньяка. Он был одним из немногих русских, который не любил водку. Уставившись в наполовину опорожнённую стопку, Булганин сказал:

– Ожидаются большие перемены. У Ленина уже был инсульт.

– Какой инсульт? – спросил Лазарь.

– Какой? – усмехнулся Булганин. – Лучше спроси у Розы. Она собирается стать врачом. Это мозговой удар. А значит, он не сможет много двигаться. Я слышал, что он частично парализован. Не знаю, насколько это отразилось на его мыслительных способностях.

– Я знаю, – вставил Лазарь. – Когда я его видел, он выглядел как после болезни. Это не первый его инсульт.

Микоян, как обычно, молча слушал. Говорил он мало и был отличным слушателем. Лазарь даже завидовал этой способности. Сам же он слушать людей не умел. Он предпочитал говорить и заставлял других слушать себя. Сейчас же Лазарь решил последовать примеру Микояна и послушать.

– Ты знаешь, о чём я сейчас подумал? Ты должен что-то сделать для Розы. Зачем ей прозябать в этом захолустье? Устрой её в Московский университет. Из неё выйдет отличный врач. Только скажи Сталину, что тебе надо. Когда Ленина не станет, он займёт его место.

Лазарь навострил уши: Сталин займёт место Ленина! Значит всё таки Сталин, а не Троцкий? «Человек из стали», но для меня он всё равно оспеннорожая мразь! – продолжал Булганин с головой по уши в стакане.

Он поднял взгляд на Лазаря и Микояна.

– Гавно! Не надо вообще-то этого было говорить. Всё-таки он мой начальник, и кто знает, можно ли вам двоим доверять?

Булганин улыбнулся, протянул руку за бутылкой коньяка, но она оказалась уже пустой.

– Гавно! – пробурчал Булганин и потянулся к буфету за новой бутылкой.

Лазарь внимательно наблюдал за ним. Он сказал совсем немного, но Лазарь для себя уловил главное. Ленин медленно умирал, если уже не умер, а Троцкий? Как же Троцкий? Загнанный в Среднюю Азию, Лазарь оказался не в курсе событий, но это-то, как потом оказалось и спасло его, Лазарь не отсветился и остался в аппарате Сталина. В голове Лазаря вертелись фамилии Каменева, Бухарина и Маленкова. Но Николай ясно сказал ему, кто перевёл его в Москву, Сталин. И этому человеку Лазарь теперь должен будет уделить пристальное внимание.

Одиннадцатый Съезд партии оказался последним, на котором присутствовал Ленин. Центральный Комитет выбрал Сталина в качестве Генерального секретаря коммунистической партии. Поговаривали, что это было сделано вопреки желанию Ленина, который якобы заметил, что «этот повар будет готовить острые

блюда». Во время болезни Ленина партией правил триумвират Зиновьев-Каменев-Сталин. Тот факт, что Каменев был женат на сестре Троцкого, не помешал ему объединиться с Зиновьевым и Сталиным против своего родственника. Троцкий был назначен на почётную, но ничего не решавшую должность Председателя Военно-Революционного Комитета. Фактически, его отстранили от решения самых главных партийных вопросов. Началась острая борьба за власть. Сталин отозвал Кагановича в Москву, но в первые два месяца после возвращения в столицу, Лазарю ещё не удалось увидеться со своим новым начальником. Ему была предоставлена квартира на последнем этаже в доме на Собачьей Площадке на Арбате. Это название сохранилось с XVII века, когда на этом месте стояли царские псарни. Это место находилось на пересечении Малой и Большой Николопесковских улиц. Каждое утро он отправлялся на Гоголевский бульвар в здание Министерства Обороны, где получал список фамилий для дальнейшего изучения. Ему следовало выделить тех членов партии, кого он знал лично и дать им характеристику. Он не был уверен, что всё это означало, но он добросовестно прочитывал фамилии сотен и даже тысяч людей со всех концов России. Казалось, что новое правительство пыталось составить картотеку данных на каждого жителя страны. Он понимал, что Сталину надо было заложить фундамент для своей власти. Болезнь почти вычеркнула Ленина из политической жизни, и Сталин заметно активизировал свою деятельность на новой в партии должности Генерального секретаря. Но Лазарю ещё не предоставлялась возможность встретиться с ним. Он знал, что Сталин работал в Кремле, но с прошлогодней встречи с Лениным он больше не входил в Спасские ворота.

К июню Кагановичу была поручено не только просматривать списки, но и организовать группу партийных инструкторов. Это была ответственная задача. Лазарь понял, что его ценность для Сталина определиться теми людьми, которых он выберет. Поэтому он тщательно анализировал фамилии, чтобы отобрать тех, кто мог быть предан Сталину. Теперь он ясно видел свою позицию. Он должен завоевать полное доверие человека, сидевшего в Кремле. От Сталина приходили распоряжения «рассмотреть такого-то», вопросы «о соответствии» конкретных кандидатур на определённые посты, вопросы частного порядка о кандидатурах. В каждом случае Лазарь должен был быть уверен, что его личная преданность не поддавалась сомнению. Он понимал смысл этих распоряжений и запросов и выполнял их с тщательностью и аккуратностью. Если это был «теневой кабинет», ожидавший смерти Ленина, то он приложил все силы, чтобы стать

его членом. Было ясно, что Сталин формировал свою собственную структуру власти, несмотря на факт, что Ленин был ещё жив. Ни для кого не было секретом, что Троцкий тоже рвался к власти, также как и Каменев с Зиновьевым, которые тоже пытались урвать «кусок пирога». Но это уже не имело значения. Сталин уже придвинул к себе Лазаря, вытянув его из низов, медленно, но уверенно. И он ничего не будет менять.

В последующие два месяца Лазарь работал без выходных по восемнадцать часов в день, чтобы дать своему новому начальнику то, что он хотел. У него больше ни на что не оставалось времени. Он даже перестал ходить обедать в ресторан, а ел в своей комнате за письменным столом. Он даже перестал писать Марии. Теперь он вставал каждый день в пять утра, чтобы оказаться на работе раньше других, задерживался до одиннадцати вечера и отправлялся домой, чтобы только поспать. Через пять часов он был снова на своём посту. Если возникали запутанные проблемы, то он ночевал прямо в кабинете, чтобы сэкономить время. Через два месяца его старания были оценены. Он получил новую должность начальника организационно-распределительного отдела ЦК РКП(б). Он стал начальником «отдела кадров», очень важного поста в новом правительстве. Теперь ему обязательно предстоит встреча с человеком, обеспечившим его взлёт. И они действительно встретились, хотя прошло ещё два месяца, и на этой встрече присутствовали и другие люди. Во второй раз в своей жизни Лазарь входил через Спасские ворота Кремля. Всё было абсолютно по-другому, нежели всего год назад. Везде чувствовалась активность. Люди спешили из одного места в другое, заходя и выходя из зданий, они несли в руках какие-то бумаги и разговаривали на ходу. За то короткое время, которое прошло с момента захвата большевиками власти, для каждого было ясно, что Кремль стал главным местом, сосредоточением власти и центром всей страны. Кремль перестал быть военной крепостью. Хотя солдат Красной Армии можно было видеть, но их количество заметно убавилось. Стало меньше подозрительности по сравнению с первыми днями советской власти. Казалось, рассеялись страхи о вероятном восстании против нового порядка. Большевики надёжно уселись в Кремле. Закончилась Первая Мировая война, Белая Армия была разбита, а оппозиционные партии поставлены вне закона.

В то утро у ворот Спасской башни собралось десять человек: девять мужчин и одна женщина. Среди собравшихся Лазарь увидел людей, которых он помнил по Петрограду: Кирова, Орджоникидзе и Куйбышева. Группа пребывала в приподнятом настроении. Они пересмеивались между собой и даже

подшучивали над единственной между ними женщиной, прибывшей из деревни. Мужчины сравнивали увеличение продукции арбузов с её огромными грудями и заливисто смеялись. Но как только все переступили порог приёмной человека, на встречу с которым их пригласили, их весёлость как рукой сняло. Маленков, исполнявший должность помощника Генерального секретаря, провёл их в кабинет. Сталин стоял за огромным столом. На стене висел портрет Карла Маркса. Других портретов не было, даже фотография Ленина отсутствовала. Единственную мебель в кабинете представляли деревянные стулья напротив письменного стола и маленький столик в углу. Комната имела явно спартанский вид. С близкого расстояния Сталин выглядел по-иному. Его лицо носило следы оспы, которой он переболел в детстве, а глаза имели желтоватый оттенок. Он был среднего роста, ниже Лазаря, и если бы не густые волосы и такие же густые усы, подумал Лазарь, он бы имел совсем простецкий внешний вид. Он не выглядел сильным и не походил на типичного грузина, с широкой натурой и эмоционального. Наоборот, внешне он выглядел совершенно спокойным. Он был одет в военную, наглухо застёгнутую гимнастёрку. Для июльской погоды такая одежда была слишком тёплой, к тому же единственное окно было плотно закрыто. В руке Сталин держал трубку. Лазарь не помнил, что Сталин сказал вошедшим. Кажется, что-то пробормотал в качестве приветствия. Выглядело так, будто он внимательно разглядывал представленных ему людей и сопоставлял их имена и занимаемые должности, и, несмотря на свою непредставительную внешность, давал понять, кто здесь хозяин. Как бы там не было, но Лазарь ощущал исходившую от Сталина силу. Он понимал, что с этим человеком шутить нельзя, этот человек держал весь контроль в своих руках. Встреча со Сталиным заняла не более десяти минут, и всё, что Лазарь мог потом вспомнить, были слова: «Надеюсь, мы с вами снова увидимся». И группа удалилась из кабинета.

В следующий раз он увидел Сталина в конце декабря в Большом театре. В тот день в 12 часов дня там открывался Первый Съезд Советов СССР. Предполагалось создать многонациональное единое государство, которое будет существовать века. 30 декабря Лазарь был приглашён на заседание съезда. К этому времени среди внутренних партийных работников распространили очень сомнительный документ, подписанный 14 декабря. Благодаря своей должности Лазарь прочитал его в числе первых. Это было, так называемое, «завещание Ленина», написанное на нескольких листах, оно критически оценивало всех кандидатов на его место. Это, якобы,

«завещание Ленина» разносило всех потенциальных претендентов на абсолютную власть в пух и прах, но Троцкого характеризовало положительно! Ленин, якобы писал, что Троцкий обладал чрезвычайными способностями, и единственным его недостатком было только склонность к администрированию. Он исключил кандидатуры Каменева и Зиновьева как «ненадёжных», обошёл Пятакова из-за его «неспособности схватывать политические проблемы» и вычеркнул Бухарина по причине непонимания марксистской диалектики и хотя «он считается любимцем всей партии, но мягок как воск, на котором демагоги могут написать всё, что захотят». Затем он перешёл к оценке Сталина. «Иосиф Виссарионович не знает, как правильно распоряжаться властью. Я только могу надеяться, что наши члены партии снимут его с занимаемой должности и сделают это, как можно быстрее». Характер документа не оставлял сомнения его происхождения в аппарате Троцкого. Ленин уже тогда был полностью изолирован Троцким.

Лазарь должен был быстро взвесить ситуацию и определить для себя, кого следовало бы поддержать, и в каком направлении двигаться. Он не должен оставаться в стороне, но только не сейчас. Надо быстро сориентироваться, суметь увидеть и услышать. Он получит больше информации на съезде. Надо только всегда помнить слова дяди Лёвика.

Большой театр размещался недалеко от того места, где работал Лазарь, и он мог видеть портик театра из своего окна. Но ему ещё не приходилось бывать внутри этого великолепного здания.

Съезд открыл соратник Ленина Пётр Смидович. Его речь оказалась ясной и понятной для всех. Он сказал, что объединение Советских республик стало «богатейшим источником новых сил для защиты своих интересов и созидательной работы, поддержанное трудящимися всех наций». Лазарь оглядел сидевших вокруг. Многим едва исполнилось двадцать, и они, затаив дыхание, слушали выступление ветерана партии. Лазарь вдруг осознал, что он всего лишь на несколько лет их старше, но годы партийной работы сильно возмужали его, и его нынешняя должность открывала перед ним большие возможности, чего были лишены многие сидевшие с ним в одном зале. Слово предоставили Михаилу Фрунзе. Рабочий класс Украины выбрал его своим делегатом на съезд. Он зачитал постановление об образовании Союза Советских Социалистических Республик. Когда он закончил, все собравшиеся поднялись со своих мест и зааплодировали. Единогласным голосованием делегаты одобрили решение о создании СССР. Через несколько минут главы всех

делегаций, со всех республик, поспешили к столу Президиума, чтобы поставить свои подписи под договором, каждая подпись сопровождалась громогласными аплодисментами. Лазарь осмотрелся вокруг. Он искал знакомые лица, но обнаружил немногих. Он не нашёл Сталина, но заметил Ворошилова, стоявшего на краю сцены. Он не видел Троцкого, и даже Ленина, но увидел Орджоникидзе, сидевшего в первом ряду рядом с Бухариным. Наконец, когда последний делегат покинул сцену, поднялся с места Михаил Калинин и подчеркнул историческое значение совершённого события. Все бурно зааплодировали. В едином порыве люди встали и запели «Интернационал». У многих на глазах выступили слёзы. Кто-то в порыве чувств обнимал соседей. Некоторые, их было совсем немного, молчали, словно обдумывая свершившееся. Кое-где мелькали задумчивые, серьёзные лица. Лазарь оценивающе смотрел вокруг себя. Всё перемешалось: люди, лица, голоса. Он взглянул на огромную хрустальную люстру. Она слегка позванивала. Лазарь спокойно наблюдал, что происходило вокруг него. Он перестал быть тем наивным юнцом, слушавшим сказочные речи на собраниях в Киеве. Он перешагнул через это. Ему скоро тридцать. Он вспомнил о дяде Лёвике, Моррисе, и даже об отце с матерью, о Розе, о братьях, обо всех, кого он знал в Кабанах, и понял, что никто из них не знал, что на самом деле происходило в стране, где они родились. А он сам, Лазарь, становился частью этой истории. Они только смогут прочитать о том, что произошло, а он был участником и свидетелем этого знаменательного события, которое окажет влияние на мир, его собственную жизнь и на будущее в целом. Он повзрослел и возмужал. Настало время окончательно определиться. Он подумал о Марии и решил жениться на ней и перевезти её в Москву. Он опять обвёл взглядом толпу народа. Все смотрели туда, на край сцены, на незаметную фигуру невысокого человека. Он стоял с трубкой во рту, заложив руки за спину.

Пять дней спустя, аппарат Троцкого не успокоился и прислал добавление к «завещанию Ленина», с описанием Сталина как «грубого и капризного». Мировой истории хорошо известны подобные фальшивки, которые сыграли решающую роль, а когда было открыто, что они являются фальшивками, то это уже было давно поздно. Например «дар Константина», заявление, которым, якобы император Константин «подарил» Рим в дар Папе Римскому и отрезал Италию от Константинопольской Православной Римской Империи. Все эти фальшивки в мировой истории восходят к одним и тем же кругам, и они прекрасно об этом знают, но продолжают культивировать их.

Лазарю стало ясно, что Троцкий идёт ва-банк. Во время болезни Ленин был полностью изолирован, и личный врач Ленина был человеком Троцкого по фамилии Левин. К Ленину никто не допускался. По смерти Ленина власть автоматически должна была перейти к его со-диктатору – к Троцкому. Троцкому даже близко не было конкурентов. За Троцким стояли такие финансовые возможности, которые другим даже и не снились. Троцкий сделал две революции в России и с приходом большевиков к власти он вёз на себе всю практическую работу. Это Троцкий захватил власть, разогнал Учредительное собрание, создал Красную армию и защитил новый порядок. Это Троцкий, будучи в одном лице и председатель нелегальных Петроградского Совета и Военно-революционного комитета большевиков, пока Ленин отдыхал в шалаше на природе, сразу по приезде из Америки в июле 1917 года начинает государственный переворот, а затем, когда он не удаётся, сразу же, в октябре успешно повторяет попытку. Есть ли в истории вообще подобный пример такой успешной настойчивости? Когда Сталину удалось отодвинуть Троцкого от власти, Троцкий 7 октября 1927 года, в десятую годовщину революции, снова предпринимает неудачную попытку государственного переворота с целью устранения Сталина. Как упоминает Троцкий в своих мемуарах, для проведения любого государственного переворота ему для этого совсем не нужен никакой народ. Троцкому всегда достаточно 300 натренированных и преданных боевиков. Ни у одного человека в истории, ни до, ни после Троцкого, не было такого опыта проведения серии государственных переворотов, при которых он в любом случае выходил сухим из воды. После революции Троцкий руководил всем, что так или иначе было связано с вооружёнными людьми: обороной, транспортом, конкретным уничтожением других религий, иностранными концессиями, и мало кто знает, что и ВЧК было детищем Троцкого. Весь институт политических комиссаров, которых поместили в любую государственную ячейку, как гражданского общества, так и армии и ВЧК – подчинялся непосредственно Троцкому. И Троцкий нигде не собирался терпеть людей не лояльных ему лично, какой бы национальности они не были. Троцкий один был целой лавиной, которая всех сметала на своём пути. Троцкий был именно как Людовик Четырнадцатый, который однажды сказал о себе: «Государство – это я». Троцкий мог бы всё сделать и один, ему не нужен был никто, кроме 300 преданных боевиков и денег, которые у него всегда были. Просто исторически вышло так, что ему приходилось делить власть с Лениным, которого Троцкий считал просто «свадебным генералом». Троцкий был ракетой,

сделав революцию в Россию, он уже весь мир видел у своих ног и не собирался медлить. Ленин Троцкому просто мешал. Фани Каплан была человеком Троцкого. Чего стоит хотя бы один такой факт, что Фани Каплан была вообще единственной арестованной в истории СССР, которая содержалась под арестом не на Лубянке, и не в тюрьме, а в самом Кремле! Врач Ленина Левин всегда выполнял приказания только Троцкого. Ну что, казалось, могло остановить Троцкого на пути узурпации верховной власти, когда она уже давно была у него в кармане? Сталин был не первым человеком, которого убирал Троцкий. Якова Свердлова тоже убрал Троцкий. Молодой Яков Свердлов был восходящей звездой партии. Он был первым премьер-министром Советской республики. Яков Свердлов был явно более талантлив, чем Троцкий. Уже на тот момент Свердлов держал в руках всю организационную работу партии. Однако он перестарался с уничтожением царской семьи. Событие стало настолько одиозным, что Троцкий не упустил своего шанса. Доктор Левин был специалистом своего дела. Убийство царской семьи Троцкий списал на Свердлова. Матёрость и зрелость взяла верх над энергичностью и зрелостью.

Это Троцкий, которого Брестский-Литовский мир связывал по рукам и ногам, приказал Якову Блюмкину застрелить германского посла Мирбаха, чтобы остановить мирный процесс. А ведь Яков Блюмкин был не каким-нибудь там студентиком – Яков Блюмкин был большим руководителем московской ВЧК и официальным лицом. Именно как официальное государственное лицо принял Блюмкина германский посол Мирбах, а Блюмкина за убийство посла иностранной державы даже не посадили.

Это Троцкий уничтожил главных союзников Сталина. Главного чекиста страны, Дзержинского, которого Троцкий тоже не контролировал, опять «полечил» доктор Левин. Нарком обороны Михаил Фрунзе, поставленный тройкой Каменев-Зиновьев-Сталин вместо Троцкого, очень недолго ходил в министрах, и умер во время операции, на которую его принудили лечь врачи Троцкого. У Михаила Фрунзе всего то была язва желудка, но врачи всегда работали на Троцкого. Впоследствии именно «Дело врачей» будет решающим этапом в победе троцкистов в СССР.

Троцкий на этом не остановился. В это же время он убирает командарма Григория Котовского, которого Михаил Фрунзе должен был назначить своим заместителем. Григория Котовского застрелил человек Троцкого по фамилии Мейер Зайдер, который был начальником охраны местного сахарного завода. Почему Троцкий так быстро расправился со своими преемниками на

посту наркома обороны? – Потому что он не собирался сдавать этого важнейшего государственного поста своим политическим противникам. Это было равнозначно поражению. На место наркома обороны Троцкий двигал своего родственника Иону Якира. Якир был родственником Троцкого и сыном богатейшего молдавского еврея. А Григорий Котовский, как и Фрунзе, были бедными молдаванами, и поэтому давно знали Якира и ненавидели его всеми фибрами души. Поэтому у них у обоих не было шансов спастись от Троцкого.

Лазарь Каганович выдвигается как раз за этой лихорадочной работой, когда он помогает Сталину в поисках замены его людей, которых ежедневно выкашивал Троцкий. При этом Лазарь внутренним чутьём почувствовал, что его кумир, Троцкий, проиграет, и поэтому Лазарь решил про себя, что он в долгосрочном плане больше пользы принесёт делу Троцкого, если ляжет на дно и не скомпрометирует себя симпатиями к Троцкому. Лазарь сжал зубы, у него была тонкая игра.

Сталина, который уже чувствовал дыхание смерти, спасли личные амбиции других партийный вождей: Каменева и Зиновьева. Они все входили в официальную пятёрку партийных вождей: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев и самый молодой и не котировавшийся из них – Сталин. Имя Зиновьева было хорошо известно. Он стоял во главе Коминтерна, то есть во главе всей мировой коммунистической агентуры. Под его руководством находилась партийная организация бывшей столицы – Петрограда, он являлся соавтором Ленина. Каменев тоже был ленинским соавтором и руководил новой столицей – Москвой. Оба они писали и оформляли ленинские работы. Собственно, это они говорили от лица Ленина. Из всех троих Сталин оказывался наименее известным и «зелёным». Каменев и Зиновьев снисходительно относились к Сталину, похлопывали по плечу молодого кавказского «генацвале», и даже не рассматривали его как потенциального соперника. Они считали, что только они вдвоём, Зиновьев и Каменев, ещё способны победить казавшегося непобедимым Троцкого, ну а уж потом они как-нибудь между собой договорятся.

Должность Генерального секретаря партии, которую получил Сталин, была только создана, и тогда совсем не носила того руководящего значения, которое она получила позднее. Секретарь – он и означал, секретарь, не более и не менее, просто клерк при вождях, хотя и генеральный, при главнейших людях государства.

Однако Сталин, став генеральным секретарём, не упустил открывшейся ему последний шанс, он стал серьёзно контролировать административный аппарат и продвигать своих

людей в партийные и правительственные органы. Этим и занимался Лазарь. Сталин относился к этому очень серьёзно, как только мог отнестись к этому человек, смертный приговор которому уже лежал у Троцкого в кармане. В октябре 1923 года Троцкий обвинил Сталина в манипуляциях. Он даже привёл в поддержку 46 высокопоставленных членов партии на заседание Центрального Комитета. Сталин, имевший поддержку большинства в ЦК, оказал отпор Троцкому и в свою очередь охарактеризовал критику Троцкого не просто как «грубую политическую ошибку», но и как «антиленинское выступление, угрожающее единству партии». Он предупредил Троцкого, что такое поведение «несовместимо с членством в партии». Было ясно, что и Сталин не собирался сдаваться раньше времени. Сталин тоже был стойким бойцом. Атаки на Сталина нарастали. Однако, что называется, сам Бог помог Сталину. Троцкий внезапно серьёзно заболел, и болезнь почти на год выбила его из активной деятельности. Люди Троцкого остались без вождя, и некому было заменить его. Троцкий не терпел вокруг себя личностей, способных составить ему конкуренцию. В данной ситуации это был внезапный провал. В начале года Троцкий уехал для лечения на Кавказ. Состояние Ленина ухудшилось, но Троцкому об этом не сообщили. Сталин от имени Политбюро сумел прислать Троцкому телеграмму, в которой того настойчиво просили поехать на лечение и отдых в Сухуми. Сталин знал, что жить Ленину осталось недолго, и он делал всё, чтобы Троцкий в критический момент отсутствовал в столице. Кроме этого, Троцкий, настолько считал вопрос об узурпации им власти решённым, что он весь сконцентрировался на том моменте, когда он, получив абсолютную власть в свои руки, снова поднимет Россию на дыбы и бросит её в горнило мировой революции. Троцкий уже мнил себя абсолютным диктатором не только России, но и Европы и Китая, и Индии, всего Евразийского континента. Люди Троцкого уже пытались взять власть в Германии и Венгрии. Им это удалось лишь временно, но теперь они все ждали, когда Троцкий получит абсолютную власть и придёт к ним на помощь. Троцкий решил, что дело сделано и решил отдохнуть и восстановить силы перед решающей мировой революцией, когда ему снова надо будет взобраться на белого коня. В любой еврейской библиотеке Америки есть книга для детей, которая называется «Великие евреи». Абрам, Яков, Моисей, царь Давид, Маймонид, Моисей Мендельсон и обязательно Лев Давыдович Бронштейн – Троцкий. Троцкий стоит в первом ряду важнейший личностей еврейской нации. Миллионы еврейских детей во всех странах учатся на его примере.

В течение последнего года Лазарь занялся своей личной жизнью. В Нижнем Новгороде сыграли небольшую свадьбу, на которой присутствовали только его братья, сестра Роза и Булганины. И вскоре Мария уже ждала ребёнка. Когда родилась девочка, её назвали Майей, в честь Моисея. Лазарь не знал, почему он последовал древней еврейской традиции называть первого ребёнка в семье в честь недавно умершего близкого родственника. Он всегда игнорировал еврейские обычаи. Конечно, Мария старалась поддерживать в семье нормальные человеческие отношения и отвлечь мужа от служебных забот. Она надеялась, что, может быть, ей удастся смягчить его, и он станет проявлять сострадание к людям. С рождением дочери она целиком посвятила себя её воспитанию. А Лазарь всё меньше времени проводил дома, занятый делами в Кремле.

Настали напряжённые дни. С наступлением 1924 года в правительственных кругах усилились слухи об ухудшении состояния здоровья Ленина. Те, кому удавалось его увидеть, спорили на бутылку водки, банку помидоров или картонную коробку папирос о дне, часе и даже минуте, когда, наконец, умрёт Ленин. Какая-то извращённая весёлость проникла во все уголки бюрократии. Каждый аппаратчик становился ответственным за то, что происходило. Начавшееся напоминало огромную лотерею. Однако эта вакханалия не выносилась за стены правительственных зданий. Население держалось в неведении относительно реальных событий и считало, что Ленин твёрдо держал руку на руле управления страной. Такой подход относительно народа, когда средний русский человек не имел реальной информации о происходившем, обеспечивал колоссальный успех новой системе.

Лазарь переодевал своего ребёнка, что делал исключительно редко, когда он услышал новость о смерти Ленина 21 января 1924 года. Несмотря на то, что он занимал высокий пост, о смерти вождя он узнал из криков, доносившихся с улицы. Слухи всегда разносятся быстро, особенно неприятные, и он поспешил к себе на службу, где его встретили молчанием. Это казалось странным: в то время как обычные граждане на улице перебегали от одной толпы к другой и бурно обменивались обрывками информации. В правительственных учреждениях продолжали, как ни в чём не бывало, кружить служащие с ворохом бумаг, лишь изредка перешептываясь между собой. Большинство москвичей близко к сердцу восприняли новость о смерти вождя. Многие плакали. Их горе было настоящим. Но в самом Кремле, обитавших там людей больше волновал не факт смерти Ленина, а то, что за этим последует. Скорбь заменилась страхом. Многое из того, что было

сказано Лениным за последние годы, уже позабылось. Казалось, что Ленин выполнил отведённую ему роль, и теперь ему только осталось войти в учебники истории. Но происходило много такого, о чём в учебнике истории не прочитаешь. Булганин считал физическим фактом, что практической альтернативы Троцкому нет. Однажды, когда они с Лазарем были одни, он сказал:

– Многим ли известно о том, как жесток Троцкий? Кому известно, что Троцким подписано огромное число приказов о расстрелах? Знает ли народ, что Троцкий уничтожал народ деревнями и сёлами? А тогда в сёлах было по несколько тысяч человек. Во многих деревнях было военное положение. Михаил рассказывал мне, как у них в регионе не только снимали с работы, а расстреливали коммунистов, подвергших сомнению политику партии. Их объявили предателями Советской власти, заслуживших смертной казни. Думаешь, люди понимают, что Троцкий, который тогда официально, как и Ленин был нашим вождём, отдавал приказы о разрушении православных церквей? Думаешь, им известно о религиозных гонениях, о том, сколько христиан и священнослужителей было убито из-за приверженности к своей вере?

Николаю Булганину не нужно было обо всём этом рассказывать Лазарю. За годы троцкистского вождизма, в стране развернулись разгул беззакония, жестокости и бесчеловечности, что официально называлось «Красным террором». Лазарь знал «подноготную», что это Троцкий несёт ответственность за развязывание «Красного террора», что это Троцкий стоит за массовыми арестами и повальными казнями. Но Лазаря это не трогало, он давно уже сделал свой выбор. Он слушал Булганина, и сердце его чувствовало, что предстоит длительная скрытая борьба.

Ленина больше не было. Его соратники разного ранга теперь старались на публике вымучить на своих лицах скорбь от тяжёлой потери. Лазарю не было известно, где умер Ленин. У каждого на этот счёт было своё мнение: кто-то говорил, что это произошло в Крыму, кто-то утверждал, что Ленин скончался на даче в Подмосковье, а были и такие, кто называл даже Финляндию. Всё, что знал Лазарь, это то, что гроб с телом Ленина специальным поездом будет привезён в Москву 23 января. Похороны были торжественными и сопровождались эмоциональными речами, но это было только на поверхности. Лазарь уловил, что большинство переживаний были показными и неискренними. Он сам почти не переживал. Он знал, что происходило на самом деле, и когда в

тот холодный и ветреный день он стоял на Красной площади, глядя на толпы народа, его больше занимали не грустные мысли, а то, чтобы запланированное «представление» прошло бы без сучка и задоринки. Понятия «Ленин» и «Ленинизм» были подняты до положения божественного поклонения. Лазарь слышал, что Симбирск, место рождения Ленина, будет переименован в Ульяновск, а Петроград теперь назовут Ленинградом. По Красной площади валили толпы народа. Везде развивались кумачовые плакаты. Даже речь Сталина была образцом того, что Лазарь называл «эмоциональной пропагандой». Его выступление заканчивалось словами:

– Мы должны охранять и усиливать чистоту партийных рядов, крепить наше единство, укреплять диктатуру рабочего класса в союзе с крестьянством!

Толпа радостно приветствовала его слова. В отсутствии Троцкого Сталин в глазах народа смотрелся как законный преемник Ленина.

Похороны быстро отошли в прошлое и забылись за текущими событиями. Почти немедленно Лазарь оказался втянутым во внутренний механизм правительственной машины, что фактически явилось результатом гонки по занятию вакантных мест в аппарате Ленина. События свершались молниеносно. Было официально изменено название в членстве партии с «большевик» на «коммунист». С большой скоростью создавались новые должности, как в самом Кремле, так и вокруг него. Лазарь даже обнаружил своё имя, названное в числе кандидатов в члены ЦК. На поверхности появились новые имена и новые должностные лица. Михаил и Юрий Кагановичи получили новые назначения. Роза поступила в Москве в медицинский институт, а Микоян, Булганин и Ворошилов перебрались в столицу. Даже Хрущёва отозвали и поставили на работу в подчинение Лазаря. На горизонте появилась новая фамилия – Молотов (настоящая фамилия Скрябин). Он возглавил Центральную Комиссию и стал непосредственным начальником Лазаря. Молотов был невысоким, щуплым человеком с необычно тонкой шеей, в круглых очках без оправы и с пронзительным голосом. Он выделялся своей тщедушностью среди представительных соратников, волею судьбы занесённых на вершины власти. И ещё, в отличие от всех претендентов «на трон», у него была простая и задушевная улыбка. Лазарю Молотов понравился, потому что он не собирался убирать Кагановича. С годами Лазарь узнал, что не только он один имеет американских родственников, но и Молотов по линии жены тоже имеет родственников в Америке. (Родной брат Полины Жемчужиной был американец).

Наконец, Лазарь Каганович был вызван для беседы со Сталиным! В тот декабрьский день Лазарь появился в Спасских воротах около десяти утра. Вскоре он очутился в том самом кабинете, в котором впервые встретился со Сталиным. Советский вождь просматривал бумаги за огромным письменным столом. Чтобы охватить взглядом лежавшую перед ним груду бумаг, он не сидел, а стоял за столом. Лазарь опять отметил, что Сталин ниже его ростом. Лазарь весил около 90 килограмм, а Сталин казался килограммов на 10–15 меньше весом. Он подумал, что Сталин похудел за время с их последней встречи. Все остальное оказалось на месте, включая выражение лица, по которому нельзя было прочитать, о чём он думал и переживал. «Переживания – женское качество», – сказал как-то Сталин.

Лазарь интересовался биографией Сталина и его вкусами. Он старался узнать о нём как можно больше. Ему было известно, что Сталин вёл спартанский образ жизни, был неприхотлив в быту, довольствовался малым и не любил роскоши.

Сталин кивком головы указал на один из стульев, не произнеся ни слова. После того, как Лазарь присел, Сталин тоже опустился на стул, достал из небольшой деревянной коробки папиросу и предложил Лазарю.

– Спасибо, я не курю.

– Это хорошо.

Сталин зажёг трубку. Лазарь видел, как дымок кольцами поднимался к портрету Карла Маркса. Сталин заговорил низким голосом:

– Михаил Каганович сейчас является Председателем Нижегородского губернского Совета народного хозяйства. Юрий Каганович член этого Совета. Это хорошо. Роза? Она выучится, окончит медицинский институт и станет хорошим врачом. Нам врачи нужны.

Он замолчал и взглянул на Лазаря. Пышные усы не смогли спрятать улыбки.

– Ну а вы, Лазарь Моисеевич? Как вы? Разве вы не заслужили тоже чего-нибудь хорошего?

Лазарь улыбнулся в ответ. Он нервничал. Только сейчас он осознал, как много власти уже было в руках этого человека.

– Да, было бы неплохо.

– Думаю, за это надо поднять тост.

Он достал из ящика стола непочатую бутылку французского коньяка, открутил пробку и взглянул на Лазаря.

– Или хотите водки? Но я знаю, что Лазарь Моисеевич водку не пьёт. На самом деле, Лазарь Моисеевич не пьёт вообще. Но я

уверен, что товарищ Лазарь не захочет, чтобы я выпил в одиночестве. Правда?

Он наполнил две маленькие стопки и закупорил бутылку.

– За ваше здоровье!

Когда они выпили, Сталин открыл верхний ящик стола и вытащил оттуда несколько листков бумаги. Он протянул их Лазарю.

– Думаю, вы это уже видели.

Это были сочинения Троцкого.

– Я уверен, вы знаете, что происходит?

Лазарь кивнул.

– Хорошо, – произнёс Сталин. – Вы знаете, что до сегодняшнего дня все большевики, включая Ленина, смогли удержать завоевания революции благодаря помощи пролетариата развитых капиталистических стран Западной Европы. Они считают свои долгом произвести революцию в своих странах. Троцкий стал самым громогласным сторонником этого курса и самым главным моим критиком по тому, как я отношусь к помощи Интернационала в организации беспорядков в Германии, Болгарии и Китае.

Он замолчал и взглянул на Лазаря.

– Если хотите, высказывайтесь.

Лазарь хотел.

– Но вы, товарищ Сталин, соглашались с Троцким, что революция сама по себе не имеет конца, это постоянная мировая борьба против капитализма.

– Это было раньше. Сейчас я должен что-то предпринять. Ваши соображения, Лазарь Моисеевич?

Глаза Лазаря расширились. Всё происходило слишком быстро. Его проверяли, и он не знал, был ли он готов к этой проверке. Он сказал то, что первым пришло ему на ум. Но у него не было выбора.

– Вам следует перестроиться, товарищ Сталин. Надо заклеймить теорию «перманентной революции» Троцкого как происки меньшевизма и неверие в силу и перспективы Русской революции.

– Вы предлагаете мне отвергнуть и забыть ленинскую теорию пролетарской революции?

Лазарь кивнул снова. Сталин задумался.

– Стало быть, я создам новую теорию революции. Наш большевистский режим может продержаться и без посторонней помощи. Мы обладаем всем необходимым, чтобы собственными усилиями создать крепкую социалистическую базу, и только создав эту базу, мы сможем помочь пролетариату других стран.

Как?

Он ударил рукой по столу и опустился на стул.

– Я часто об этом думал. Социализм в одной взятой стране. Вы понимаете это?

Лазарь тоже присел и сказал:

– Разница в вашей позиции и позиции Троцкого – не в конечной победе мировой социализма. Это скорее дело времени. Вы считаете, что возможна победа социализма сначала в Советской России. Троцкий утверждает наоборот. Но, товарищ Сталин, именно вы контролируете партийную организацию. Поэтому ваше мнение должно оказаться решающим.

Слово «контролируете» резануло слух Сталина. Он выпрямился на стуле. Лазарь немедленно сделал тоже самое. Сталин внимательно смотрел на Лазаря. Затем, откинувшись на спинку стула, сжал в руках трубку.

– Вы понимаете, что вы сказали, Лазарь Моисеевич?

Лазарь прекрасно это понимал.

– Вы понимаете, какие могут быть последствия, Лазарь Моисеевич?

Да, он точно знал, что произойдёт. Он совершенно определился с выбором. Он только надеялся, что выбор стратегически правилен. Сталин немного подождал, затем улыбнулся и протянул руку к телефону. Лазарь не расслышал, что он говорил. Закончив, Сталин опять откинулся на спинку стула. Открылась дверь, и вошёл Молотов. Он принёс папку с бумагами. Сталин поднялся из-за стола и взял эту папку.

– Товарищ Молотов. Товарищ Каганович.

Лазарь встал и пожал маленькую, гладкую ладонь Молотова. Лазарь увидел за внешней неприступностью озорной огонёк голубых глаз Молотова. Лазарь быстро вспомнил личное дело Молотова:

«Молотов. В 1906 году вступил в партию большевиков. В 1918 году – председатель Совета Народного Хозяйства Северной области, один из ближайших сотрудников Зиновьева. С 1919 года – уполномоченный ЦК РКП(б) и ВЦИК в Поволжье. С 1920 года – кандидат в члены, с 1921 года – член ЦК. Жена – еврейка Полина Жемчужина (настоящее имя Пери Семёновна Карповская)».

Сталин протянул бумаги Лазарю.

– Товарищ Молотов, это наш новый начальник Организационно-Распределительного отдела ЦК.

Лазарь почувствовал, как у него закружилась голова.

– А теперь, Лазарь Моисеевич, давайте обсудим, что вам предстоит делать.

Следующие два часа оказались испытанием на терпеливость.

Сталин долго рассуждал о революции, о людях. Лазарь внимательно слушал и мысленно старался понять причины успеха Сталина. Да, Троцкий был более мощным «мозговым трестом», но история не однократно доказывала, что это, часто, не главное. Троцкий часто оказывался чересчур умным и во вред себе. Лазарь недолюбливал интеллектуалов, потому что сам не имел образования. Он знал, что после смерти Ленина главными врагами Сталина оставались интеллектуалы-троцкисты. Если Сталину помочь, то он сможет от них избавиться. Лазарь захотел стать частью этого процесса. Он приложит все силы, чтобы быть в этой кухне. За плечами у него всего тридцать лет, и если он хотел прожить следующие тридцать лет намного лучше, ему следовало связать себя с «правильными» людьми и выигрышной стороной. В этом не было ничего нового. Все так делали, рассуждал он. Каждый. Но он сделает это лучше других. Он дойдёт до самого верха.

Проект Сталина был прост. Он будет очищать партию от своих противников и пополнять её ряды новыми членами, чтобы усилить свою позицию против «старой гвардии». Согласно сталинской инструкции, Лазарю вменялось в обязанность создать механизм, направляющий и контролирующий все виды партийной и правительственной активности в стране, чтобы всё держать под контролем. В конце концов, Организационно-Распределительный отдел ЦК партии своей властью мог бы смещать или переводить на другую работу неугодных сотрудников, что явилось бы прелюдией к последующему аресту ОГПУ, с которым у этого отдела были тесные связи. Лазарь понял, что даже впечатляющий послужной список в сочетании с умением работать, с огромными знаниями и преданностью партии не избавляли от подозрений. Он пойдёт дальше. Тогда он ещё не знал, как самым лучшим способом оградить себя лично. Одним из вариантов ему казалось быть около Сталина, и возможность для этого обязательно представится. Он непременно ей воспользуется. Сталин будет назначать новых людей, а глава Организационно-Распределительного отдела, как главный источник информации, должен будет непременно оказываться рядом, чтобы помочь с «правильным» выбором.

В последующие шесть месяцев Лазарь часто встречался со Сталиным. Иногда они оставались вдвоём и обсуждали кандидатов. Чаще всего на встречах ещё присутствовали Ворошилов и Орджоникидзе, который стал членом ЦК партии. Ворошилов превратился в заметную фигуру в Кремле, потому что занял пост начальника Московского Военного Округа, заменив ставленника Троцкого Муралова. Микоян тоже всё больше входил

в доверие. В то время ближе всех к Лазарю и Марии был Молотов со своей женой Полиной Жемчужиной. Они назвали свою дочь Светлана, так же как и дочь Сталина и Надежды Аллилуевой. Хотя жёны и дети виделись часто, поскольку круг знакомых был ограничен, а дети посещали специальную закрытую школу, мужчины общались преимущественно на работе.

Лазарь знал, что надо делать. Он должен чётко выполнять поручения Сталина. Он чувствовал, что только беззаветный труд без оглядки на этого человека может его спасти и выдвинуть, а там будет видно. Кроме него, единственным человеком, с ответственным подходом к работе и такой же большой трудоспособностью, был Молотов. Они оба могли работать долгими часами. Их преданность не подвергалась сомнению, и их напряжённый труд будет оценён по заслугам.

В марте 1925 года Лазарь был вызван в кабинет к Сталину. На этот раз они не просматривали списки и не обсуждали кандидатов. Сталин протянул Лазарю сообщение, полученное из Киева. Процесс украинизации зашёл в тупик, и местные партийные власти запросили помощи Москвы. Всего два года назад правительством было принято решение о введение в республике украинского языка наравне с русским. Это заставило партийных работников заняться изучением украинского языка. Но дело не пошло, и сейчас требовалось вмешательство Москвы. Первоначально намечалось привлекать в новые органы власти самих украинцев. В то же время хотели искоренить в республике национализм. Сталин поручил Лазарю отправиться на Украину и разобраться с ситуацией.

– Ваша задача заключается в реорганизации украинской партии и очищении её рядов от ненадёжных элементов. Разберитесь с положением в правительственных органах и избавьте их от нерадивых работников.

Сталин выбрал Лазаря на эту миссию по нескольким причинам. Во-первых, Лазарь родился и вырос на Украине и говорил по-украински. Во-вторых, он знал, как справиться с заданием. В-третьих, его сильной стороной было то, что Лазарь добьется результата, чего бы это ему, вернее им, не стоило. Лазарь взял с собой Марию и Майю. Они оставили свою квартиру в Москве, которая стала для них тесной, и переехали в большую и удобную квартиру на Левамовской улице, 17, в одном из фешенебельных районов Киева. Опять ему пришлось вернуться на «родину». Единственным сотрудником, кого он привёз с собой, был Хрущёв. Ему предстояло быть на подхвате и объезжать маленькие селения, вроде Кабанов. У Лазаря не было желания вновь побывать в этом грязном посёлке. Это только бы напомнило

ему о его прошлом, которое он вычеркнул из своей памяти. Кроме того, Никита тоже говорил по-украински, хотя и не совсем правильно, и он будет исполнять всё, что потребуется, в качестве заместителя Лазаря Кагановича. Кроме Хрущёва, он к себе никого не приближал. Лазарь намеревался работать самостоятельно, постоянно поддерживая связь с Москвой. Если Сталину что-нибудь понадобиться, он непременно сообщит Лазарю. Посредники в таком деле не нужны. Он будет держаться так, чтобы иметь перед собой своего наставника (Сталина), а позади своего выдвиженца (Хрущёва). А на самом деле, они оба будут под его пристальным наблюдением.

Лазарь был назначен первым секретарём ЦК КП(б) Украины со специальными инструкциями Сталина по реорганизации партии. Возвращение на Украину у Лазаря было связано со смешанными чувствами. В последний раз его туда сослали как заключённого против его желания. Теперь это было уже совсем по-другому. Теперь он появится с удостоверением в руках, подтверждавшим, что он здесь самый главный, и все должны его слушаться.

В то время, благодаря политике нового правительства, на Украине сложилась чрезвычайно запутанная ситуация. В каждом районе начал процветать национализм, и никто не хотел добровольно расставаться с независимостью. Лазарь считал, что ему следует поддержать и продвинуть евреев. Они всегда стояли за коммунистов. Кроме того, на Украине больше половины студентов учебных заведений составляли опять же евреи. Но Лазарь всё ещё раз тщательно взвесил и пришёл к выводу, что еврейские революционеры-троцкисты, которым очень многим был обязан сам Ленин, теперь не проявляли прежней прыти.

– Ну и чёрт с ними! – накричал он на Хрущёва. – Они думают, что я собираюсь ползать перед ними на коленях и целовать им задницу? Они не учат украинский язык, а говорят только на идише. Они сопротивляются! Эти пи…сосы – сопротивляются! Мы им же стараемся сделать жизнь лучше, а они чего хотят? Чего они добиваются? Хотят жить в своём собственном государстве? А пока обосрать жизнь в других государствах? Очень бы я хотел, чтобы такое государство существовало. Я бы их всех туда сослал! Пи… сосы!

Предостережение не являлось характерной чертой метода работы Лазаря. Он всё делал быстро и эффективно. Он разрабатывал повестку дня и формулировал темы для обсуждений. Он даже так направлял дискуссии, что все участники единогласно голосовали за то, что требовалось. Первой необходимостью было избавление местного партийного аппарата

от неугодных членов. Ещё в Москве он приготовил соответствующий список. Его должность в ЦК партии давала ему исключительную возможность манипулировать людьми. Он без предубеждений смещал людей и делал перестановки. Те, кто, по его мнению, стоял на партийных позициях, получали хорошие должности. Те, у кого ещё не выветрились националистические чувства, если Лазарь считал, что их ещё можно приручить, переводились рангом ниже. А тех, кто, по мнению Лазаря, не имел будущего, просто снимали с работы. Главное было возвысить своих сторонников и удалить несогласных.

Он всех обязал считаться с его мнением. Влас Яковлевич Чубарь, председатель Совета Народных Комиссаров Украины, и А.Шумский, член ЦК партии Украины, особенно противостояли ему. Он спокойно выслушивал все их несогласия. Чубарь и Шумский обращались в Москву. Шумский даже требовал от Сталина отозвать Кагановича, но поддержки не получил. Доводы Лазаря имели сильную политическую основу.

– Товарищ Сталин, я имею дело с предубеждениями. Посмотрите сами. Меня подвергают критике из-за моей фамилии и национальности. Я только выполняю ваши указания, а они видят мою вину в том, кто я есть.

Лазарь точно знал, за какие рычаги надо дёргать. Когда оппозиция ему становилась слишком громкой, Лазарь начинал кричать: «Антисемитизм!». Сталин в то время ещё был не готов поднимать еврейскую проблему. Поэтому он поддерживал первого секретаря Украины.

Менее чем за год Лазарь подчинил себе весь партийный секретариат Украинской компартии и привил им манеру коллективного решения всех проблем. Такой же метод руководства внедрился в городские и заводские комитеты, на всех уровнях партийной и государственной власти. С помощью незаменимого Хрущёва Лазарь полностью перестроил всю систему управления Украиной. Ему оставалось поднять уровень экономики и обеспечить прилив денег в республику. Но Лазарь уже знал о задумках коллективизации и вынашивал планы, как лучше это дело осуществить. А пока, по приказу Сталина, ему пришлось заниматься индустриализацией. Под его руководством был сооружён Днепрогэс, а сельское хозяйство начало обеспечиваться тяжёлой техникой. На управленческие должности он ставил тех, кто его поддерживал, создав, таким образом, твёрдый руководящий костяк. Его целью было объединить Украину в «неделимый оплот будущего развития идей ленинизма». На самом деле, он имел ввиду дальнейшее укрепление позиции Сталина.

Вернувшись в Москву, Лазарь с головой окунулся в новые проблемы. Продолжалась ожесточённая борьба с многоголовой троцкистской гидрой в виде теперь уже «Левой Оппозиции», возглавляемой Троцким, то есть борьба с очередным троцкистским путчем. В октябре 1926 года Троцкого вывели из состава Политбюро ЦК, а через год – из ЦК ВКП(б). В Десятую годовщину революции, 7 ноября 1927 года Троцкий подготовил вооружённый мятеж и пытался апеллировать к колонне демонстрантов, идущих по Красной площади. В распоряжении Троцкого опять были хорошо подготовленные группы вооружённых до зубов боевиков. Главной, так сказать, «народной» силой на демонстрации были студенты московского университета и других вузов столицы. Однако в ключевых местах боевиков Троцкого встретили засады Менжинского, а в самого Троцкого на демонстрации стали бросать камни, а охранник даже выстрелил в его автомашину, и Троцкий вынужден был ретироваться. Студентов изолировали и не дали им поднять беспорядки, мятеж захлебнулся. Это был решающий бой, проигранный Троцким.

Сразу после этого, 14 ноября 1927 года Троцкого исключили из партии. Многие троцкисты оказались арестованными. Сталин выступил с заявлением: «Это совсем не случайность, что оппозицию возглавили евреи. Идёт настоящая борьба между русским социализмом и чужаками». Лазарь напряг слух. Он знал, что Сталин не любил евреев, но касался этой темы только в частных беседах с доверенными людьми. Теперь он сказал об этом открыто. Лазарь внимательно следил за ходом борьбы с троцкистами. Троцкого с семьёй выслали сначала в Алма-Ату, а в 1932 году лишили советского гражданства и выдворили из страны. Лазарь понял, что ему самому теперь надо проявить чудеса приспособляемости, чтобы выжить в таких условиях. Будучи евреем в России, он после поражения Троцкого, находился в очень шаткой позиции, а являясь евреем в партийной верхушке, его положение ещё более усугублялось, поскольку он был на самом виду. С уходом Троцкого Лазарь стал самым заметным и влиятельным евреем в правительстве, и он не собирался сдавать своих позиций. Лазарь понимал, что он должен доказать свою преданность.

В 1928 году по приказу Сталина Каганович вернулся в Москву. Во время Восьмого съезда Профсоюзов Лазаря избрали членом Президиума ВЦСПС. Этому назначению он был обязан той роли, которую сыграл в низведении вдовы Ленина – Надежды Константиновны Крупской.

К тому времени Лазарь, став Секретарём ЦК партии и Первым Секретарём Компартии Украины, получил право присутствовать

на заседаниях ЦК. Его удивил выбор места этих заседаний. Раньше он считал, что они проводились в Кремле, в зале, расположенном недалеко от кабинета Сталина. Это казалось логичным, и так же думали многие граждане страны. Но оказалось, что заседания проходили на Старой площади 4, а не за кремлёвскими стенами. Очень немногие знали, что страной управляли из маленького помещения непримечательного здания в трёх кварталах от Красной площади. Глупые люди, думал Лазарь. Они бродят по площади напротив ГУМа, любуются Собором Василия Блаженного и считают, что находятся в центре событий. «Глупцы стоят посреди вымощенной булыжником площади, видят движение машин через Спасские ворота и верят, что за этими мощными стенами работает правительство. Ну и пусть верят! Никому не надо знать, что правительство собирается в другом, незаметном месте. Чем дольше никто не знает, где ты находишься, тем и для тебя надёжнее».

В тот день на заседании обсуждался вопрос об индустриализации страны. Лазарь всегда приходил на собрания пораньше, чтобы занять место, с которого ему было бы хорошо видно Сталина, а Сталину был бы виден он. Размеры помещения позволяли вмещать в него человек двенадцать-шестнадцать. Согласно вкусам Сталина, оно имело совсем простую обстановку. В центре размещался прямоугольный стол, а вокруг него – восемь крепких деревянных стульев с прямостоящими спинками, что обязывало сидящих на них не расслабляться. Шесть дополнительных стульев стояло отдельно вдоль стены. Сталин всегда держал для себя два места: одно – во главе стола, а другое – у стены, напротив входной двери. Свет в помещение проникал через единственное окно, которое часто оказывалось завешанным опущенными шторами. В углу стоял маленький столик с графином, наполненным водой. На столе раскладывались листы бумаги и карандаши, и стояли две большие металлические пепельницы. Во время заседания комната быстро заполнялась табачным дымом, исходившим из трубки Сталина и папирос, которые члены ЦК закуривали одна за другой. Лазарь курил только когда жил в Средней Азии. Это немного позволяло скоротать время в отдалённой и скучной части страны. Но папиросы помогали мало, они скорее раздражали его, приходилось часто откашливаться и прочищать горло от неприятного табачного дыма. К тому же табачный дым оказывал плохое влияние на здоровье дочери Майи: у неё развилась аллергия, и в течение всего года она страдала от слезящихся глаз и насморка. Мария буквально отбирала папиросы у Лазаря, а чтобы помочь ему бороться с раздражением, заменила их на

чётки. Но очень часто его гнев доходил до такого уровня, что чётки рвались у него в руках. Его огромные ладони становились ещё больше, потому что, перестав курить, он быстро начал полнеть. Теперь он весил больше ста килограммов и уже не влезал в свой коричневый китель. «В этом костюме ты выглядишь как кит», – говорила ему Майя, видя топорщащиеся латунные пуговицы. Лазарь несколько лет носил этот китель, подражая вкусам Сталина. Теперь ему приходилось надевать костюм и галстук, как это делали другие члены ЦК.

Оказалось, кроме Лазаря не курила только Крупская. Крупская, как и все остальные женщины Ленина была еврейкой и старой троцкисткой, и была подставлена Ленину именно с целью нужного влияния на него. Она всегда прямо сидела на стуле, внося замечания во все обсуждаемые вопросы. Самой заметной чертой её внешности были тёмные выпученные глаза. Она редко улыбалась. Улыбка появлялась на её губах только в те моменты, когда она рассуждала о том, что не могло понравиться Сталину и его сторонникам. Крупская посещала каждое заседание ЦК, потому что, как вдова Ленина, она считала себя на особом положении и постоянно подчёркивала этот факт. В тот день она как всегда защищала позицию своего мужа, в частности, в отношении НЭПа. Не важно, что именно говорилось, у неё на всё имелось своё мнение, словно она по-прежнему чувствовала себя в роли учительницы перед группой непослушных учеников.

Лазарь внимательно следил за поведением Сталина. Сталин «ощетинивался» всякий раз, когда Крупская подавала голос, но вынужден был тщательно подбирать слова и контролировать себя. Сталин не мог позволить себе публично обвинить в чём-то вдову Ленина. Это посчиталось бы богохульством. Народ бы этого не понял. На самом деле, народ даже не знал, что происходило. Но на Старой площади в доме 4 Сталин уже наметил свою линию. Лазарь держал в своих руках всю секретную информацию о личных делах членов партии. Сталину понадобится его помощь в нахождении компрометирующих фактов против Крупской, и Лазарь без промедления эту информацию предоставит. А главная мысль была простой: Крупская формально никогда не была женой Ленина, но просто, что называется, сожительницей. Упускаемый всеми факт – но Ленин и Крупская никогда не имели свой брак оформленным или где либо зарегистрированным. До революции они до этого не опускались, а после революции брак пропагандировался новой властью, то есть ими же, как пережиток уничтоженного строя. Кроме этого у Ленина были и другие «партийные подруги». Поднимались имена других женщин, в том числе, Елены Стасовой. Позже, в 60-е годы, похороны Елены

Стасовой проходили на уровне похорон Генерального Секретаря Партии, хотя к тому времени она была просто пенсионеркой. Это можно было интерпретировать только в том смысле, что она действительно какое то время была сожительницей Ленина. Кроме этого всплыли имена Инессы Арманд и Розалии Землячки (Залкинд). Лазарь, как и Сталин, понимал, что нельзя открыто поддерживать эти «предположения». Поэтому следовало бы построить игру так, чтобы Крупская ушла бы в тень в обмен на официальный статус «вдовы вождя». Важно было отвести подозрения от Сталина и взять их на себя. Лазарь был готов к этому. Раньше он почти не высказывался на этих заседаниях, изучая обстановку и внимательно слушая, кто что говорил. И вот теперь пришло время действовать.

Суть выступления Крупской была проста – она пыталась реанимировать политический труп Троцкого, и снова и снова призывала всех обратить внимание на «завещание Ленина», которое было подделкой аппарата Троцкого, и ей это было хорошо известно. Другими словами, она требовала отставки Сталина и возвращения Троцкого – это линия будет генеральной для всех троцкистов, пока она не увенчается успехом в результате гибели Сталина. Лазарь тщательно следил за словесной перепалкой, происходившей в течение часа. Мнение членов ЦК разделилось: Калинин и Рудзутак поддерживали позицию Крупской, а Киров и Орджоникидзе считали нападки на Сталина необоснованными. До Крупской уже дошли слухи «о её отношениях» с Лениным. Она холодно взглянула на Сталина и потребовала объяснить, почему он лично преследует её. Сталин сжал в руке свою трубку и уставился на неё. Он ничего не ответил. Некоторые члены ЦК нервно заёрзали на стульях. Никто не решался выступить открыто. Но им этого и не надо было делать, потому что из другого угла комнаты вдруг раздался сильный, уверенный и властный голос. Это заговорил Лазарь.

– Надежда Константиновна! Надежда Константиновна!

Она оборвалась на полуслове и повернулась в сторону Лазаря, удивлённо испуганная, что её прервали. В помещении воцарилась тишина. Сталин подошёл к стулу, стоявшему в стороне, словно происходящее его не касалось. Лазарь подождал, пока не убедился, что завладел вниманием каждого. Для этого потребовалось совсем немного времени. Он уже привлёк к себе внимание, как только заговорил, но теперь надо было усилить драматический эффект, поэтому Лазарь помедлил ещё несколько секунд. Он осторожно положил перед собой на стол свои чётки.

– Надежда Константиновна! Вам должно быть известно, я уверен, о слухах по поводу того, кто вы есть в

действительности…» – Крупская пыталась что-то возразить, но Лазарь быстро выставил вперёд свою огромную ладонь, которая в этой маленькой комнате смотрелась как щит.

– Вы можете, если захотите, товарищ, поинтересоваться, почему возникли эти слухи, но это не исчерпывает дело. Вопрос стоит так, товарищ Крупская, что большая часть ваших рассуждений не соответствует интересам нового Советского государства. И мне не надо вам говорить, что мои избиратели, а их очень много, не желают больше слушать истошных криков и нападок на тех, кому теперь поручено вести нас к той великой цели, которая была определена нашим любимым основателем.

Он остановился, перевёл дыхание, взглянул на стол и крепко сжал между пальцами чётки. Его голос стал глуше, и то, что он сказал, едва было слышно.

– Поэтому, товарищ Крупская, если вы будете упрямиться как старая пердунья, мы кого-нибудь другого назначим быть вдовой Ленина.

Лазарь продолжал перебирать чётки в руках. Никто не двигался. Спустя минуту, он быстро вскинул голову, ища глазами Сталина, который смотрел на свою курительную трубку. Затем он обвёл взглядом присутствующих. Все смотрели на Сталина, ожидая его реакции, какого-нибудь знака. Только Крупская не отрывала взгляда от Лазаря. Она не могла поверить в реальность происходившего. Она хорошо знала, что Лазарь ещё не закончил.

Она перевела взгляд на Сталина, который в упор смотрел на Лазаря. Реакция Сталина была очевидной. Он тоже был готов выслушать предложение Кагановича, как будто для Сталина это тоже всё неожиданность. Лазарь продолжил говорить, как само собой разумеющееся. Он отлично знает, что Крупская ставила себя, своё «я», выше всех, включая Ленина. Поэтому он, Каганович, делает простое предложение. ЦК признаёт её как вдову Ленина. Он даже предлагает возвести ей памятник на Красной площади за заслуги перед Советским Союзом в деле воспитания детей. В ответ на это она должна оставаться в тени, больше не появляться на заседаниях ЦК партии, не раздавать интервью и оставить активную политику.

– А если я не соглашусь принять ваши условия или нарушу их? Что тогда? – спросила Крупская.

Лазарь холодно посмотрел на неё, затем быстро взглянул на Сталина. Сталин сверлил его глазами. Лазарь почувствовал, что только что он спел свою лебединую песню. Он это почувствовал всем своим нутром. Надо было взять верхнюю ноту!

– Тогда, товарищ Крупская, от вас останется только ваш памятник.

Крупская знала, что у неё нет никакой бумаги, удостоверяющей её брак с Лениным, однако это не испугало её, и она продолжала гнуть до конца. Она была троцкисткой по крови. Однако её предложение опубликовать «завещание Ленина», был у них такой заготовленный ход, было отклонено Центральным Комитетом тридцатью голосами против десяти (Кто были эти десять человек?). И это была заслуга Лазаря – в одну минуту Лазарь Каганович стал одним из важнейших лиц в Советском государстве.

С того времени Лазарь стал тенью Крупской. Он контролировал каждый её шаг и докладывал Сталину, что она делала и говорила. Фактически он стал ушами и глазами Сталина. Он следил не только за Крупской, но и за каждым, в ком сомневался Сталин. В случае необходимости он мог незамедлительно действовать, всегда находя поддержку своего вождя. Лазарь был его бультерьером с большой свободой выбора кого кусать.

Теперь, когда Крупская была нейтрализована, Лазарь переключился на то, что он должен и хотел делать, зная, что Сталин всегда поддержит его. Лазарь начал заниматься вопросами индустриализации, а под шумок и троцкистским планом коллективизации и отказа от политики НЭПа. Лазарь старался изо всех сил, чтобы угодить Сталину и в тоже время ликвидировать и лично ему, Лазарю, неугодных людей. Чтобы найти «козла отпущения», виновного за аварии на шахтах или низкий уровень жизни шахтёров, Лазарь начал планировать грандиозные показательные процессы, на которых выявлялись вредители из числа бывших специалистов, признававшихся в саботаже. Как результат работы Лазаря, поток расстреливаемых ОГПУ и направляющихся в лагеря, резко увеличился. Командовать исправительно-трудовыми лагерями Лазарь тоже поставил своих людей.

В 1929 году Троцкого депортировали за контрреволюционную деятельность. Всякого другого человека расстреляли бы на месте за одну миллионную долю того, что было на совести Троцкого. Но тогда ещё Троцкий был не по зубам Сталину. За Троцким за рубежом стояли такие силы, против которых не мог осмелиться выступить даже Сталин. Решение ОГПУ по Троцкому было готово 20 января 1929 года. Троцкого депортировали на турецкий остров Принкипо, который ещё византийскими императорами использовался для ссылки своих политических противников. Лазарь прекрасно понимал, что на этом борьба Троцкого со Сталиным отнюдь не заканчивается, а просто переходит в другую плоскость. Это была вечная борьба между интернациональной

мафией и естественным национализмом каждой отдельной страны, которая тогда выразилась в схватке между интернациональным принципом «перманентной революции» Троцкого и националистическим принципом построения социализма в одной, отдельно взятой стране, Ленина-Сталина. После высылки Троцкого, через несколько месяцев, на Западе произойдёт экономический крах, называемый «Великой Депрессией». Как и «Великая Французская революция», просто так, ничего словом «Великая» не обозначают. Якобы чисто экономическая депрессия повлекла за собой чрезвычайные политические последствия в виде концентрации власти на Западе в руках людей, которые в своё время финансировали Троцкого. Эти же люди в этом же 1929 году стали финансировать Гитлера, чтобы убрать Сталина в России.

Лазарь понял, что пришло его время, чтобы пробиться к самой вершине власти. Он получил возможность заработать кредит, наживая себе смертельных врагов. Но Лазарь знал, что игра стоит свеч, ведь когда-нибудь, благодаря этому, он станет человеком не менее важным, чем сам Троцкий. А как же сам его кумир Троцкий? – Лазарь понял, что Троцкий где-то ошибся, и он ему уже ничем не может помочь. Лазарь понял, что он должен забыть про Троцкого, чтобы сохранить себя и таким образом стать более полезным тому общему делу, которому он, как и Троцкий служили всю свою жизнь.

В 1929 году на Западе тоже произвели частичную коммунистическую революцию, которая была следствием того, что получило название «Великой Депрессии». Такое название революции на Западе было дано для того, чтобы не напрягать граждан капиталистических государств. Слишком много ужасной информации шло с родины первой коммунистической революции – из СССР. Потоки крови текли из-под закрытых дверей. Поэтому уже нельзя было производить никаких революций на Западе под их настоящим именем. В это время на Советском горизонте появилось две новые яркие звезды. Одна из них – Сталин, который в возрасте 50 лет, стал безоговорочным лидером Советского Союза. А вторая звезда – это Лазарь Каганович, который в 36 лет, будучи первым секретарём Москвы и членом Политбюро, практически стал одним из главных людей в стране. И это произошло только потому, что Лазарь не упустил представившегося ему момента, который бывает только раз в жизни.

ГЛАВА 4

ВЧК была создана Троцким 20 декабря 1917 года, и быстро превратилась в политическую карательную силу, уничтожавшую всех противников идеологии Советской республики. ЧК стала главной «контролирующей» силой в России. Это было именно то, чего добивался Троцкий. В 1922 году Троцкий постарался смягчить имидж этой страшной организации, изменив название на Главное Политическое Управление (ГПУ), но суть осталась прежней. Два года спустя она называлась ОГПУ и опутывала своими сетями весь Советский Союз. ОГПУ похищало и убивало кого угодно, у него были длинные руки. В 1926 году в Париже был убит Семён Петлюра. Они украли эстонского министра Адо Бирка прямо в центре Москвы, а в 1930 году в центре Парижа лидера белогвардейцев Александра Кутепова.

Лазарь отлично знал о методах работы ОГПУ. Его контакты с «органами» уходили ещё к тем дням, когда он только начинал работу на кадровом поприще. Все списки людей, которые он подготавливал, имели копии, которые уходили непосредственно главе ВЧК.

Ни для кого не было секретом, что Каменев-Зиновьев-Сталин отвоёвывали у Троцкого свою позицию в трёх направлениях: госбезопасность, армия и административный аппарат. Лазарь понял, что на данный момент он должен поддерживать Сталина. Он уже доказал свою преданность человеку, который мог распорядиться его жизнью. Лазарь доказал, что ему можно было доверить больше, чем простое выступление против Крупской. Но, тем не менее, надо было искать новые способы, чтобы обезопасить себя лично. Он даже не взял себе псевдонима, как благоразумно сделали многие, и кажется невероятным, что он остался тем, кем был всегда – Лазарем Моисеевичем Кагановичем, евреем по происхождению. Ему следовало переступить через многое, и важно было правильно выбрать, как это сделать. Его следующей целью стало устроиться так, чтобы знать обо всём происходящем, а ещё лучше – знать раньше других. Этого можно было достигнуть только с помощью ОГПУ, державшей свою руку на пульсе всей страны. ОГПУ стало частью номенклатуры – высшей партийной бюрократии. Одним из своих людей для Лазаря был Генрих (Гершель) Ягода (Енох Гершенович Иегуда). Генрих-Гершель Ягода-Ягуда был племянником Якова Свердлова и был женат на внучке отца Свердлова, и в своё время работал у того в гравёрной мастерской, поэтому он выбился в большие люди без помощи Лазаря. Ягода был замом

Менжинского, который обеспечил победу Сталина над путчем Троцкого 7 ноября 1927 года. Поэтому для Троцкистов не было вопросов в том, что Менжинского надо было убирать, и это было задачей Генриха-Гершеля Ягоды.

Лазарь должен был знать, кто его окружал. Он хорошо запомнил слова, сказанные ему Сталиным после успешного завершения «реорганизации» на Украине: «Один враг перевесит сто друзей. Для одного человека два объединившихся врага – это уже полк». Лазарь убедил Сталина в необходимости создания административной группы по особым поручениям, которая получила негласное название «отдел мокрых дел». Лазарю был предоставлен кабинет на четвёртом этаже дома номер 2 на Лубянке. Здесь располагалась главная штаб-квартира ОГПУ, называемая «Центр». Из окна «Центра» открывался вид на всю площадь, поэтому он мог видеть, кто проходил через главный вход. Единственным неудобством было то, что на окнах были толстые решётки, или жалюзи.

Большинство работников ОГПУ появлялись в шести проходных к семи часам утра. Они приходили на работу так рано, чтобы позавтракать. На восьмом этаже в столовой подавался хороший завтрак, состоящий из молока, яиц, свинины, фруктов, и всё это было бесплатно. Коридоры в здании были выкрашены в светло-зелёный цвет. Полы были выложены паркетом, который регулярно натирался. Кругом висели большие белые шарообразные лампы, изливавшие мягкий свет. Просторные кабинеты были полупусты. Они были покрашены той же светло-зелёной краской. В кабинетах стояли только письменный стол и несколько жёстких стульев с прямыми спинками. В каждом кабинете имелся железный сейф, опечатываемый в конце рабочего дня. Вдоль коридоров несли службу офицеры внутренних войск, которые имели обычную белую форму, только с синими нашивками вместо красных. Эти синие нашивки пользовались особым уважением. Визит на Лубянку в 1981 году выявил, что за эти годы мало что изменилось. Стены были также покрашены в светло-зеленый цвет, в кабинетах стояла та же самая мебель, только исчезли сейфы, и документы убирались на ночь в один, центральный сейф. Судя по всему у КГБ не было много работы. Порядок в стране уже скорее поддерживался авторитетом учреждения, а не интенсивной работой.

Кабинет Лазаря выделялся среди других. Здесь стоял массивный дубовый стол и три кресла. Отдельно размещался длинный стол для конференций, за которым проводились совещания. На одной стене висел портрет Дзержинского, а на другой – портрет Сталина. На письменном столе возвышалась

гора телефонов. Два были особенно важными: телефон справа имел прямую связь со Сталиным, а слева, так называемая «вертушка», – с членами ЦК. Остальные телефоны позволяли соединяться с важными объектами, разбросанными по огромной территории Советского Союза. По одному телефону можно было напрямую звонить Хрущёву, который тогда работал в Юзовке. На тот момент Хрущёв делал всё возможное, чтобы облегчить жизнь Лазарю. При каждой возможности выступить перед народом Хрущёв обязательно восхвалял своего Кагановича и особенно его указания, «которые мы получаем для ежедневной работы». Например: «Блестящее предложение Лазаря Моисеевича распахивать нетронутые земли, чтобы выращивать хлеб для Москвы, является прямым руководством к действию!». Лазарь знал, что его «протеже» с глуповатым видом, на самом деле был вовсе не глуп. Хрущёв даже получил на Украине прозвище «шабесгоя» за то, что зажигал по субботам в соответствии с еврейскими традициями свечи, а также услужливо заглядывал в глаза и другим высшим еврейским руководителям. Никита был очень усерден. В своём старании Хрущёв был то, что называется ортодоксальнее самого раввина. Теперь Лазарь бросит ему кость, от которой тот явно не откажется:

– Никита Сергеевич, я предлагаю вам пост заместителя заведующего орготделом ЦК ВКП(б) Украины.

Хрущёву вменялось в обязанности увеличить процент представителей рабочего класса в партийном аппарате, в котором преобладали представители еврейской интеллигенции, то есть троцкисты.

На другом конце трубке возникла тишина, и это удивило Лазаря. Наконец, раздался голос Хрущёва:

– Очень благодарен, товарищ Каганович, за оказанное доверие. Куда я должен поехать?

– В Харьков.

Опять молчание. Лазарь понял, в чём дело. Харьковские рабочие были известны своей непредсказуемостью и неблагонадёжностью. Хрущёв тоже знал об этом.

– Опять, товарищ Каганович, благодарю вас и думаю, что вы правы, решив ввести больше представителей рабочих в аппарат Центрального Комитета. (На самом деле это решил Сталин). Но мне не хотелось бы покидать Юзовку. Я чувствую себя здесь как дома. Я освоился со своей работой и хорошо знаю людей. Кроме того, мне неизвестно, как поставлено дело в Харькове, и я не уверен, что смогу привыкнуть к работе в организационном отделе.

Лазарь слушал этого коротышку, толстого деревенского

ухаря. Тот выпалил всё на одном дыхании и сейчас тяжело дышал. Впервые Хрущёв осмелился не подчиниться его, Кагановича, приказу! Сейчас Лазарь покажет ему, как надо ставить зарвавшегося «любимчика» на своё место. Он громко вздохнул, чтобы его было слышно на другом конце провода, и заговорил тихим голосом, словно сообщал какой-то секрет.

– Ну, хорошо. Если вы так считаете, то, думаю, Центральный Комитет обойдётся и без вас. В таком случае нет необходимости переводить вас из Юзовки, если вы против.

Лазарь сделал паузу для эффекта. Ждать пришлось совсем недолго.

– Харьков?

– Харьков.

– Да, Харьков.

Лазарь улыбался, когда клал на рычаг телефонную трубку. Он уже знал, как надо отдавать приказы, какие средства при этом использовать, чтобы провести свою линию. Если хочешь выжить, считал он, надо заставить людей подчиняться.

Его второй телефонный звонок в то утро был сделан в Нижний Новгород, брату Михаилу. Лазарь сообщил тому приятную новость: Михаила избрали в члены Президиума. Вообще-то, окончательный подсчёт голосов ещё не завершился, но это не имело значения. Ведь тот, кто контролирует процесс учёта голосов избирателей, тот и определяет итог голосования. Эта аксиома актуальна всех странах, независимо от того, тоталитарные они или «демократические». Голос Михаила звучал радостно, но Лазарь уловил в нём какую-то скрытую напряжённость. Вероятно, это были отголоски обиды: Михаил сознавал, что его младший брат, Лазарь, превзошёл его по положению. Лазарь знал, что Михаил его недооценивал, и что многие люди тоже теперь позавидуют его достижениям. Равнодушие других злило Лазаря.

Он позаботился и о брате Юрии, тот был назначен Первым Секретарём в Нижнем Новгороде. Но Лазарь сознавал, что на большее Юрий не способен. Юрий никуда не лез. Он держался в тени, работая в разросшемся партийном аппарате; делал то, что ему говорили, и не проявлял инициативы. Он всю свою энергию отдавал жене и детям. Они составляли его жизнь, его страну, его партию.

Семейная жизнь самого Лазаря приняла крутой оборот. Мария и Майя были неразлучны. Лазарь с ними совсем не виделся. Казалось, он всё время проводил на работе. Неважно где он находился, в каких разъездах, в его распоряжении всегда имелись письменный стол, кресло и батарея телефонов.

Младшая сестра Роза тихонько переехала в столицу. Её мечта стала реальностью. Теперь она работала в доме № 8 здании, построенном в 1780 году архитектором Кваренги. Это здание раньше принадлежало Шереметьевым, а сейчас здесь размещалась привилегированная больница для высокопоставленных партийных работников. Она не возражала работать и в обычной больнице, но в этом случае Лазарь не смог бы держать её под контролем. Поэтому он устроил своей сестре завидную должность. Тем не менее, она тоже редко имела возможность видеть брата. Он вообще стал мало кому доступен.

У Лазаря не было времени на общение с людьми, за исключением тех случаев, когда ему было надо извлечь пользу для самого себя. Он часто видел Булганина, иногда Ворошилова, но остальные были только случайными посетителями. Его основной заботой по-прежнему оставался Сталин (даже в большей степени, чем жена Мария), и он говорил с ним по телефону, как минимум, шесть раз и встречался с ним, самое малое, два раза в день. Ко всем, за малым исключением, Лазарь относился с чувством большого превосходства. Его разговоры сводились только к отдаче приказов. Если кто-нибудь, не Сталин, его о чём-то спрашивал, то ответ всегда был одинаков, чему он научился, работая в ОГПУ: «Мы получаем информацию, а не даём её».

Москва стала надёжным оплотом большевизма в стране, и Лазарь Каганович был одним из самых главных большевиков в столице. Его власть набрала такую силу, что, если он в разговоре пропускал обращение «товарищ», это воспринималось как знак немилости. В случае отсутствия в течении нескольких дней какого-нибудь работника без видимых причин, другие начинали догадываться, что произошло: его арестовало ОГПУ. В этом можно было не сомневаться. Конечно, работника могли направить куда-то с секретным поручением, но таким легендам мало кто верил. Было ясно, что Кагановичу был дан в руки меч, чтобы держать в повиновении Москву. Сталин оценил его способности в деле подавления украинского национализма и в ситуациях с Крупской и Хрущёвым. Но надо было что-то начинать с евреями. Не секрет, что Советская республика стала исторически первой еврейской крепостью во всём мире. За рубежом её так и назвали «еврейской республикой». Израиля ещё и в помин не было, и Диктатура Троцкого в России была предназначена к вооружённому распространению еврейской диктатуры по всему миру под видом «пролетарской» мировой революции. Однако непредвиденное вытеснение Троцкого Сталиным спутало мировому еврейскому «Спруту» все карты. А Сталин совсем не собирался ограничиваться вытеснением одного Троцкого. Сталин

покусился на саму еврейскую власть в стране. Однако он понимал, что он должен это делать только очень постепенно, и даже привлекая для этой цели самих же евреев. Одним из этих «своих» евреев и было предназначено быть Лазарю Кагановичу, который завоевал это право своей лошадиной работоспособностью и выказыванием абсолютной благонадёжности. Сначала началось вытеснение евреев с руководящих должностей. Это всё проходило под вывеской увеличения представительства рабочих в партии. До этого, партия была равнозначна еврейской элите, Сталин же начал разбавлять еврейскую партийную элиту рабочими. Против этого ничего нельзя было возразить, формально партия была замаскирована под рабочую партию.

Лазарь не имел большой еврейской поддержки, когда работал в Киеве и знал, что Сталин евреев недолюбливал. Иногда он задумывался, почему Сталин, отлично зная о его национальности, поддерживал и выдвигал Лазаря. Но он опасался задать прямой вопрос. Вместо этого он спросил Булганина, и полученное объяснение звучало вполне логично: «Ты ему нужен. Всё очень просто. Ты делаешь то, что тебе приказано, и делаешь хорошо. До тех пор, пока ты не перешёл ему дорогу и не разочаровал его, он будет в тебе нуждаться. Просто, да?».

У Марии было другое мнение: «Господи, что ты делаешь!». Это был один из тех редких моментов, когда она высказала ему свою точку зрения. Чаще всего, она всё сдерживала в себе. Даже выйдя за него замуж, она никогда полностью не открывалась ему. Он мог быть непредсказуемым. Ни для кого не была секретом его неуравновешенность. Хотя он и старался сдерживать себя, но Мария часто становилась свидетельницей его несокрушимого гнева и видела, как из его рук разлетались во все стороны чётки. Обычно раз в месяц ей приходилось заменять порванные чётки на новые. Но когда она узнала, что Лазарь снял с работы Трашунова, известного редактора одной из киевских газет и преданного коммуниста; и сделал это только потому, что он не подчинился ему, Лазарю, несмотря на то, что Трашунов был евреем, её терпению пришёл конец.

– Неужели у тебя нет никакого сострадания к своим же людям? Ведь он для тебя свой, а не Сталин!

– Я делаю то, что должен делать. Заруби это себе на носу, пока не поздно. Мой бог – Сталин! Ты слышишь меня? Хорошо слышишь?

И снова четки разорвались у него в руках.

Какой у него был выбор? Только Сталин знал, кто стоял за ним. И он должен был ублажать Сталина, и никого больше. Даже

не себя лично. Если бы евреи могли только понять! Если бы они могли понять, что временно надо приостановить свои атаки! Он посмотрел в зеркало: его лицо стало дороднее, усы аккуратно приглажены, на нём хорошо сидел новый костюм, рубашка была чисто выстирана и выглажена. Да, ему нравилось жить в тепле и комфорте. Мог ли он пожертвовать всем этим? А ведь когда-то он осуждал своего отца за стремление жить лучше. Неужели он сам такой лицемер? Невозможность расстаться с руководящей должностью? Разве он только что не приговорил человека по фамилии Моисеев за то же самое? Но он тотчас же отбросил подобный вопрос. Нет, сейчас другое время, другое место, другой мир. Теперь надо быть очень осмотрительным. Он сам должен поучиться у своего еврейского народа. Сначала Лазарь обязан был выжить. Его отец всегда напоминал об этом: «Сначала ты должен выжить, а потом уже всё остальное».

Он окинул комнату взглядом, чтобы убедиться, что он один, и никто его не услышит. Мария была на кухне. «Я должен быть очень осторожен, – тихо прошептал сам себе Лазарь. – Малейшая оплошность – и я пропал. Люди живут в постоянном страхе, что на них кто-нибудь донесёт. Такая жизнь гораздо хуже, чем при царизме. Все боятся друг друга. Каждый любыми средствами старается обезопасить себя». И он вспомнил ходивший анекдот, отражавший суть происходившего: советский гражданин вернулся домой, закрыл дверь на три замка, совершенно разделся и осмотрел себя в зеркале, а через несколько минут назидательно сказал отражению: «Сомнений нет. Один из нас определённо провокатор».

В Москве, по сравнению с двадцатыми годами явно происходили перемены, оттепель. Откуда-то появилась сатира и юмор, анекдоты. Даже газета «Правда» расслабила свой железный тон. Одна из заметок начиналась так: «Через малахитовые поля, речка Крипан развертывает свою серебристую ленту. За полями, как бронзовая стена, высится вековой сосновый бор. Между сосновыми щелями, то тут, то там, как сказочные домики появляются дачи». Затем следовала атака на коррумпированных бюрократов и нерадивых рабочих.

Лазарь так же заметил новые усилия восстановить в СССР националистическую гордость.

Казалось, огромная метла очищала закоулки необъятной страны, выметая все напоминания о вчерашнем дне. Нововведения коснулись даже языка. В аптеках вместо «английской соли» от запоров продавали теперь «горькую соль», в пекарнях выпекали «городской хлеб», а не «французские булочки». Иностранщина изымалась даже из наименований. Всё,

что было иностранного – было за границей, за рубежом.

Лазарь тоже гордился достижениями, но по-своему. Ему было важно демонстрировать свою верноподданность Сталину. В частной жизни Лазарь уже начал возвеличивать Сталина и принижать Ленина. Если ему предстояло произнести тост в кругу избранных, он говорил:

– Товарищи, настало время сказать людям правду. Каждый продолжает говорить о заслугах Ленина, но надо быть честными друг перед другом. Ленин умер. Сейчас надо поменять призыв. Да здравствует Ленинизм? Нет! Да здравствует Сталинизм!

К 1930 году весь капиталистический мир был опущен в «Великую депрессию». На самом деле это была частичная «коммунистическая» революция на Западе. В этот критический момент Сталин понял, что нельзя терять ни минуты, и наоборот решил восстановить промышленность, полностью разрушенную Троцким, который во всём опирался на Запад. Сталин понимал, что Запад, рано или поздно начнёт агрессию против СССР и лично против его, неизвестно откуда появившегося Сталина, который спутал им все карты. Первый пятилетний план предусматривал проведение индустриализации в Советском Союзе. «Выполнить и перевыполнить!» – Стало лозунгом этого времени. Рекорды стали ставиться не только в спорте, но и в промышленности. Появилось само понятие физкультуры и спорта, здоровья трудящихся. До этого, здоровье советских граждан, государство «рабочих и крестьян» интересовало в наименьшей степени. Необходимо было утроить производство руды, стали, угля и нефти. При Троцком все полезные ископаемые СССР были отданы в концессии иностранному капиталу. Например, американская кампания «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси», сейчас это компания «Эксон», ещё до 1946 года продолжала владеть нефтяными месторождениями в Баку. И хотя революция была совершена в 1917 году, национализация касалась только отечественных производителей, и то, только для того, чтобы государство Троцкого немедленно отдало всю промышленность в иностранные концессии. Быстрее Троцкий отдал только царское золото. Царское золото он отдал тем акулам с Уолл-Стрита, которые обеспечили деньгами его революцию. Так называемая англо-американская интервенция, преследовала только цели обеспечения безопасности транспортировки золота на Запад. Сам Троцкий лично возглавлял Главконцесском. Национализация же иностранных предприятий началась только в сталинскую индустриализацию, в 1929 году.

Далее, ставилась задача увеличить втрое производство товаров народного потребления, которых до этого не

производилось почти вообще. И это всё необходимо было выполнить в кратчайшие сроки. Время для этого не отпускалось вообще. Производство электричества необходимо было увеличить минимум в шесть раз. Запад был абсолютно не в восторге от плана индустриализации СССР. Десять лет их ставленники разрушали и уничтожали Россию, чтобы она снова начала возрождаться? Иностранной агентуре в Росси было дано задание, во чтобы то ни стало предотвратить индустриализацию в СССР. И снова пошла жесточайшая внутрипартийная сватка, «промышленные» судебные процессы повели массы людей на гибель. Борьба шла не на жизнь, а на смерть, и мало, кто разбирался, кто за кого. Но фантастическая задача индустриализации, несмотря ни на что, была выполнена, и это показало, что если захотеть, то можно сделать всё. В 1921 году тотальное, годовое производство СССР оценивалось в два миллиарда рублей. Всего через 9 лет, в 1930 году производство в СССР достигло 30 миллиардов рублей.

В сельском хозяйстве же хозяйстве была противоположная картина – там царили троцкисты, а с ними саботаж и вредительство. Потеряв поражение на политическом и промышленном фронте, в сельском хозяйстве троцкисты перешли во фронтальную атаку. Россия была преимущественно аграрной страной. Более 80 % населения страны составляли крестьяне работавшие, благодаря реформам ещё премьер-министра Столыпина, на своей земле. Замаскировавшимся троцкистам удалось убедить Сталина в том, что только превращением сельского хозяйства в отрасль промышленности и тотальным подчинением его бюрократическому аппарату, то есть им самим, удастся обеспечить страну хлебом. Они сказали, что всё берут на себя. На самом деле, под видом выполнения государственной задачи «коллективизации» и уничтожения как класса только «кулака», они развернули поголовное уничтожение крестьянства. Они запланировали поголовное истребление крестьянства. Они запланировали голод. Всё получилось, как они и замыслили. Вместе с началом «коллективизации» в стране начался тотальный голод, которого не наблюдали с гражданской войны и диктатуры «военного коммунизма» Троцкого. Троцкисты очень рассчитывали, что с помощью этого голода им удастся вызывать недовольство в народе и убрать Сталина. Это и был тот результат, которого добивались троцкисты. Лазарь Каганович понял, что настал его звёздный час, когда, не подвергая себя опасности, он сможет выполнить свою священную миссию.

Лазарь принял на себя руководящую роль в проведении так называемой операции «коллективизации» и в жестоком

«раскулачивании» крестьянства и насильственном образовании колхозов на селе, которые фактически стали сельскими концентрационными лагерями. Лазарь одновременно был мозгом и руками коллективизации. Его направляли в самые трудные районы страны для наведения железной дисциплины, но, если в прежние времена он преимущественно занимался донесениями с мест, то теперь у него была возложена вся полнота власти. Благодаря успеху на Украине в 1925 году Лазарь был полностью автономен. Он знал, что Сталина интересует результат, и результат ему готовили. Поэтому он с наслаждением пользовался предоставленной ему властью против так называемых «зажиточных», а на самом деле, трудолюбивых крестьян, которым он завидовал, и которых ненавидел с самого своего детства в Кабанах. Ему доставило огромное удовольствие одновременно сослать на Север шестнадцать крупных казацких станиц. Он жестоко расправлялся с непокорными. Без всякого угрызения совести, Лазарь решительно подписывал приказы, которые посылали на смерть сотни тысяч и миллионы людей, мужчин, женщин, стариков и детей. Только в житнице страны, на Украине, по самым скромным оценкам, только за один 1932–1933 год от голода умерло не менее 7 миллионов человек, но Голодомор был устроен и в других регионах страны. Масштабы уничтожения людей достигли невиданных до сего времени масштабов.

Лазарь развивал обоснование «коллективизации», что, дескать, индустриализация страны не может быть успешной, если крестьянство, составлявшее 80 процентов населения, останется в стороне. На самом деле Лазарь гнул свою, одному ему известную линию, которой оставался верен всю свою жизнь, и которая дано была раскрыта ему дядей Лёвиком. Ему нравилась его роль в текущих событиях СССР. Его выступления всё чаще стали появляться в «Правде», затем в какой-то польской газете и даже в парижской, и, наконец, в американской газете «Нью-Йорк Таймс». Это приятно щекотало его нервы, и, может быть, впервые в жизни он понял, как высоко занесла его судьба. Это ещё заставило его вспомнить о дяде Лёвике и Моррисе и других жителях Кабанов, разбросанных по всему свету. Что подумал дядя Левик, прочитав о племяннике в газете? Скорее всего, он сильно загордился. Вообще-то Лазаря не заботило мнение других людей, он только лишний раз подумал об отце, которого уже не было. На следующий год та же самая газета “Нью-Йорк Таймс» охарактеризовала Лазаря Кагановича как «самого близкого к Сталину человека», но при этом всячески превозносила Лазаря, что само по себе весьма примечательно. «Нью-Йорк Таймс» просто так никого не хвалит. «Нью-Йорк Таймс» это рупор

псевдоинтеллигентского сионизма, называмого левым, а также и правым либерализмом. Главное тут лишь том, чтобы не называлось истинное название. Лазарь понял, что он поднялся уже почти до уровня Троцкого.

Но, несмотря на высокопарную и хвалебную риторику, кровь, как и в троцкистские времена, опять начала сочится из-под закрытых дверей. Лазарю надо было вовремя подстраховаться. Он знал, что Сталин не простил бы ему ошибок и упущений. Но Лазарь не мог признать ошибок со своей стороны. Он должен доказать в очередной раз, что всё что он делал, было для блага и во имя Сталина. Он должен продолжить укреплять веру в правильность проводимых мер по реорганизации сельского хозяйства. В качестве своей замены на Украине Лазарь поручил проведение активных «коллективизационных» мероприятий Менделю Марковичу Хатаевичу, которого знал как проверенного человека ещё по совместной работе в 1917 году в Гомеле. Хрущёву, который сам был украинцем, такого дела доверять было нельзя. Лазарь назначил Хатаевича вторым секретарём компартии Украины и возложил на него ответственность за проведение коллективизации. Это Лазарь снабдил Хатаевича центральными войсками ОГПУ и армией, которые перебросили на Украину, Кубань и Поволжье специально для обеспечения строжайшей изоляции приговорённых областей, изъятия продуктов у населения, и отправки крестьян на уничтожение в северные лагеря. Мышь не должна была выскользнуть из обречённых местностей. Это было гигантское по своей масштабности мероприятие, не имевшее себе аналогов в истории – уморить голодом и выселить население с территории, превышавшую по своей площади Европу. Лазарь знал, что Хатаевич не подведёт. Для успеха всей операции Лазарь также заменил заведующего сельхозотделом ЦК ВКПб, русского, Николая Александровича Угланова, противника коллективизации, на своего человека Карла Яновича Баумана. Однако Бауман так «перестарался» и переусердствовал с уничтожением людей, что его пришлось заменить Молотовым. Появились слухи, что коллективизация забуксовала. На Украине разразился невиданный в истории России, а тем более Украины, голод. Трупы взрослых людей и детей валялись на улицах Украины, Поволжья и Кубани. Ситуация накалилась. Возникла опасность, что Сталин мог узнать всю правду, и тогда Лазарю пришёл бы конец. Лазарь решил всё списать на перегибы на местах. 15 марта 1930 года в газете «Правда появилось знаменитая статья Сталина «Головокружение от успехов», которая временно спасла жизни миллионам крестьян. После этой статьи троцкисты должны были

перегруппироваться. Чтобы довершить дело, и замести следы преступлений, Лазарь предложил Сталину, что он поедет и сам разберётся с ситуацией на местах. Опять памятуя о ранее успешной командировке Лазаря на Украину Сталин заменяет Молотова на Кагановича.

Для того чтобы выиграть время, Лазарь намеревался сначала побывать в Краснодарском крае, где ситуация не была такой катастрофической. Он собирался провести там несколько дней, якобы чтобы проверить работу местных партийных организаций, а на самом деле погреться под южным солнцем и покупаться в Азовском море. Лазарь хотел дать возможность «органам» довершить выполнение данных им ранее приказов. Но южнее Донецка проехать ему не довелось. Пришлось решительно подавлять восстание кубанских казаков, отказавшихся обрабатывать отнятую у них землю. Реакция Лазаря была обычной:

– Если они не пожелают подчиниться, все казацкие поселения целиком будут сосланы на Север на уничтожение. Или они станут делать то, что им приказывают здесь, на Украине, или пусть отморозят себе яйца за тысячи километров от родных мест.

Украинский народ быстро ощутил на себе беспощадные методы «работы» Лазаря, сочетание неоправданной жестокости и безжалостных гонений. Его способ «работы» с людьми стал легендой. Он обычно садился за стол, клал справа от себя один пистолет, а слева – другой, и люди знали, что он без колебаний пользуется обоими. Он внушил животный страх и рабочим, и крестьянам. Впервые его «метода» была отработана на жителях Иваново-Вознесенска. Из-за искусственно созданного голода люди объявили забастовку. Лазарь действовал жестоко, но эффективно. Прежде всего, он отобрал партийные билеты у членов областного комитета партии и объявил, что если через три дня дело не тронется с места, то они все будут исключены из партийных рядов, выгнаны с работы и арестованы. Следующий его шаг оказался ещё более изощрённым. Он сажал в одну тюремную камеру наиболее «горланистых» забастовщиков и тех русских коммунистов, которые, якобы, искусственно создали нехватку продуктов. Лазарь со злорадством представлял себе в одной камере отца умершего от голода ребёнка и виновного в этом коммуниста. Исход такой встречи не вызывал сомнения. «Метода» Лазаря заключалась именно в том, что он подставлял под удар не своих троцкистов, а сталинских, русских выдвиженцев, как например было в случае с Углановым. Благодаря долгой работе в кадрах, Лазарь прекрасно знал, кто за какую команду играет и бил без промаха. Лазарь, таким образом, не только успешно

организовал голод всей страны и уничтожение крестьянства «как класса», но и массовый отстрел, обвинённых в перегибах и сознательно подставленных, чисто русских выдвиженцев, тех, кого он сам же и выдвигал в процессе увеличения притока рабочих в партию. Лазарь становился достойным преемником Троцкого. Однако фокус заключался в том, что формально он как раз должен был быть самым активным борцом с троцкизмом.

После завершения коллективизации на Украине и успешной расправы с «кулаками», наступила очередь и других районов Советского Союза, в том числе и Московской области. Лазарь мобилизовал более 2000 коммунистов для коллективизации только одной Московской области.

Но чем больше он делал, тем больше ему прибавлялось работы. Сталин даже поручил ему последить за своей женой, Надеждой Аллилуевой. Поговаривали, что с ней творилось что-то неладное, и она даже пыталась покончить с собой. Лазарь не знал, насколько это было правдой. Он только сознавал, что с таким человеком, как Сталин жить трудно, но не более чем Марии с самим Лазарем, и Сталин даже ни разу не поднял на жену руку. Мария рассказывала ему истории, услышанные от Полины Жемчужиной, которая и была тем источником, который распускал слухи, что Сталин, якобы, запирал свою жену на несколько дней в комнате и даже не позволял видеться с детьми. Но никто, на самом деле, не знал, что происходило в действительности. Сталин не любил посвящать людей в свою частную жизнь. Лазарь легко справлялся с поручением. Аллилуева не доставляла ему хлопот, и рапорты Сталину оказывались весьма скудными. Лазарь не получал удовольствия от работы, если не знал, что он в конце концов не окажется победителем. Но Надежда Аллилуева упростила его задачу: через месяц она покончила с собой. В то утро он получил сразу два известия, прибывшие с интервалом в десять минут. В первом говорилось, что она застрелилась, а во втором – отравилась. Когда Лазарь прибыл в Кремль, там уже находился Молотов. Сталин сидел в кресле и курил вместо трубки папиросу. Для постороннего могло показаться, что он совершенно спокоен, но Молотов с Кагановичем знали, что в его голове был хаос. Только когда вошёл Ворошилов, Сталин начал говорить. У Лазаря сложилось впечатление, что в присутствии Вячеслава Молотова он не произнёс ни слова.

– Ходят разговоры, что она была не согласна с моей политикой, или мне следует сказать, нашей политикой? Я предполагаю, и вы согласитесь, что мы не будем обращать

внимания на всю эту чепуху.

Лазарь взглянул на Молотова, потом – на Ворошилова. Они все хорошо знали, что Надежда была одержана идеей «ошибочности», как она это называла, в том, что делали её муж и его окружение. Она настолько была поглощена этой мыслью, что даже не уделяла внимания своим маленьким детям: шестилетней Светлане и двухлетнему Василию.

– Она не понимала, товарищ Сталин, – произнёс Молотов самым сочувственным голосом, на который был способен.

Лазарь кивнул.

– Люди не понимают своей же пользы, – добавил Ворошилов.

Сталин внимательно посмотрел на трёх человек, стоявших перед ним. Для него это была очень неприятная ситуация.

– Надо организовать похороны, – произнёс он, прикуривая одну папиросу от другой.

– Может быть, Новодевичье кладбище? – почти шёпотом предложил Молотов.

Лазарь тогда подумал, что это было бы хорошим решением. Кладбище располагалось рядом с древним Новодевичьим монастырём. Место было красивое и не имело политической подоплёки.

– И я хочу, чтобы это было сделано быстро и в частном порядке, – добавил Сталин.

Было много слухов. Правительство даже пыталось предоставить картину так, что смерть наступила от перитонита в результате неудачной операции после удаления аппендикса. Но эта трактовка успеха не имела. Некоторые распускали слухи, что её убил сам Сталин. Но эта версия явно отдавала стремлением во чтобы-то ни стало замарать Сталина. На поверхности оставалась версия о самоубийстве. Лазарь решил, что пусть люди думаю то, что им нравиться. И то и другое играло на руку ему лично. Если народу хочется верить, что Сталин убил свою жену, то пусть верят. С другой стороны, выстрелила ли Надежда сама, не имея больше сил жить с мужем, или ей помог Сталин, значения не имело. Ведь в любом случае Сталин выглядел тираном. Теперь, когда Надежды больше не было рядом, Лазарь собрался совсем изолировать Сталина, а заодно – и обезопасить себя. Он окружил вождя кольцом охраны, чтобы вызывать в нём постоянное чувство тревоги и опасности. Эта тактика сработала. Уже через неделю после похорон Сталин перенёс приступ стенокардии. Приступ оказался не опасным. Но Лазарь быстро сориентировался, и, чтобы закрепить своё положение, обратился к помощи Розы.

Розе тогда было тридцать семь лет. Она много работала в клинике, почти никого не видела, за исключением ежедневных

обедов в доме брата. Она стала почти затворницей. Её исключительная красота и образованность не сильно притягивали людей: и мужчины, и женщины из-за страха старались держаться подальше от сестры «всемогущего Лазаря Моисеевича». Её теперешнее положение не приносило ей радости, хотя она и сознавала, что своей должностью целиком обязана старшему брату. Она со страхом представляла себе, что бы с ней стало, останься она в Кабанах. Ведь она тоже могла умереть на дороге, как и мать. Нет, она очень многим обязана Лазарю, и когда он позвал её, она без всякого сомнения заспешила на встречу. Они встретились в кабинете Лазаря на Лубянке. Он обычно предпочитал разговаривать с людьми здесь, особенно в тех случаях, когда хотел добиться чего-то для себя лично. Ведь это выглядело официально и более устрашающе для человека, сидевшего по другую сторону стола. Роза стала настоящей красавицей. Хотя она и была среднего роста, но в отличие от большинства женщин, окружавших высокопоставленных чиновников, своими фигурами, по выражению Лазаря, «напоминавших волейбольный мяч с ногами», Роза имела тонкую талию, стройные ноги и «всё остальное было на месте», как с восхищением говорил Лазарь Марии. Она смотрела на людей по тому же принципу, что и её брат: насколько полезными они могут быть для неё лично. Она всегда хорошо училась, и легко запоминала всё, о чём говорил Лазарь. И ей были близки и понятны слова дяди Лёвика: «Хорошо то, что хорошо для евреев».

– Он нуждается в тебе как никогда раньше, – начал Лазарь.

Ему не надо было объяснять, кем был «он». Роза находилась в приёмном покое, когда туда доставили Сталина с приступом стенокардии. Она уже слышала о слухах, разлетевшихся по больнице, и знала, что с женщинами в жизни Сталину не повезло. Его первая жена Катерина умерла от туберкулёза, а вторая теперь ушла из жизни при трагических обстоятельствах после пятнадцати лет совместной жизни. Перешёптывались, что Сталину нужна страстная женщина, но только на «полставки», потому что он много работал и предпочитал мужскую компанию.

Она пристально посмотрела в глаза брату.

– В чём именно он нуждается?

– Нуждается. Нуждается во всех смыслах этого слова.

Лазарь видел, что происходило в Кремле. Сталин сильно переживал потерю жены, и Лазарь хотел воспользоваться случаем.

– Прежде всего, ему нужен врач, которому он мог бы доверять. Он тебя знает. Он разрешил тебе работать в Кремлёвской больнице, и он верит мне. Таким образом, он поверит тебе и твоим медицинским знаниям.

Роза понимающе кивнула.

– Согласна, – сказала она.

У неё не было выбора. Стать личным врачом советского вождя, значит, уметь слушать и ободрять. Она могла с этим справиться.

– Во-вторых, – загнул палец Лазарь, – Ему нужна нормальная семейная жизнь. Дети маленькие, Светлане всего шесть лет, и они нуждаются в воспитании. Мы должны наладить ему жизнь в семье.

Роза опять кивнула. И Лазарь мог увидеть в её выражении лица туже самую решимость, какая была и на лице их матери много, много лет назад, когда их мама Саша приходила вечером с работы, чтобы только узнать, что у папы Моисея на ужин ничего нет. Мама Саша крепко стискивала скулы, трясла головой, как бы соглашаясь с неизбежным, и затем уходила, чтобы выменять что-либо на ужин.

– Наконец, ты должна находиться у него всегда под рукой, но не для того, чтобы вести с ним споры. Не для того, чтобы ему было на кого «спустить собак», а для того, чтобы придя домой, он мог рассчитывать бы на отдушину. И это очень важно.

Роза слушала очень внимательно. Она в лучшем виде сделает то, что от неё требуется. Лазарь хорошо изучил её. И сейчас он сильно нуждался в её помощи. Такой золотой возможности больше не представиться. Удача сама шла в руки Лазаря. Роза как будто специально ждала и жила для отведённой ей роли.

Она сделала даже больше, чем от неё ожидал Лазарь. Сталинская дача в Кунцеве была отремонтирована заново. Она настояла на замене мебели, покрасила дачу в более яркие тона и начала немного социализироваться. Дважды в неделю она здесь принимала гостей из Нижнего Новгорода, чаще всего – Елену Булганину, тоже врача и еврейку по национальности. Роза оказалась прекрасной хозяйкой застолий, и в этот момент своей жизни Сталин на кунцевской даче нашёл себя в окружении «наиболее преданных» своих соратников: Молотова, Булганина, Микояна, Ворошилова и, конечно, Кагановича.

Но Лазарь не остановился на достигнутом. Стремясь полностью изолировать Сталина и подчинить его своей воле, он распорядился построить вокруг дачи несколько домиков, в которых поселил пятьдесят своих людей для «охраны» вождя. Кто кого и от кого охранял, было уже не совсем непонятно. Были поставлены пулемёты на турели. Огромные восточно-европейские овчарки были спущены круглосуточно. Вдоль дороги от Кремля до дачи даже установили специальную систему сигнализации. Благодаря этой системе, органы безопасности всегда имели

информацию о продвижении машины Сталина с охранниками. Поэтому Лазарь без особого труда знал о каждом шаге Сталина. Нет, Роза сделала всё, что от неё требовалось, и даже больше.

Семена, брошенные Лазарем, стали быстро приносить плоды. Сталин окреп после перенесённого приступа стенокардии, и ему всё чаще внушали мысль, что вокруг него собрались не только друзья, но и единомышленники. Лазарь часто докладывал ему, что на фоне больших достижений по выполнению Первого Пятилетнего плана, внутри партии возникли небольшие оппозиционные группы. Он предлагал пристально следить за этими группами, чтобы они не слились в одну большую антисталинскую коалицию. Некоторые члены Политбюро стали задаваться вопросами о компетентности Сталина, и о том, что в действительности произошло с Надеждой Аллилуевой. Нужные люди специально поднимали эти вопросы. Лазарь понял, что и его собственная позиция могла пошатнуться. Но Сталин оставался спокойным и уверенным. Он поклялся бороться со своими врагами. Роза тут же сообщила об этом Лазарю. Лазарь понял, что отсидеться не удастся. Сталин чувствовал опасность, хотя до определённого времени не предпринимал решительных действий. Лазарь начал с «мягких» мер: из рядов партии было исключено восемьсот тысяч человек с «запятнанным» прошлым, но никто не был арестован. Этим троцкистская оппозиция только предупреждалась. Однако Лазарь с горечью понимал, что они «бешенные», и не могут не лезть в бутылку, поэтому этих мер будет недостаточно. Он отлично знал о существовании многочисленных, так называемых, «разочарованных» сторонниках вождя. Поэтому приходилось переходить к более решительным мерам. Тянуть уже было нельзя.

В 1934 году Лазарю удалось, наконец, заменить отправленного на тот свет В.Р. Менжинского на Ягоду, а заодно он, как и Троцкий в своё время, изменил название своего запятнанного карательного органа, теперь на НКВД. Лазарю нравился Гершель Ягода. В отличие от Менжинского, он был свой. Его единственным недостатком было то, что он слишком стремился проявлять много любезности, лез из кожи, чтобы исполнить каждое поручение Сталина. Лазарь только боялся, что в этом отношении Ягода переплюнет самого Лазаря. Однако Ягода имел трудность в успевании за постоянными переменами в настроении Сталина, что было поначалу трудно и для Лазаря тоже. На самом деле у всех были такие трудности. Однако Ягода тоже был крепкий орешек, если бы Сталин сказал бы ему, что министр обороны «трахнул» овцу, то Гершель принял бы это как «Пятикнижие».

Сталин видел, что троцкисты при не прекращающейся помощи из заграницы не оставляют и не оставят попыток убрать его. Особенно активны троцкисты были в своей «колыбели революции», в Ленинграде, который, как прошлая столица, исторически действительно была их основной колыбелью.

Однако в Ленинграде, где при Зиновьеве расцвела троцкистская «оппозиция», железной рукой руководил настоящий, а не показной сталинист русский Сергей Киров. Киров был членом Политбюро, и он просто давил троцкистов без утверждения сверху. Киров был настолько харизматической личностью, что при личном обаянии, красивой внешности и блистательном красноречии он реально давал фору даже Ленину. Естественно, его надо было убрать в первую очередь. С приходом в «органы» Ягоды это оказалось возможным устроить. В 1934 году Кирова застрелил некто Николаев. При этом Николаева тут же убрали, и оказалось совершенно невозможным определить, кто обеспечил ему допуск к Кирову и достал оружие. По официальной версии, якобы, Николаев был мужем секретарши Кирова и ему внушили, что у Кирова дела с его женой. Убийство Кирова, в смысле устранения всех свидетелей, чрезвычайно похожее на убийство президента Джона Кеннеди. На большом московском судебном процессе, убийство Кирова описывалось как покушение, организованное политическими противниками Сталина. Так оно и было, но после смерти Сталина неотроцкисты постарались интерпретировать эту борьбу, как результат мнительности и мании Сталина. Они всегда вычеркивают себя из истории, потому что занимают в ней такое неприглядное место.

Ягода и Каганович постоянно внушали Сталину мысль о грозившей ему опасности со стороны «многочисленных врагов». Они это делали, чтобы усилить концентрацию своей личной власти и под видом борьбы с троцкистами ликвидировать надёжнейшие кадры Сталина. Страна была зажата в клещи: с одной стороны была явная диверсионная деятельность троцкистов, направлявшаяся из-за рубежа Троцким, а с другой стороны, ещё более ювелирную подрывную деятельность вели троцкисты, замаскировавшиеся за соратников Сталина. Но Сталин не был послушной игрушкой в их руках. Он и сам прекрасно разбирался в кадрах. Началась такая захватывающая борьба этих двух партий, якобы сталинистов и троцкистов, и всех их против Сталина, какой не было, наверно, со времён Французской революции. На самом деле, членство в этих двух неофициальных партиях проходило приблизительно по национальному признаку, троцкисты – были евреи и «шабесгои», и все остальные, плюс некоторые евреи – сталинисты и "якобы

сталинисты". Сталин совершал демонтаж еврейской абсолютной диктатуры в России. Но это было не так-то просто.

Лазарь жадно, двумя руками, ухватил управление страной. События последующих лет превзошли даже самые смелые его мечты. Каганович установил в стране тотальный террор. Русские люди, ещё не оправившись, снова испытали на себе ужас «красного террора» Троцкого, но теперь в исполнении его наследника – Кагановича. Метод работы Лазаря был весьма простым. Он сидел за столом в своём кабинете и отдавал приказы, словно заказывал блюда в ресторане. Завтрак: Крестьянская проблема? – «Усилить голод. Сослать в Сибирь!» Обед: Политическая проблема? – «Расстрелять несогласных. Подозреваемых отправить в исправительные лагеря, которые исправляли только на тот свет». Ужин: Проблемы за границей? – «Усилить нашу деятельность!». Лубянка снова стала тюрьмой, из которой не возвращались. Эта борьба не на жизнь, а на смерть продолжалась до 1939 года, до того времени, как на горизонте забрезжила война с Гитлером. После этого всё моментально оборвалось и стихло, как в своё время и началось.

Никто не был застрахован от всевидящего глаза Лазаря, даже члены правительства. Так, однажды, Бухарин был вызван к Кагановичу, который сделал ему очную ставку с Сокольниковым (Гиршем Янкелевичем Бриллиантом) в присутствии высокопоставленных работников НКВД. На этой встрече Сокольников подробно и убедительно рассказал о «параллельном антиправительственном троцкистском центре», в котором, оказывается, принимал активное участие и Бухарин. Эта организация действительно существовала. Однако Лазарь агрессивно проведя «допрос-встречу», в конце её приказал арестовать и увести Сокольникова. Затем Лазарь обернулся к Бухарину и сладким, дружеским тоном сказал: «Врёт сквозь зубы, проститутка». Бухарин облегчённо вздохнул, но спустя два дня, Лазарь при докладе Сталину обозвал Бухарина «фашистским прихвостнем» и потребовал для него расстрела. На листке доклада стояла ещё подпись и согласие Молотова. Было очевидно, что Лазарь не собирается подвергать угрозе своё собственное благополучие.

Лазарь набирал обороты. Он начал «чистить» Московскую партийную организацию. Только за один год из партии исключили 70 процентов её членов, около полумиллиона человек, и, казалось, этому не будет конца. Ничто и никто не могли остановить Лазаря. Люди же считали, что он действовал по распоряжению самого Сталина. Поэтому его называли «правой

рукой» Сталина. Это обстоятельство неотроцкисты удобно используют, чтобы списать на Сталина жертвы лазаревского террора. В Кремль даже приходили письма со всех уголков страны, адресованные «Товарищам Сталину и Кагановичу».

И всё равно, этого Лазарю было мало. Он уже добился положения, как никто другой. Он, как и в своё время Троцкий, управлял транспортным отделом ЦК, был председателем Центральной комиссии по проверке партийных рядов, возглавлял комиссию по подготовке Семнадцатого съезда партии. Когда Сталин поехал отдыхать на Чёрное море, именно Лазарь заместил его в Москве. Никто в стране не имел стольких доступов к партийному управлению как Лазарь Каганович. И он напористо продолжал расширять сферу своего влияния. Ничего не оставалось без его внимания. Он даже фальсифицировал результаты секретного голосования по выборам в Центральный Комитет, уничтожив около 300 бюллетеней, где Сталин был вычеркнут, потому что альтернативой Сталину на посту Генсека был не кто иной, как тогда ещё живой Киров, который уничтожал троцкистов с гораздо большей решимостью, чем сам Сталин.

С этого времени Лазарь активно вмешивался во всё происходившее. Это Каганович руководил так называемой реконструкцией столицы, нисколько не заботясь о сохранении национальных исторических памятников. Безжалостно были разрушены многие русские святыни: храм Христа Спасителя, Сухарева башня, Страстной монастырь и многие другие ценные архитектурные сооружения. Приблизительно было подсчитано, что с тяжёлой руки Кагановича было уничтожено более четырёхсот значительнейших памятников архитектуры только в центре Москвы. Москва после «реконструкции» Кагановича потеряла свой исторический облик. Иверские ворота сравняли с землёй, несмотря на многочисленные протесты ведущих архитекторов. Лазарь «навёл порядок» и на транспорте: заметно увеличилась перевозка грузов по железным дорогам. Под его руководством советские железные дороги грузили каждые сутки девяносто тысяч вагонов, хотя до этого грузили только 50 тысяч. Он знал средство выполнения поставленной задачи – это страх. Лазарь выпустил приказ, согласно которому, при любом сбое в работе железной дороги виновные «понесут личную ответственность». Это означало только одно: сначала – Лубянка, а дальше – по известному пути.

Газеты были заполнены Лазарем Моисеевичем Кагановичем. Он был польщён, когда в очередной раз в «Нью-Йорк Таймс» о нём появилась длинная хвалебная статья:

«Репутация Лазаря Кагановича по завершению грандиозных

проектов в России затмевает самого Сталина. Мистер Каганович – отец идеи машинно-тракторных станций, МТС, в которых верховодят коммунистические комиссары. Эти комиссары руководят коллективизированными крестьянами, стимулируя сельскохозяйственную продукцию, и консолидируют «сельскохозяйственную революцию». Кагановичу так же приписывают либерализацию литературы и искусства, которые произошли в Советской России за последние несколько лет. Он – председатель Моссовета, что является трудным постом, а также и членом Политбюро. Сейчас же он занимается возрождением железных дорог. Это задача многим оказалась не по зубам, однако, не таков мистер Каганович».

Статистические данные говорят, что только за несколько лет между коллективизацией и войной в лагерях, в конце 30-х годов, погибло более двадцати миллионов человек. То есть, за десять лет, вместе с войной, с 1935 года по 1945, в СССР погибло более 40 миллионов человек. Если к этому прибавить 60 миллионов человек погибших с 1914 года по 1921 год – это уже сто миллионов. Затем, время с 1921 по 1929 год дало ещё 10 миллионов жертв. Коллективизация за 6 лет дала ещё более 10 миллионов. Послевоенное время дало ещё 10 миллионов жертв. Общее количество жертв в России, выпавшее на долю подряд трёх поколений людей, превышает сто тридцать миллионов человек. История не знала ещё таких жертв в одной, отдельно взятой стране. А могло быть ещё гораздо больше, если бы у троцкистов получилась их «мировая революция», которая означала ещё одну, внеочередную мировую взаимную резню.

А между тем, истребление русского народа, затеянное троцкистами, наращивало обороты. Только монархическая газета за рубежом «Возрождение» гневно осудила происходившее в стране Советов истребление русского народа. Но Лазаря это совсем не трогало. Он готов был истребить сотни, тысячи и десятки миллионов русских, что он и делал. Он натравливал людей друг на друга, заставлял детей доносить на родителей, мужей – на жён, жён – на мужей. Никто не был исключением. Люди боялись общаться, замыкались в себе, говорили шёпотом. В магазинах, заполненных народом, стояла тишина. Даже театральные комедии встречались зрителями лишь сдержанным смешком. Люди боялись громко смеяться. И никто не мог чувствовать себя вне опасности. Никто. Он разрушал всё и каждого на своём пути. Всякого, несогласного с политикой партии, Лазарь объявлял «врагом народа», хотя со временем сам стал задумываться, кто же выживет, когда всё это будет

закончено.

В те годы он очень редко бывал в кругу семьи. Как и большинство партийных иерархов, всё его время занимала работа в Кремле и поездки по стране. Раньше Лазарь даже не мог вообразить себе вершин власти, на которых он теперь оказался. Теперь он во всю полноту пользовался этой властью. Ему было только сорок, а он имел право крушить всё и всех, мешавшее его росту.

Однако Лазарь спиной начал чувствовать, что он с головой в крови, и что если он и дальше будет продолжать уничтожать население страны в таком темпе, то ему не поможет ничто. Это Лазаря не устраивало. Он любил безопасность и любил работать наверняка и без личного риска. Лазарь решил, что если он участвует в грандиозной уничтожительной деятельности, то для подстраховки, он должен начать грандиозную созидательную деятельность и спрятаться за ней. Он, как и Троцкий, занимал пост Наркома путей сообщения. Сам Лазарь был необразованным, человеком, который никогда не выезжал за пределы страны и не знал ничего, кроме своей конкретной работы. Однако нужные люди шепнули ему, что во всех главных столицах мира есть такая штука, как метро. Лазарь сразу загорелся этой идей. Кроме этого, после того как он прославился в «Нью-Йорк Таймс», Лазарю намекнули, что лично ему помогут со строительством. Лазарь планировал создание в рекордно-короткие сроки огромной подземной транспортной сети, не знавшей себе равных в мире.

Лазарь изучил проблему. Первое в мире метро было построено в Лондоне в 1863 году и применяло паровозы. Затем были построены метро в Бостоне (1898), в Париже (1900), в Берлине (1902), в Нью-Йорке (1904), в Мадриде (1919), Токио (1927). Однако в то время, как нью-йоркское метро было больше похоже на канализационные трубы, московское метро должно было стать грандиозным достижением советской власти, привлечь поток западных журналистов и туристов, продемонстрировать превосходство социалистической системы народного хозяйства и главное, отвлечь внимание от деструктивной деятельности Лазаря. Несмотря на отсутствие образования, практически, Лазарь был гораздо умнее своих учёных сподвижников типа «ведущего теоретика партии» Бухарина, который погорел одним из первых.

Архитектурное оформление станций метро должно было стать монументальным и отражать, по словам Лазаря, «величие социалистического строительства». Конечно, у Лазаря не было опыта для осуществления такой колоссальной задачи. Он сам

знал это, понимал это и Сталин, но Каганович обладал способностью и умением решать проблемы с дотошным вниканием в мельчайшие детали. Сталин поручил ему возглавить строительство московского метрополитена, и Лазарь с головой окунулся в работу, чтобы завершить эту грандиозную стройку в самый короткий рекордный срок. Он создал беспрецедентный график работы: бесперебойно, в три смены на строительстве трудилось 70 тысяч рабочих. Он проявлял изощрённость и неограниченную грубость, если возникали проблемы, которые не решались обычными способами. Он никому не давал пощады. Он пренебрегал предостережениями по технике безопасности, высказанными специалистами, и издавал приказы, от которых бы обязательно воздержались бы профессионалы. Результаты такого самоволия обернулись травматизмом и гибелью многих рабочих. Утверждённый Лазарем график работы, по словам самих рабочих, «держал их за глотку». Рабочие ненавидели Кагановича. В канун нового 1933 года он выступил перед строителями метрополитена:

– Надо со всей ответственностью признать, что при ныне существующих темпах работы, невозможно завершить строительство метро к 7 ноября 1934 года. Главная задача дня – ускорить строительство. В самый короткий промежуток времени мы обязаны в пять раз увеличить скорость подачи грунта на поверхность и в восемь-девять раз ускорить прокладывание туннелей.

Решение не обсуждалось. Это был приказ, и он должен быть выполнен. Скорость, скорость, скорость. Поднимался ропот недовольства.

– Да он ни черта не знает!

– Чихать я на него хотел!

Но всплеск недовольства прекратился так же быстро, как и возник. Широкая сеть информаторов быстро собрала и донесла имена возмущённых и «несознательных». Многие из них были признаны виновными и расстреляны.

Лазарь назначил Хрущёва фактическим начальником этой ударной стройки. Он был обязан претворять в жизнь приказы Кагановича. Булганин стал ответственным за снабжение строительства. Одновременно Лазарь контролировал Хрущёва. Эти трое фактически превратили Москву в военный лагерь, чтобы закончить строительство к майским праздникам 1935 года. Лазарь не оставил камня на камне. Он заставил включиться в строительство людей разного возраста. Иногда он беседовал с группами рабочих, отмечая важность их труда, а на самом деле, давая им понять, что за всеми ними установлено тщательное наблюдение. Однажды он проводил беседу с молодыми рабочими

– землекопами. Некоторым было не больше одиннадцати лет. Один из мальчиков спросил, почему у них такая маленькая зарплата. Он объяснил, что его отец обратил на это внимание и требовал «объяснить». Лазарь ответил:

– Ну, хорошо. Вероятно, уровень зарплаты действительно маленький. Но ты должен знать, что зарплата начисляется с учётом скорости работы.

Идея была ясна: чтобы заработать на кусок хлеба, надо вкалывать так, как приказывал Лазарь. Юный рабочий усвоил этот урок, а его отец – нет. Парнишка продолжал копать землю ударными темпами, а его отца сослали в Сибирь.

Тем не менее, в мае 1935 года открыли московское метро. Его отличали элегантность, красота и удобство. Это стало настоящим достижением, и Лазарь знал это. Он позаботился о том, чтобы другие тоже осознали этот факт и оценили прямое участие самого Кагановича. На Красной площади был устроен парад в честь строителей метро. Лазарь в своём выступлении сказал, что «русские рабочие строят для народа, а в других странах – только для богатых». Эти слова встретили громкими аплодисментами. Хлопали даже рабочие, но, конечно, не Кагановичу. Затем Лазарь вместе с Майей, Марией, Булганиным и Хрущёвым совершил поездку в вагоне нового метро. Остальные члены Политбюро были вынуждены покорно последовать его примеру. Сталин работал в Кремле, он увидится с Лазарем позже. Лазаря распирала гордость, особенно после того, как Сталин сообщил, что метро будет носить его, Кагановича, имя, и оно станет красоваться, высеченным в камне, над входом в каждую станцию. Он даже почувствовал, как повлажнели его глаза. Такого с ним давно не случалось. Последний раз он поддался эмоциям, когда Роза рассказала ему о смерти родителей. На митинге, происходившем перед входом на станцию «Площадь Революции» Сталин приколол к новому костюму Лазаря орден Ленина. Лазарь взглянул на голубое московское небо. Душа его ликовала: «Где вы теперь? Где вы, папа, мама, дядя Лёвик, Моррис? Где вы?». Это был самый знаменательный день в его жизни, и ему хотелось его повторения в будущем. На торжественном обеде, данном Моссоветом в честь французских и английских инженеров, помогавших лично Кагановичу со строительством, Лазарь закончил своё выступление словами:

– Открытие метро значит больше чем открытие фабрики или завода. Это символ улучшения жизни москвичей, которые доверили нам заботу об их светлом будущем. В Западных странах достижения ориентируются на обеспеченный класс капиталистов. Там делают шикарные автомобили для имущего класса, но не

заботятся об улучшении транспортных средств для простого народа. Мы же, наоборот, думаем о комфорте для трудящихся. Мы построили московское метро не для прибыли, а для удобства москвичей.

Однако не все из присутствующих хлопали. Сам Лазарь считал, что метро спасло ему жизнь.

Дело не ограничилось только высечением его именем над входами московского метрополитена. Теперь его именем стали называть города. Названия девяти населённых пунктов, включая Кабаны, были переименованы в «Каганович». Лазарю хотелось бы, чтобы Кабаны получили его имя раньше, когда там жили ещё те, кто могли помнить его мальчишкой. К этому времени городок населяли пришлые люди, которым было всё равно, жили ли они в Кабанах или Кагановиче.

Лазарю дали кличку «Железный Нарком». Его пост Наркома транспорта позволяла ему вмешиваться во все государственные дела. Он передал управление Москвой Хрущёву, сначала в качестве секретаря Бауманского, потом Краснопресненского райкомов партии, а с 1934 года – Первого секретаря Московского городского и областного комитета партии. То, что в своё время Сталин сделал для Лазаря, теперь Лазарь делал для Хрущёва.

Тем временем, под неусыпным глазом Кагановича продолжалось уничтожение народов России.

Газета «Нью-Йорк Таймс» писала:

«Главный ударник Сталина, Лазарь Каганович, который более кого либо сделал, чтобы обеспечить успех коллективизации, и который затем успешно реорганизовал железнодорожный транспорт, не так давно был поставлен во главе всей тяжёлой индустрии. Он даром время не терял и сразу взялся за местное производство, которое отставало от графика. Сегодня он нанёс решительный удар, уволив ведущих работников угольного треста и внедрив целый ряд реформ».

Каганович, действительно даром времени не терял. Он не только уволил, но и физически уничтожил ведущих специалистов. Лазарь нашёл удивительно верный способ уничтожения преданнейших родине и Сталину людей, как вредителей и троцкистов. А поскольку только он знал настоящий принцип, как отличить одних от других, то никто не мог к нему придраться.

Лазарь всегда был озабочен надёжностью своего окружения. Роза была приставлена к Сталину, и Хрущёв всегда находился под рукой. Лазарь теперь вспомнил о брате Михаиле и перевёл его на работу в Москву в качестве заместителя Наркома тяжёлой промышленности. Чтобы ещё больше усилить влияние клана

Кагановичей он назначил своего старшего брата начальником Главного управления авиационной промышленности. Эта должность открыла Михаилу Кагановичу дорогу в высшие эшелоны власти: он стал членом ЦК КПСС.

Юрий тоже не был забыт. Всемогущий младший брат перевёл Юрия в Москву и предоставил ему работу в Наркомате Внешней Торговли.

Вскоре стало ясно, что Москва превращалась в место сосредоточения клана Кагановичей, и некоторые члены Политбюро не без основания видели в этом угрозу для самого Сталина и предупреждали его. Но Сталин доверял Кагановичу. Опасения соратников его не насторожили.

Михаил в 1937 году стал Наркомом Оборонной промышленности и по решению Сталина был командирован в Вашингтон, чтобы ознакомиться с работой авиационных заводах и новой технологией. Одновременно он должен был прозондировать почву на предмет полётов советских самолётов через Северный полюс в Соединённые Штаты. Лазарь полностью одобрил решение Сталина направить Михаила в США. Сталин сначала предложил поехать самому Лазарю, но тот отклонил предложение. Он объяснил это тем, что очень занят государственными делами в Москве. Накануне отъезда Михаила Лазарь поделился с Марией своими мыслями:

– Я никак не могу отлучиться. Неизвестно, что в моё отсутствие может предпринять Сталин. Многие люди стараются настроить его против меня. Если я уеду в Америку и буду только на полпути к Парижу, они уже найдут тебе нового мужа.

И всё-таки это решение далось ему нелегко. Ему очень хотелось встретиться с дядей Лёвиком и узнать, как он живёт. Да и жив ли он? Ему уже было под девяносто. Лазарь очень хотел видеть и его и Морриса.

– Он, наверно, давно женат и у него уже взрослые дети. – Говорил он Марии: «Наверно его дети старше меня, когда я ушёл из Кабанов».

В то же время ему было приятно сознавать, как многого он добился по сравнению со своими родственниками. О нём периодически писала газета «Нью-Йорк Таймс», которая зря никому положительный имидж не создаёт, но только своим, а о дяде Лёвике и Моррисе «Нью-Йорк Таймс» не пишет ничего. Эта мысль развлекала Лазаря.

Михаил уехал в составе делегации из пятнадцати человек. Накануне он сказал Лазарю, что мог бы разыскать и навести родственников в США. С этой целью он даже поехал бы в Нью-Йорк. Лазарь знал, что Михаил не так стремился встретиться с

родственниками, как увидеть Нью-Йорк.

А для Михаила эта поездка была возможностью отыграться пред Лазарем. Михаил был очень честолюбив. Он очень переживал, что его младший брат недосягаемо оторвался от него и всем свои продвижениям Михаил обязан Лазарю. Эта поездка была для Михаила лебединой песней. Именно он будет представлять советское правительство. Он встретится с дядей Лёвиком и дядя Лёвик увидит, кто из них более важный племянник. Имя Лазаря печатается в газетах, но Михаил он вот, здесь, в Америке! Михаил даже сам не полностью понимал, как глубоко сидели в нём эти чувства. Юрию же было всё равно, у него была семья, дети, и остальное его просто не интересовало.

Лазарь в течение двух недель с нетерпением ожидал возвращения брата. У него на руках были ежедневные отчёты о перемещениях и встречах Михаила Кагановича в США. Первые несколько дней он провёл в Вашингтоне, встречаясь с представителями американской администрации и посещал авиационные базы вокруг столицы. Затем он отправился в Нью-Йорк, чтобы постараться разыскать и встретиться с родственниками. Люди, поставленные докладывать о каждом шаге Михаила, хорошо выполняли своё задание. Они даже послали рапорт о посещении им 166-й улицы в месте пресечения с улицей Гранд Конкурс в Бронксе, в Нью-Йорке, и просмотре им телефонной книги этого района на букву «К». На этом рапорт заканчивался. Казалось, никто не знал, кого именно навещал Михаил. Лазарю только оставалось ждать его возвращения.

Лазарь нервничал. Он сильнее обычного срывал своё настроение на окружающих. По этому поводу даже всегда уравновешенный Молотов посчитал необходимым подшутить и бросить несколько язвительных реплик. Сталин, любивший хорошую шутку, тоже подсмеивался над Лазарем. Они прислали ему упаковку американских консервов, которую завернули в газету «Нью-Йорк Таймс», где приводилось его выступление на заседании Центрального Комитета. Но ожидаемого эффекта не получилось, потому что Каганович не знал английского языка. Ради смеха, они даже подстроили встречу Лазаря с представителем американского посольства, который битый час рассказывал ему о Бронксе. Казалось, чем больше он нервничал, тем больше веселились другие.

Наконец, наступил день возвращения Михаила. Лазарь с нетерпением ожидал, что брат привезёт ему горячие приветы от дяди Лёвика, Морриса и других родственников, их настойчивые просьбы приехать к ним погостить и рассказы о том, как весь Нью-Йорк знает, каких высот достиг их близкий родственник

Лазарь Каганович в Москве.

– Ну, как, Михаил, хорошо съездил?

Он старался выглядеть спокойным и делал вид, что больше интересовался деловой стороной поездки. Михаил не знал, с каким нетерпением и беспокойством Лазарь ожидал его возращения.

– Командировка прошла очень плодотворно, – ответил Михаил.

И он начал долго рассказывать об увиденных достижениях американской техники. Лазарь откинулся на спинку кресла, но не слушал. Его мысли были далеко. Ему хотелось услышать новости, настоящие новости. Ему пришлось ждать, пока Михаил сам не перейдёт к интересующей его, Лазаря, теме. Нельзя выдавать себя и показывать свои чувства. Михаил говорил битых два часа, явно любуясь собой.

– Веришь, они даже подавали нам блины. Блины с икрой! Горы блинов! У них вообще хорошая еда, особенно курица и мясо. Ничего похожего с нашими. У них мясо нежное и совсем не жилистое. Михаил, естественно, не имел понятия, что всё это уже было ненатуральное.

Михаил хотел ещё что-то добавить, но Лазарь всё-таки не выдержал:

– Ну а как Нью-Йорк? Ты ездил там в какой-то Бронкс?

Михаил с удивлением взглянул на брата. Он знал, что обо всех его шагах докладывали в Москву, но он не ожидал, что слежка касалась даже таких деталей. Он начал рассказывать о поездке в Бронкс, и Лазарь, вздохнув, удобно расположился в кресле. Ему хотелось забросать Михаила вопросами, но он сдержал себя, потому что посчитал, что брат увидит в этом интересе его слабость. Михаил начал издалека. Он начал рассуждать о Нью-йоркской архитектуре, о сутолоке и бесконечном потоке людей и машин, и о том, что Нью-Йорк резко отличается от Вашингтона, центр которого очень консервативен, а в остальном это город негров. Лазарь подумал, что его брат – весьма посредственный человек, не способный схватывать суть дела, что без помощи всемогущего Лазаря Михаил бы всю жизнь просидел бы на должности низко разрядного аппаратчика в какой-нибудь дыре.

– А твоя поездка в Бронкс? – всё-таки не утерпел Лазарь.

Наконец, Михаил перешёл на интересующую Лазаря тему.

– Очень интересная поездка. Даже не знаю, почему. В телефонной книге я не нашёл ни одного Кагановича. Там были номера телефонов каких-то Каганов, но они ничего общего, как выяснилось, не имели с нашей семьёй. На самом деле, мне не

удалось найти никого из наших, в том числе, и дядю Лёвика.

Сердце Лазаря почти остановилось…

– Но он сам нашёл меня.

Лазарь не поверил своим ушам и уставился на брата. Михаил продолжал:

– Какой-то человек позвонил в гостиницу, где я остановился, и оставил для меня свой номер телефона. Это был дядя Лёвик. Он дал мне свой адрес. Лазарь, это было так странно! Я приехал в Бронкс и встретился с дядей Лёвиком. В его квартире никого не было кроме какого-то незнакомого мужчины. По-моему, нас даже не представили друг другу.

– Как дядя Лёвик? – перебил Лазарь.

– Отлично. У него по-прежнему маленькая бородка, но теперь она совсем седая. Он весь поседел. Ты же знаешь, ему уже девяносто три, но выглядит он на сорок три. У него всё тот же тихий и спокойный голос. И, самое интересное, он занимается семейным бизнесом и, похоже, вполне уверен в себе. И он знает о тебе.

Лазарь напряг слух.

– Он читает все газеты и следит за всеми твоими продвижениями.

Михаил сказал последнюю фразу почти с неохотой. Лазарь ждал, что брат продолжит и расскажет об этом поподробнее, как дядя Лёвик гордился им, радуется его успехам и одобряет их. Но мысли Михаила были далеко от этого.

– Он объяснил, почему их фамилия отсутствует в телефонной книге. Они изменили написание фамилии на английский манер, и её ещё не внесли в телефонный справочник. Теперь их фамилия произносится как «Кахановитц».

– Лазарь нахмурился: «Кахановитц? Что это за фамилия?»

– Не все так переделали фамилию. Семья разъехалась, только дядя Лёвик остался в Нью-Йорке, потому что там его держит семейный бизнес. Это связано с пошивкой женского платья. По-моему, у него целая фабрика. Типичный капитализм. Я не совсем понял, что он говорил, но большинство из нашей семьи живут по другим городам. Он не объяснил, в каких именно. Они тоже имеют частные бизнесы, но он не стал вдаваться в подробности.

– А ты видел Морриса?

– Нет, он тоже переехал. Всё, что я знаю, это то, что он обручился с Ханой Гутман из Мозыря, Помнишь, мы об этом что-то слышали? У него уже есть внуки. Ты поверишь, что дядя Лёвик теперь великий Зайда?

– Ну а где все остальные? Почему мы о них ничего не знаем?

Михаил внимательно посмотрел на Лазаря. Ему ещё многое

предстояло рассказать, и он не был уверен, что Лазарь правильно это поймёт.

– Может быть, тебе неприятно это слышать, но он не хотел, чтобы ты знал, особенно ты. Позволь, я объясню.

Михаил вздохнул.

– Они боятся тебя, Лазарь. Боятся, что из-за тебя, у них будут большие неприятности. Их возьмут и заставят уехать обратно, и, в конце концов, они окажутся в Сибири. Мне показалось, что дядя Лёвик понимает в наших делах намного больше среднего американца, как и вообще все, кто там из России. Поэтому семья изменила фамилию, и наши родственники разъехались по всей Америке, туда, где их никто не знает.

Лазарь нахмурился.

– Понимаешь, они работают на себя. Никто из них не платит никаких налогов, и вообще не заполняет ни каких правительственных документов. Поэтому они не хотят, чтобы кому-то было известно, чем они занимаются и где живут. Думаю, что они никогда не платили налогов, но они боятся, вернее они просто в ужасе, что это всплывёт, и их тогда вышлют обратно.

– И американское правительство может это сделать? – наивно спросил Лазарь.

– Нет, они думают, что это можешь сделать ты. Они тебя боятся. Боятся почти до умопомешательства. Моррис, который является вторым лицом в семье после дяди Лёвика, постановил, что никто из родственников не имеет права ездить за границу, получать заграничный паспорт или визу, и никто не должен поддерживать связь с бывшей страной своего проживания. В общении между собой они не доверяют ни телефону, ни почте: всё делается на личном контакте, в доме при закрытых дверях. Полная конспирация.

Михаил остановился, чтобы перевести дыхание.

– А как же сам дядя Лёвик? Ведь он позвонил тебе?

Михаил рассмеялся.

– Ты же его знаешь. Он сам себе хозяин и никого не слушает. Что ему терять в девяносто три года? Что, дать ему дрожки и послать в Сибирь, возить лёд в Москву?

Лазарь улыбнулся, добрый, старый дядя Лёвик! Слава богу, хоть у него осталось чувство юмора.

– Расскажи мне про Морриса.

– Всё, что я знаю, это то, что он живёт не в Нью-Йорке. Он имеет, вернее, имел четверых детей: один ребёнок умер. И у него двое внуков. Всё, что я знаю, что он от тебя в страхе. Слова, которыми он тебя называет, не являются комплиментами. Такое ощущение, что он знает всё, что происходит. Не знаю, каким

образом, но он в курсе всех наших дел.

– Неужели он действительно думает, что я смогу повредить ему или кому-нибудь ещё из нашей семьи? Дядя Лёвик так не считает. Почему же Моррис другого мнения?

Лазарь выглядел подавленным. Он всё крепче и крепче накручивал на ладонь свои чётки.

– Михаил, они, что, нас совсем не понимают? Мы же одна семья. Разве это не превыше всего?!

Он посмотрел на потолок, а когда опустил глаза, заметил Розу, стоявшую в дверях. Она узнала, что Михаил вернулся, и пришла повидаться с ним. Лазарь не знал, как долго она там простояла, но по её взгляду он понял, что она слышала их разговор.

– Но они хотя бы знают, что мы живы, а? – Он поперхнулся. – Знают, что мы здесь выжили.

Он посмотрел на брата и сестру.

– Но почему они не доверяют нам, почему?

Михаил и Роза переглянулись.

– Нам? – И Роза покачала головой.

Рассказ Михаила оказал как раз обратное влияние на Лазаря, и он ещё больше ушёл в работу. С ещё большей ожесточённостью он стал вмешиваться во все государственные дела. Он даже добился от Сталина награды для Михаила за его удачную поездку в США. Действия Лазаря не всегда были основаны на логике.

В честь своего пятидесятилетия Михаил был награждён орденом Трудового Красного Знамени за огромные заслуги в развитии авиационной промышленности СССР и за организацию безостановочного перелёта из Москвы в Николаевск-на-Амуре. Все официально поздравляли Михаила и вручили ему поздравительное письмо, подписанное известными советскими авиаторами. Михаил был очень рад, а Лазарь очень надеялся, что новость как-нибудь дойдёт и до Бронкса.

Тем временем, в стране происходили большие перемены. К апрелю 1938 года Лазарь Каганович считался третьим человеком в советской иерархии, впереди Ворошилова, но позади Сталина и Ежова, сменившего Ягоду. Лазарь был занят во многих областях. После смерти Орджоникидзе он занял пост Наркома Тяжёлой промышленности. В последующем он стал Наркомом Топливной Промышленности и Наркомом нефтяной промышленности. Таким образом, охватив огромную сферу влияния, братья Кагановичи контролировали всю главнейшую промышленность плюс внешнеэкономические связи.

Но, Ежов, став наркомом НКВД вместо троцкиста Ягоды, нанёс по троцкистам основной и разгромный удар. Однако ему

это не прошло даром. В конце 1938 года скрытые троцкисты свалили Ежова с должности наркома НКВД, а затем окончательно добили, расстреляв его в 1939 году. Вместо Ежова троцкистам удалось опять поставить своего человека, грузинского еврея Лаврентия Павловича Берия, у которого мать была еврейкой. Ежову удалось продержаться на этом ключевом посту наркома НКВД всего два года. Но за эти два года Ежов обезглавил троцкистского дракона. Сталин же не смог защитить человека, который фактически спас страну от троцкистского контрреволюционного переворота и спас лично Сталина. В результате уничтожения Ежова Каганович передвигается ступенькой выше. В августе 1938 года Лазаря Кагановича назначили заместителем Председателя Совнаркома. Об этом сразу протрубила “Нью-Йорк Таймс», которая всегда была официальным рупором троцкистов и неотроцкистов. Официально Лазарь становился вторым после Сталина человеком в государстве. Теперь Лазарь мог судить в открытую обо всех и обо всём. Однако все его высказывания оставались в согласии с мнением Сталина и его желаниями, о которых он узнавал самый первый, от своей сестры Розы. На открытии парка культуры и отдыха имени Горького Лазарь Каганович сказал:

«Мы построили много заводов, тогда как Германии пришлось закрыть свои старые заводы. Это произошло потому, что Германия стала выплачивать свои проценты по иностранным долгам. Если бы мы начали выплачивать проценты по царским долгам, отменённые революцией, то всех наших зарабатываемых денег не хватало бы даже на уплату процентов по этим долгам.

Мы боремся за мир, как ни одно другое правительство. И теперь в наших руках есть танки, способные разгромить врага. Теперь у нас есть самолёты, и даже самолёты, способные настичь врага на его собственной территории. Наши отношения с Японией становятся всё хуже. Вспомните, как в 1904 году японцы вероломно напали на русские войска в Порт-Артуре? Но царское правительство было дурацким правительством. Теперь враг будет иметь дело с Советским правительством. Если японские генералы попробуют наши границы, они узнают силу Красной Армии. Теперь, другие страны в своей политике должны учитывать силу Красной армии, вооружённую самым современным оружием – танками, орудиями и химическими средствами».

Интересно, что в конечном итоге основным противником Японии стали США. Каким же образом, во Вторую Мировую Войну первое в мире государство рабочих и крестьян оказалось в одной упряжке с первым в мире оплотом империалистов и капиталистов, с «акулами» Уолл-стрита? Хотя и необразованный,

Лазарь знал ответ на этот вопрос, иначе бы он не выжил на своём месте. Поэтому Лазарь и ускорял и обеспечивал всё, чтобы превратить Германию в Советскую Германию. Гитлер нанёс по троцкистам в Германии ещё более сильный удар, чем Сталин. Теперь, акулы Уолл-стрита были заняты организацией взаимного уничтожения отбившихся от рук СССР и Германии. Это им вполне удалось.

После неудавшейся Троцкому революции в Мюнхене, в 1923 году немецкие троцкисты подняли мятежи в Саксонии, Тюрингии и Гамбурге. Однако Троцкий был уже болен. Это заблокировало помощь германским товарищам и привело к разгрому мятежников. По Версальскому миру Германию разобрали на части. Немецкий народ был нищ. Всё заработанное уходило на выплату процентов Уолл-Стриту. В Германии было 6 миллионов безработных – каждый десятый человек. В 1930 году за германских коммунистов, подчинявшихся СССР, проголосовало 4,5 миллиона человек. За Гитлера проголосовало 6.5 миллиона человек. Однако банкирам с Уолл-Стрита было всё равно, главное, им надо было убрать в СССР Сталина. Поскольку этого не смог сделать Троцкий, то им было всё равно, кто это сделает, Гитлер или вождь немецких коммунистов Тельман. Банкиры с Уолл-Стрита финансировали и Тельмана, и Гитлера, причём сам Гитлер, возможно, не догадывался об истинном происхождении поступающих в партийную кассу денег. И в 1933 году Гитлер, предложивший германскому народу реальную программу выхода из нищеты, пришёл к власти.

В 1936 году был организован испанский вариант «мировой революции» Троцкого. «Республиканцев» в Испании, под которыми скрывались местные троцкисты-интернационалисты, поддерживали США, Англия и Франция, и, естественно, СССР, в котором, несмотря на ежовский разгром, троцкисты никогда не упускали своего контроля над аппаратами НКВД и Комиссариата Иностранных Дел. Ежов, конечно, нанёс сокрушительный удар троцкистам-интернационалистам в СССР, если бы Ежов этого не сделал, то Вторая Мировая война показалась бы ещё цветочками. Гитлер решительно выступил на стороне националистов генерала Франка. Этим Гитлер дал понять акулам Уолл-стрита, что он не собирается выполнять приказы интернациональной мафии. Война между СССР, который под руководством Сталина тоже взял националистический курс развития, и Германией стала неизбежной. США и Англия запечатали судьбу СССР и Германии. Теперь всё дело было за троцкистской «пятой колонной» в обеих странах.

23 августа 1939 года в десять часов утра Лазарь стоял на

краю посадочной полосы подмосковного аэродрома. Кругом были выстроены оцепления внутренних войск, и двадцать пять школьников с огромными букетами цветов нетерпеливо переминались с ноги на ногу в ожидании гостей. Лазарь взглянул в голубое и чистое подмосковное небо. Строго по графику на посадку заходили два огромных Юнкерса-88. Немцы как всегда были очень пунктуальны. Лазарь высоко ценил это качество. Прилетал Министр Иностранных дел Германии Иоахим Риббетроп. Предстояли переговоры по заключению мирного договора между Германией и Советским Союзом. Два самолёта приземлились один за другим. Встречающих возглавлял Молотов, лысина которого сияла в лучах августовского солнца. Молотов со своими сто шестьюдесятью сантиметрами роста изо всех сил пытался казаться выше, это был исключительный пример советского стоицизма. Он тоже очень хотел казаться английским джентльменом. Всего лишь несколько месяцев назад Молотов был поставлен вместо Литвинова (настоящее имя Мейр-Генох Мовшевич Воллах-Финкельштейн) на посту Наркома Иностранных Дел. Литвинов управлял иностранными делами СССР очень просто. В отличие от Лазаря, Литвинова в СССР никогда не было. Он был тем, что троцкисты называли «профессиональным интернационалистом-революционером». Литвинов была одна из его десяти фамилий. Он родился и всю жизнь провёл за границей. По-русски Литвинов почти не говорил и предпочитал изъясняться по-французски или по-английски. Литвинов был настолько независимым от своей страны человеком, опиравшимся, как и Троцкий на заграницу, что он вообще проводил свою собственную внешнюю политику, не спрашивая даже Сталина. Сталин долгое время ничего не мог с ним сделать. Слишком высокие были покровители у Литвинова. Но в данной ситуации Адольф Гитлер не считал его, интернационального еврея, родившегося в Польше, и даже не говорящего по-русски, приемлемым партнёром на переговорах.

Воспользовавшись этим обстоятельством, Сталин, наконец, избавился от через чур независимого Литвинова.

Гитлер прекрасно знал, что Троцкий и Литвинов – Воллах, строго говоря, всегда являлись гражданами Соединённых Штатов Америки. Об этом каждый может узнать, если достанет ежегодный американский альманах «Кто есть кто в американском еврействе», за тридцатые годы, где как американские граждане записаны и Троцкий и Литвинов. Гитлеру прекрасно был известен общий расклад в предстоящей мировой войне: с одной стороны интернациональная финансовая мафия, имеющая своей штаб-квартирой банки Нью-Йорка и Лондона, а с другой стороны

отдельные государства: Германия, Испания, Япония и СССР, пытающиеся выбраться из интернациональной кабалы. Ни для кого не было секретом, что Гитлеру помогли придти к власти банкиры с Уолл-Стрита для вполне определённой цели: он должен был напасть на СССР с целью устранения Сталина. После этого, уже без помощи Гитлера Сталин был бы заменён на Троцкого, который в это время развивал бешеную деятельность за границей. Как всегда в распоряжении Троцкого за границей были неограниченные суммы денег и масса верных последователей на всех уровнях власти в СССР. Однако, придя к власти, Гитлер резко изменил курс и перестал оправдывать надежды, поставивших его у руля. Идея возвращать Троцкого к власти, о ком он даже слышать не мог, тоже не привлекала Гитлера ни в малейшей степени. Гитлер всего за полгода накормил, одел и согрел нищую и голодную Германию. Народ поверил в него и пошёл за ним. Международные банкиры поняли, что они теряют две главные страны: и СССР и Германию. Этого они не могли допустить. Сразу после прихода Гитлера к власти, в августе 1933 года в Голландии, был созван срочный Еврейский Экономический Конгресс. Это Конгресс специально был созван, чтобы организовать всемирную еврейскую экономическую войну Германии – бойкот. На Конгрессе выступил американский миллиардер и еврей Унтермайер, который и объявил всемирную еврейскую войну Германии ещё в 1933 году. Для евреев это не было добровольным делом. Каждый еврей во всех странах был обязан причинять ущерб Германии и её представителям. В противном случае данный еврей лишался поддержки своей общины. В Америке в магазинах сразу исчезли с полок качественные германские товары вплоть до женских чулок. После этого в Америке был сбит из противотанкового ружья немецкий дирижабль «Зеппелин», прибывший туда с дружественным визитом. Затем во Франции убивают немецкого дипломата. Антигерманская истерия снова, как и первую мировую войну, приняла мировые масштабы. В этих условиях Германия взяла единственно верный курс – мирный труд и подготовку к неизбежной войне. В эти годы германская промышленность была самой эффективной в истории всех стран. Германия никаким образом не была заинтересована в скорейшем начале войны. Мир давал Германии отсрочку от нападения Англии, или того, кого они изберут для этой миссии.

Перед визитом министра иностранных дел Германии Риббетропа в СССР, к Гитлеру в Германию приезжал премьер-министр Англии Чемберлен. Чемберлен был сознательным агентом, или комиссаром англо-американских банкиров. Он вошёл к Гитлеру как хозяин, и без всяких этикетов спросил:

– «Вам что было сказано? Вы должны были напасть на СССР! А вы что делаете? – Вы наращиваете военно-индустриальную мощь своей страны!»

Гитлер долго молчал… Затем он сказал:

– «Мне нужно подготовиться…» и ушёл, дав понять, что разговор исчерпан.

Присутствовавший при разговоре Риббентроп, умно записал разговор Чемберлена и Гитлера на магнитофон. Хозяевам Чемберлена было всё равно, кто на кого нападёт: Германия на СССР или СССР на Германию, поэтому 11 августа 1939 года английская военная миссия прилетела к Сталину, уговаривать того напасть на Германию. Переговоры в Москве с англичанами продолжались несколько дней. Дело дошло до того, что Ворошилов уже урегулировал вопрос прохода советских войск через Польшу и Румынию для нападения на Германию. Узнав об этом, Риббентроп взял магнитофонную плёнку с разговором Чемберлена и Гитлера и срочно полетел лично к Сталину. Риббентроп хотел предотвратить войну между Германией и СССР, давно планировавшуюся в руководящих кругах Англии и США. Сталин прослушал плёнку. Договор о ненападении между Германией и СССР тут же стал свершившимся фактом. США и Англия были в полном шоке.

Дверь самолёта распахнулась и из неё вышли около тридцати высших офицеров в форме. Последним был высокий, худой человек с зонтиком в одной, и шляпой в другой руке. Это и был Иоахим фон Риббетроп. Он был единственный в штатском в тёмно-синем костюме.

Лазарь улыбнулся, благодаря Берии, он знал об этом человеке всё. Родился в Германии, учился во Франции. Работал в США и Канаде. Настолько произвёл впечатление на Гитлера своей феноменальной памятью, что тот доверил ему всю внешнюю политику. У Риббентропа была исключительная память. Он никогда ничего не записывал. Он всё помнил наизусть. Риббентроп владел несколькими десятками иностранных языков. В частности, Риббетроп свободно говорил по-русски. Когда американцы победили и взяли в плен всё, оставшееся в живых германское руководство, то они начали их подвергать всяким анализам и тестам. В том числе, они подвергли пленное руководство Германии тесту на определение коэффициента умственного развития – «АйКью» (Интеллидженс Квотент). Результаты произвели на американцев впечатление. Результаты тестирования методом «АйКью» выражаются «горным пиком»: большинство нормальных людей имеют умственный коэффициент от 90 до ста баллов. Меньше людей имеет коэффициент от 100 до

115 баллов. Совсем мало людей имеют коэффициент от 115 до 130 баллов, и вообще почти никто не имеет коэффициент больше 130 баллов. Более 140 – это единичные гении. Конечно, к любому тесту можно подготовится, поэтому важно брать тест на неподготовленном человеке, как это и было в случае с руководителями германского государства. Коэффициент умственного развития Иоахима Риббентропа был 129 баллов.

Коэффициент умственного развития Германа Геринга – 138; Кальтенбруннера -113; Хьялмара Шлахта 143; Артура Зейсс-Инкварта -141; Карла Дёнитца-138; Франца фон Паппена-134; Эрика Редера-134; Др. Ганса Франка-130; Ганса Фриче-130; Бальдура фон Шираха-130; Адмирала Вильгельма Кейтеля-129; Альберта Шпейера-128; Альфреда Йодля-127; Константина фон Ньюрата-125; Вальтера Функа-124; Вильгельма Фрика-124; Франца Заукеля-118; Юлиуса Штрехера-106. Это было самое умственно развитое правительство всех времён и народов. «АйКью» Хрущёва и самого Лазаря очень благоразумно никто и никогда не определял.

.

Банкеты и встречи шли одна за другой. Для Лазаря это была первая международная встреча на высоком уровне, и он решил держаться в стороне, только слушая и наблюдая. Риббентроп был мастером своего дела, и Лазарь даже не осмелился с ним говорить. Большинство разговоров было по поводу раздела Польши между СССР и Германией. Какие территории отходили Германии, какие к СССР, где проходят границы. Обо всё этом Лазарь имел самое смутное представление. По этому договору к СССР переходила Прибалтика, Финляндия, и часть Польши в виде Западной Украины и Западной Белоруссии. Германия тоже получала свою часть Польши, в частности часть, более всего интересовавшая Германию – Данцигский коридор. До Первой Мировой Войны Германия владела всем побережьем Балтийского моря вплоть до Восточной Пруссии. Польша не имела выхода к морю. По Версальскому договору Англия и США отрезали у Германии побережье в проекции Польши. Теперь же, по договору между СССР и Германией, Германия возвращала себе эту искони немецкую землю. СССР получал восточную часть Польши, своей бывшей имперской территории, которая стала Западной Украиной и Западной Белоруссией. С советской стороны всем руководил Молотов, но он не выдерживал никакого сравнения рядом с Риббентропом. Риббентроп сидел за длинным столом, по обе стороны которого находились его многочисленные помощники. Однако он их ни о чём не спрашивал. Казалось, он вообще не нуждался в помощниках. Все говорили только с

Риббентропом.

Молотов же постоянно должен был сверяться с многочисленными комитетами, почему встреча и затянулась на целую неделю. В прессе часто можно слышать, так называемое осуждение «Мюнхенского сговора», когда за год до этого, в 1938 году Англия и Франция были вынуждены вернуть Германии исконно германские Судетские земли, которые по Версальскому договору 1919 года Англия и Америка откромсали у Германии. По настоящему предательским сговором, был Версальский договор 1919 года. Версальский договор подводил итоги Первой Мировой Войны и отрезал от Германии большие территории, ставя её в такие невыносимые условия, что она не могла не стремиться вернуть себе свои исконно немецкие земли, за что её тут же обвинили в оккупации своих же собственных земель. Самое интересное в Версальском договоре было то, что остаётся загадкой дипломатии: Германия была проигравшей стороной – с этим всё ясно. Однако Россия – всю первую мировую войну сражалась против Германии, понесла наибольшие потери, и осталась за бортом дележа. Советскую Россию в Версаль даже никто не пригласил. Создаётся впечатление, что большевистское правительство отказалось от своей доли на Версальском дележе в обмен на негласную материальную поддержку своего кровавого режима. Это уже была прозападная дипломатия Троцкого, который всегда был человеком Запада. Он пришёл с Запада, ушёл на Запад и всегда финансировался Западом.

Сталин никогда не появлялся на переговорах. Казалось, что он и Гитлер уже имели согласие по поводу того, что предусматривалось обсудить. Это действительно было так. После прослушивания плёнки Риббентропа Сталину стала ясна вся гнусность англо-американской игры. Сталин присутствовал только на заседаниях ЦК, где кратко обсуждался ход переговоров. Каждый в Советском правительстве полностью одобрял переговоры с Германией. Только Берия, самый новый член Центрального Комитета, казалось, не соглашался с тем, что он слышал. Он даже осмелился выступить с длинной речью о, якобы, далеко идущих намерениях Гитлера. Лазарь очень удивился. Он не ожидал такой прыти от новоявленного члена ЦК. Последний раз подобное выступление позволил себе он сам, когда высказался против Крупской. Лазарь, откинувшись в кресле, наблюдал за Берией. Ему импонировала агрессивность Берии, но он отлично знал, что с этим человеком следовало обращаться очень осторожно. Лазарь понимал, что он, Лазарь, гораздо моложе Сталина и видел в Берии очень опасного претендента на власть.

31 августа между Советским Союзом и Германией был подписан «Пакт о Ненападении». В Кремле по этому поводу провели огромный банкет, на котором присутствовал сам Риббентроп. Банкет завершился в три часа утра. Хозяева США и Англии были в страшном шоке. Они не могли и отказывались в это поверить! Объединённый фронт интернациональной, глобальной мафии, оплот которой всегда находился в Нью-Йорке и Лондоне, был под реальной угрозой. Настал критический момент. Однако хозяева этого мира были не из тех людей, которые не имеют других, запасных вариантов для достижения нужной цели.

На следующий день, 1 сентября 1939 года, согласно подписанному договору, германские и советские войска одновременно вошли на территорию, по Версальскому договору принадлежавшую Польше. Германские и советские войска действовали строго одновременно, синхронно и даже участвовали в совместных военных парадах на оккупированных территориях. Однако в ответ на этот совместный демарш СССР и Германии, 3 сентября 1939 года Англия и Франция объявили войну только и только Германии! А это уже был шок для Гитлера! Гитлер знал, что сильнейшее троцкистское влияние в Германии и СССР в конце концов столкнёт обе страны. Поэтому Гитлеру было важно, как можно дольше поддерживать мир с СССР, потому что время давало ему возможность эффективно наращивать оборонительный потенциал. Тем временем, он думал обеспечить себе нефть с помощью генерала Роммеля на Ближнем Востоке. И Гитлер совсем не ожидал дипломатического ответа Англии, который эффективно вбивал клин между СССР и Германией. Гитлер понял, что этим гроссмейстерским ходом он попался и ему не избежать того, что он более всего хотел избежать – войны на два фронта. Нелогичное объявление войны только одной участнице совестного пакта о взаимном ненападении и разделе Польши, действительно было гениальным ходом англичан, предопределившим исход войны. Вторым ходом, предопределившим исход войны, было вовлечение в войну Америки – это было делом американских секретных служб. Всё остальное – было только делом времени.

ГЛАВА 5

В ночь на 22 июня 1941 года в Москве были получены сообщения о переходе германской армией советской границы. В 3:30 маршал Г.К. Жуков позвонил Сталину. Трубку никто не снял. Тогда он позвонил Кагановичу. Тот оказался на месте. Жуков доложил обстановку и попросил разрешения открыть встречный огонь. Ответом было молчание.

– Вы меня поняли? – спросил Жуков.

Опять молчание.

– Вы вообще понимаете, что происходит?!

Лазарь находился в оцепенении. Он пытался собраться с силами, чтобы задать хоть какой-нибудь вопрос.

– Где Нарком Обороны?

– На проводе с Киевским Военным Округом.

– Немедленно приезжайте в Кремль. Я свяжусь со Сталиным.

В 4:30 утра собрались все члены Политбюро. В конце стола сидел Сталин, он был пепельно-серым и с красными глазами. В руке он мял свою трубку. Все молчали и смотрели на Сталина. Наконец, Сталин произнёс: «Надо немедленно позвонить в германское посольство». Он кивнул Молотову, тот встал и вышел из кабинета. Через несколько минут он вернулся.

– В посольстве сказали, что посол Германии граф фон Шелленбург просит немедленной встречи для передачи неотложного сообщения.

Сталин опять кивнул, и Молотов быстро вышел. Ему предстояло принять германского посла. Все члены Политбюро продолжали сидеть на своих местах, изредка переглядываясь друг с другом. Было тихо, каждый предавался своим мыслям. Всё происходившее казалось чем-то нереальным, каким-то кошмаром. Только у Берии было торжествующее выражение лица. Он ухмылялся в потолок. С отставкой Литвинова-Воллаха, Берия вообще лучше всех знал об истинных международных отношениях СССР с Англией и США, именно поэтому он и оказался на своём посту.

Вернулся Молотов. Он обратился только к Сталину:

– Германия объявила нам войну!

Сталин опустил голову. Жуков встал. Говорил он быстро, как будто предварительно подготовился.

«Военный опыт на стороне Гитлера. Инициатива тоже на его стороне. Качество и количество войск, безусловно, тоже в его пользу. В его руках сейчас потенциал всей Европы».

22 июня Молотов выступил по радио. Его высокий,

монотонный голос не был особенно воодушевляющим. Он закончил так: «Правительство обращается к вам, граждане Советского Союза, сплотить свои ряды вокруг славной коммунистической партии и советского правительства. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Третьего июля к нации обратился Сталин:

– Товарищи! Братья и сёстры! Солдаты и матросы! Я обращаюсь к вам мои друзья! – Его речь кончалась словами: «Вся сила нации – на уничтожение врага. Вперёд, к победе!». – Здесь они все вспомнили о нации.

… Германская армия быстро продвигалась в глубь СССР. Лазаря, с его знанием Украины, направили в Киев для контроля над транспортом, горючим и другим военным материалом. Лазарь не ожидал увидеть то, что он увидел на Украине. Жители на границе приветствовали немцев как освободителей, «как друзей, которые пришли освободить нас от советского ига». Приходили сообщения, что население снабжало немцев едой и предоставляло места для постоя. Узнав о такой ситуации, Лазарь распорядился о немедленной эвакуации еврейского населения из пограничной зоны на всём протяжении западного фронта. Другое население мало интересовало Лазаря. Сталин не стал противиться. Лазарь понял, что Сталин не был против того, что евреи будут эвакуированы из прифронтовой зоны. Сталину было прекрасно известно, что в самой Германии, которая воевала с Англией и Францией с 1939 года, евреи ведут партизанскую войну внутри страны, стреляют в спины немецким солдатам, травят системы водоснабжения и ночами жгут костры, наводя на цели английских бомбардировщиков. Поэтому Сталин ничего не возразил против этой эвакуации евреев. В любом случае, рассуждал Лазарь, будет лучше, если евреев эвакуируют в тёплую Среднюю Азию. Всё, что советское еврейское руководство делало в первые дни и недели войны – оно эвакуировало евреев из европейской территории и свои семьи. Всё остальное их не интересовало.

Лазарь очень надеялся, что евреи ещё вспомнят, кто спас их в критический момент. Однако в последующем этого не случилось, и Лазарь очень переживал по этому поводу. Лазарь знал, что Гитлеру хорошо известно, что из себя представляла Советская Россия. То уничтожение русского народа и превращение оставшегося населения в рабов, прикованных к тачкам, которое советская пропаганда стала приписывать Гитлеру, уже успешно осуществлялось советской еврейской диктатурой с самого 1917 года. В Советской России даже не было выходных дней, и за невыполнение производственных планов расстреливались даже

дети.

Вместо организации обороны еврейское руководство СССР в открытую перестало даже формально подчиняться Сталину и лихорадочно занималось эвакуацией своих родственников и вообще евреев из западной части СССР, где исторически проживали миллионы евреев. Они не успокоились, пока не переселили всех евреев. Когда гораздо позднее, в 70-х годах, начал возникать миф о Холокосте, то он, вследствие этого, не получил хождения в СССР, но только в Америке, которая вообще не имела никакого понятия об этой войне. Именно благодаря Лазарю Кагановичу еврейский народ потерпел жертвы только в той своей части, которая касалась только немецких евреев, которым Каганович ничем помочь не мог. Гитлер, вследствие открытой партизанской войны, поднятой против него еврейским населением Германии, с продвижением на восток, стал эвакуировать их на только что оккупированные территории Польши и СССР. Но это не были советские евреи. Это были перемещённые немецкие евреи. Они находились в пересыльных лагерях, и никогда не существовало никакого приказа об их уничтожении. Немецких евреев предполагалось переселить на советскую территорию, а не уничтожать, как это сейчас, задним числом, пытаются внушить. Жертвы среди этой части немецкого еврейства, которые оказались перемещёнными на территорию Польши и СССР, начались, когда немецкие войска под ударами оправившейся Красной Армии покатились назад. Тогда немцам стало просто не до перемещённых евреев, которые начали умирать просто от сыпного тифа и голода. Это и есть простая история евреев во Второй Мировой Войне, каковая раздута в Америке, до утверждения того, что, дескать, Вторая Мировая Война, это вообще только история уничтожения Гитлером еврейского народа и больше ничего.

Вся оборона была брошена на самотёк. Сталин в такой обстановке вообще потерял всякую власть. Помощники бросили его. Он полностью лишился своего аппарата управления. Позднее, когда американское еврейство предложит свою помощь, советские евреи опомнятся, поймут что не всё потеряно, что у них есть кому за них заступиться, и они снова обретут былое самообладание. Это случилось в декабре 1941 года, когда после Пирл-Харбора Америка официально вступила в войну. Тогда американские евреи получили возможность по так называемому «ленд-лизу», оказавшемуся в итоге безвозмездным подарком, забрасывать СССР вооружением, техникой, боеприпасами, продовольствием и одеждой. В 1972 году президент Никсон простил все 8 миллиардов долларов «ленд-лиза». СССР не выплатил ни цента. В

ценах 1941 года эта сумма равна 8 триллионам сегодняшних долларов. Это была астрономическая сумма, за которую можно было купить не одну Аляску. Немцы эффективно топили американские корабли, направлявшиеся в сторону Мурманска, однако американцы наладили транспортные конвои из Сан-Франциско во Владивосток, и здесь Германия уже была бессильна.

Пользуясь войной, Берия, который всегда был троцкистом, стал осуществлять деиндустриализацию того, что с таким трудом и с такими жертвами было построено в СССР за 10 лет индустриализации. Под шумок, бериевским НКВД был даже взорван Днепрогэс, который вообще никаким образом не увеличивал военный потенциал Германии, а просто лишал света оставшееся население. Берия издал приказ, что при отступлении НКВД должно жечь дома граждан и обеспечить эффективный подрыв всех промышленных объектов. Бериевское НКВД поджигало дома вместе с проживающими там гражданами, которым после этого, ничего не оставалось, как бежать на Восток. Разница только была в одном. Евреи эвакуировались организованным транспортом, с продовольствием и со всеми личными ценностями, а все остальные бежали сами собой, только с тем, что могли унести в своих руках, потому что их дома были сожжены бериевским НКВД. Это не только Германия вела войну против СССР – это Берия и его единомышленники тоже вели войну против СССР и его населения. Германия только оккупировала СССР – бериевское НКВД жгло и взрывало СССР. Берии и его троцкистам надо было создать впечатление, что это немцы несут с собой разруху. Нигде, ни в одной оккупированной немцами стране, никому не пришло в голову жечь свои собственные дома и взрывать собственный промышленный потенциал. Когда война закончилась, вся Европа, кроме разгромленной Германии, вернулась в свои целёхонькие дома и фабрики, и как ни в чём не бывало вернулись к своей довоенной жизни, и только население западной части СССР снова вернулось на руины. Те патриоты, которые действительно хотят освободить свою землю, никогда не будут взрывать то, что создано таким тяжелейшим трудом народа. Берия, не затруднялся объяснениями. Он просто сказал, что ничего не должно достаться врагу. У Берии были свои задачи. Не даром у Лазаря были сведения о том, что Берия был английским шпионом ещё со времени гражданской войны, и смерть 26-ти Бакинских комиссаров на его совести.

Несмотря на отчаянное сопротивление защитников города, Киев был взят. Лазарю удалось уехать обратно в Москву. Он не

узнал столицы: Москва готовилась к обороне. Но больше всего его поразило то, что Сталин уже старался хоть как-то контролировать ситуацию. Под его руководством был создан Государственный Комитет Обороны, взявший на себя всю полноту власти.

К октябрю 1941 года, когда германские войска уже стояли под Москвой, Сталин распорядился эвакуировать из столицы в Куйбышев все Наркоматы. Всем членам правительства и их близким было приказано покинуть Москву. Вся Москва, в зависимости от личных возможностей каждого, эвакуировала своих родственников. В столице царило полное безвластие и хаос. Население грабило, что не успело разграбить руководство и сводило счёты со своими начальниками. Лазарь немедленно эвакуировал своих. Роза, Мария и Майя уехали. Брата Юрия с его любимой семьёй Лазарь вообще сослал от греха подальше в Монголию. Только за две первые недели октября из Москвы выехало боле двух миллионов человек. Брат Михаил, как комиссар авиации, был вынужден остаться в Москве. Только Сталин и самые ответственные партийные руководители остались в столице. В самые решительные дни обороны Москвы Сталин взял в свои руки полную ответственность и контроль. Он обратился к русскому народу, подчёркивая, что они сражаются за свою Родину, свою родную землю. Появилось слово «Великая Отечественная Война», «Родина-Мать». Здесь они вспомнили о русском патриотизме: вспомнили Суворова, Нахимова и славу русского оружия, о которой до этого никто и не заикался. Сталину удалось подчеркнуть значение патриотического долга каждого гражданина Советского государства, а не просто защиту коммунистических идеалов. Даже для Лазаря Сталин теперь выглядел могучей и целеустремлённой фигурой, способной увлечь массы народа для изгнания врага.

Однако казалось, ничто не могло остановить немцев. Сводка от 14 октября сообщала: «В течение ночи 14 октября положение на подступах к столице ухудшалось. Немецкие войска имеют превосходство в технике, и они сломали нашу оборону в нескольких направлениях. У нас нет средств, чтобы остановить их».

По Ленинградскому шоссе немцы дошли до Химок, где теперь построили кольцевую автомобильную дорогу – никто не оказывал им сопротивления. Столица была открыта.

Такой холодной осени и зимы не наблюдалось в Москве в течение десятилетий. Снег, холод, ледяной дождь, делали своё дело. Если бы немцы начали войну в начале мая! Немцы растянулись. Их передовые отряды были в Химках, а тыл был ещё за тысячу километров в Белоруссии. Они слишком успешно

провели наступление. Боезапас кончился, еда и горючее тоже.

«Широко шагаешь – штаны порвёшь» – гласит русская пословица. Так всё и получилось. 6 декабря 1941 года Жуков докладывает: «Ни мы, ни немцы не можем двигаться из-за погоды».

Если бы немцы знали, что Москва уже не в состоянии оказать никакого сопротивления! Однако немцы пали жертвой своего типа мышления. Берлин они защищали до последней капли крови – они ожидали того же и от Москвы. Поэтому они остановились на пороге, напряжённо всматриваясь в бинокли в серые силуэты враждебных домов. Они решили ждать, пока подойдёт тыл. Это был их конец. Начался дикий мороз, а тыл так и не подошёл, он застрял в пятистах километрах и застрял прочно. Тем временем партизаны начали потихоньку трепать немцев. 8 декабря 1941 года Рузвельт устроил Пирл Харбор, и Америка быстренько вступила в войну. Потоки вооружения, боеприпасов, техники, продовольствия и одежды хлынули в СССР. Когда немцы к весне оттаяли, от подмосковной группировки уже ничего не осталось. Они упустили свою историческую возможность. Что-то у них в верхах не сработало. Отсутствие взаимопонимания, или у них тоже имел место саботаж.

Какова была причина провала немецкого «Блицкрига»? – только один ответ – её несомненный первоначальный успех. Представьте себе за первые две недели почти вся советская армия – 4 миллиона человек сдаётся немцам в плен, а если считать и июль месяц, то к августу 1941 года почти вся 5 миллионная советская армия сдалась в плен. Русские сдались почти все. Этого не любят вспоминать, но это факт. Это был феноменальный успех «Блицкрига» и операции «Барбаросса». Вы не понимаете последствий того, что, предположим вы – полководец, и внезапно у вас на руках оказывается 5 миллионов пленных, которых надо охранять, содержать и кормить. Этого не предвидел и Гитлер. В противоположность позднейшей клевете и наветам, немецкие солдаты, в отличие от американской армии, воевали честно и не прибегали к методам противоречащим Женевской конвеции. Они не уничтожали пленных, а взялись организовывать концентрационные лагеря и честно содержать и кормить пленных. У них не было никакого выхода. Предположим, они решили бы уничтожить все 5 миллионов русских пленных, чего они никогда и не помышляли. Это надо было делать только срочно и только на месте. Практически это можно было исполнить только при пленении. Всё равно они должны были бы бросить все наступательные операции и задействовать на это всю армию. Пять миллионов человек за несколько дней не

уничтожишь. На это надо месяцы, если не годы. Затевать это у немецкого командования не было и в голове. Армию нельзя использовать для уничтожения мирного населения – это деморализует армию. Единственная армия которая практиковала это в древнем мире – это еврейская, а в настоящее время – американская. Почему? – Это другой вопрос.

Таким образом, благодаря успеху «Блицкрига», немцы через полтора месяца после его начала и успеха, оказались имея на руках пять миллионов военнопленных, которых надо было размещать, охранять, и кормить; а для этого надо было создавать с нуля на оккупированной территории целую инфраструктуру, потому что бериевское еврейское НКВД разрушило при отступлении всё. Деиндустриализация России была главной задачей скрытых троцкистов НКВД, и они моментально воспользовались удобным моментом. В результате такой свалившейся на них прорвы, нужды немецкого генерального наступления пошли прахом. Немцы оказались перед необходимостью содержать, охранять и кормить не только 5 миллионов военнопленных, но и всё население оккупированных территорий, поскольку бериевское НКВД уничтожило или вывезло всё, включая провиант и весь урожай. А привозить, тоже буквально всё, немцы должны были из самой Германии. Инициатива немецкого наступления поэтому захлебнулась и перешла к русским евреям, которых с Мурманска и Владивостока американские евреи стали забрасывать всем, чего даже не было у американской армии. Моральная сторона у немцев тоже находилась в проигрыше, поскольку они находились на чужой территории, и чем дольше они на ней находились, тем меньше шансов у них оставалось. «Блицкриг» – был их единственный шанс, который они потеряли, заполучив 5 миллионную прорву военнопленных. Представьте себе, если бы русские просто отступили? Тогда они бы не создали немцам такой проблемы, которая разрушила все немецкие планы.

Война разгоралась. После Сталинградской битвы Лазарь поехал посмотреть, что осталось от города. Увиденное превзошло все его ожидания. Советская армия захватила огромные трофеи, в том числе, танки, самолёты и пушки. Для нужд фронта Лазарь конфисковал у населения все транспортные средства плоть до лошадей. Железные дороги оказались заполнены составами поездов, вывозивших военные трофеи в тыл.

За годы войны служебный рост Лазаря продолжался, как и прежде. Он был членом Государственного Комитета Обороны, одновременно – член Военного совета Северо-Кавказского и Закавказского фронтов. На всех фронтах, куда его направляли,

Каганович кровавыми мерами – вплоть до расстрела – добивался повышения дисциплины.

В феврале 1944 года Сталин решил во дворце торжественно отметить двадцать шестую годовщину Красной Армии. Состоялся грандиозный банкет, на котором присутствовали не только крупные советские военоначальники, но и зарубежные гости. Хозяином назначили Молотова, который стоял под огромной хрустальной люстрой и всех приветствовал. В не меньше чем дюжине банкетных залов громоздились горы чёрной икры, осетра, жаркое, дичь, мороженное и шампанское. Ничего подобного в Кремле не было уже десятилетия. В большом зале были танцы и пели известных певцы как Козловский и другие.

После пышного обеда состоялся концерт. Тосты провозглашались на разных языках, но в основном на русском и английском, поскольку основной темой была русско-англо-американская дружба. Американский посол Аверелл Харриман, сам крупный банкир, был в длинном двубортном костюме. Английский посол Сэр Арчибальд Кларк Керр был во фраке. С советской стороны официальным лицом был замминистра иностранных дел Андрей Вышинский, который был в форме советского дипломата.

Лазарь был одет в военный удлинённый китель, который удачно скрывал его полноту. Лазарь потолстел за годы войны, тогда как все наоборот похудели. Усы Лазаря выросли и теперь были размером со сталинские. Он выпил неожиданно для самого себя много водки и разговорился. Вокруг него собрались иностранцы, и Лазарь не хотел упускать такого случая.

– В сравнении с той помощью, которую СССР оказал союзникам, отвлекая на себя основную мощь немецкой армии, ваша помощь Красной Армии – это ничего. Единственное, что требуется от союзников это своевременно выполнить взятые на себя обязательства! Советский Союз несёт на своих плечах всю тяжесть войны. Ваша помощь не играет решающей роли.

Лазаря понесло, он не мог остановиться и обратился к обступившим его корреспондентам иностранных газет:

– Вы не понимаете – сказал он окружавшим его репортёрам. Вы думаете, что это помощь союзников помогла нам отогнать немцев от Москвы? Ничего не может быть дальше от правды. Поставки из США и Англии были медленными. Мы получили только два процента запланированного оттого, что нам было необходимо в момент решающей битвы под Москвой. Мы были сами по себе, и сами выиграли эту битву. Это показывает силу русского народа.

Михаил подошёл к нему сзади и дёрнул за рукав. Лазарь

стряхнул её и показал нетвёрдым пальцем на посла Керра.

– Мы должны так вести войну, как я управляю своей железной дорогой. Мы работаем в три смены круглые сутки напролёт. Мы продолжаем работать даже под бомбами, под снарядами, в любых условиях. Мы никогда не останавливаемся. А вы? Как вы работаете? – В одну смену! Американцы и англичане работают на полставки и никогда не забывают об отдыхе.

Кларк Керр запротестовал, пытаясь объяснить американскую стратегию и американскую кампанию в Италии, но Лазарь его не слушал, вместо этого он вернулся к цифрам об общем количестве союзнических войск и общего вооружения в Англии, и заявил, что они бездействуют:

– Всё, что нам нужно, это машины, которые вбивают железобетонные сваи в землю! – Лазарь бил своим огромным кулаком в стену.

– Машины, которые вбивают железобетонные сваи в землю! – Это всё что нам нужно. От них всё зависит. Мы тоже можем разбить немцев, работая только в одну смену. Всё что нам надо это машины, которые вбивают железобетонные сваи в землю! Это… – Лазарь уже кричал…

Михаил буквально завернул Лазарю руку за спину, и хотя Лазарь был сильнее, тут он не стал сопротивляться. На него надели пальто, нахлобучили шапку и вывели из зала, а он всё продолжал кричать об этих машинах, которые забивают в землю железобетонные сваи…

В октябре 1944 года, когда польская Украина была отвоёвана, Лазарь вернулся в Москву, однако в 1947 году, Лазарь снова был отправлен на Украину. За короткое время Лазарем на Западной Украине было моментально организовано 504, и за следующие 10 месяцев ещё 1150 колхозов. Назначение Лазаря на Украину было связано с национализмом, с которым всегда успешно боролся Лазарь. Как еврей, Лазарь был беспощаден к украинским националистам, поэтому его всегда направляли на Украину, чтобы подавить сопротивление. Ему не даром дали прозвище «железный нарком». Теперь ещё Лазарь был Замом Председателя Верховного Совета СССР.

После победы в Сталинграде паника в правительстве немного улеглась. Признание Черчиллем интересов СССР в Восточной Европе была гарантией для троцкистов, что они теперь развернут своё влияние и в этой части Восточной Европы. Люди Лаврентия Берии уже потирали руки.

21 декабря 1944 года Сталину исполнилось шестьдесят пять лет. В последние пять лет его дни рождения вообще не упоминались в советской прессе и публично не отмечались. Все

знали, что Сталин не становится моложе. Однако этот юбилей поднял вопрос о его возможной смерти. Откуда-то возник вопрос: «Кто будет преемником Сталина?». Муссировалось много возможных кандидатов: Молотов и Микоян; Щербаков А.С, секретарь Московского комитета партии и зав отдела пропаганды; главком Жуков; всего лишь сорокачетырёхлетний Маленков; сорокапятилетний Андрей Жданов, бывший ленинградский секретарь. И, естественно, главные претенденты от скрытой троцкистской мафии: Берия, Каганович и новый человек – Андрей Вышинский, которого особенно толкали в Генсеки. Вышинский был главным прокурором страны. Таким образом, что посты в карательных органах и иностранных делах никогда не уходили из под влияния скрытых троцкистов за исключением случая с Ежовым, который им дорого стоил.

Лазарь знал, что он должен ждать конца войны, пока и военная и политическая пыль улягутся.

Война закончилась. Пришли слухи о смерти американского президента. Но для Лазаря это мало что значило. На самом деле он вообще мало знал иностранных лидеров. Лазарь был специалистом по внутренним делам. На конференции в Ялте были Сталин, Молотов, Вышинский, Громыко, Майский. Лазаря никто не приглашал.

– Кроме этого. – Сказал Молотов: – Кому нужно встречаться с двумя престарелыми людьми? (Черчилль и Рузвельт). Мы уже знаем, что мы получим прежде, чем мы даже сядем за стол переговоров. У них нет другого выбора. В любом случае они не будут возражать.

Победа Красной армии развернула железный занавес по середине Европы. Самое интересное, что этот занавес опустил не Сталин, а Черчилль и Рузвельт. Черчилль и Рузвельт в Ялте целенаправленно отдали Восточную Европу. Они прекрасно знали, что за этим занавесом верные им люди сделают всё что надо, а последствия спишутся на Сталина. «Красный террор» пришёл и в Восточную Европу. На неё опустилась тьма, и реки крови начали течь из под закрытых дверей. Сталин и понятия не имел, что творилось в Восточной Европе. Московские специалисты по иностранным делам интерпретировали ему ситуацию в нужных выражениях. Все руководители новой Восточной Европы были проверенными и испытанными троцкистами, воспитанными в московских интернационалистических школах. Все они были евреями: в Венгрии – это Йено Варга и Матиаш Ракоши (Роценкранц); в Чехословакии – это Сланский, Геминдер и Рейцин; в Румынии абсолютный диктатор Анна Паукер и её заместитель Иосиф

Кишинёвский; в Польше Яков Берман; Восточная Германия вообще непосредственно руководилась оккупационным правительством; Югославия руководилась Мойшей Пияде, Иосиф Тито тоже был еврей, но тогда он был просто желторотым учеником Мойши Пияде. В Восточной Европе, абсолютно те же люди, которые после революции произвели массовый геноцид населения России, после Второй Мировой Войны осуществляли тоже самое и в Восточной Европе.

Внутри страны коммунистическая партия должна была снова столкнуться с довоенными внутренними проблемами в партии и с её надводными и подводными течениями.

По сравнению с военным временем изменилось и руководство государством. Больше уже не назначались комиссариаты для решения каждой отдельной проблемы, когда число наркомов увеличили до великого множества. Теперь четырнадцать «олигархов» заправляли всем: Сталин, Каганович, Молотов, Берия, Маленков, Булганин, Ворошилов, Хрущёв, Андреев, Микоян, Шверник, Вознесенский, Жданов и Косыгин. Они составляли Политбюро.

Лазарю казалось, что вся жизнь большого государства идёт только через него. Однако иногда молния бьёт дважды в один день. Было одно из жарких воскресений августа, когда Михаил пришёл на квартиру к Лазарю. Он появился неожиданно, не предупредив, чего никогда не делал раньше.

Его лицо выражало скорбь.

– У меня плохие новости, – сказал он.

– Что-то с Розой? Юрием? Или твоей женой?

Михаил отрицательно покачал головой.

– Нет. Бери ещё ближе. Я только что получил известие от Фогельсона.

Михаил при этом так посмотрел вокруг, как будто искал места где спрятаться. Лазарь нахмурился.

– Фогельсона? Кто это такой?

Михаил понял, что он не рассказал брату о Фогельсоне.

– Это тот самый человек, которого я видел в квартире дяди Лёвика в Бронксе. Помнишь, я тебе рассказывал? Я только позже узнал его фамилию…

– Хорошо… Фогельсон. И что из этого следует?

Лазарь хотел закруглить разговор и начал поворачиваться, однако Михаил схватил его за руку.

– Это не Фогельсон. Он просто мне сообщил. Это дядя Лёвик. В прошлый четверг он проснулся, начал одеваться, а когда наклонился, чтобы завязать шнурки на ботинках…

Михаил не договорил. Он закрыл глаза, и по его щекам

покатились слёзы. Лазарь в оцепенении уставился на него.

– Лазарь, ведь ему было больше ста лет. По-моему, кто-то сказал, сто два года. Он никогда не болел. Он прожил хорошую жизнь. И так спокойно умереть! Не боли, ничего. Нагнулся завязать шнурки и всё. Безболезненно. Так можно умереть, ты согласен?

Лазарь не имел желания продолжать разговор. Он хотел, чтобы Михаил ушёл.

– Ты меня простишь, я уверен – сказал Лазарь.

Его грудная клетка часто вздымалась. Он хотел выпрямиться. Ему было тяжело дышать. Михаил не сопротивлялся. Он знал своего брата. Что он чувствует, должно остаться при нём. Михаил ушёл.

Лазарь считал, что ему нельзя было показывать свои переживания. Он должен оставаться стойким. Оставшись один, он не мог усидеть в четырёх стенах. Он вышел на улицу, где должны быть люди и яркое солнце поможет держать чувства под контролем. Ему надо подышать. Ему надо походить по улицам, даже если и не положено. Было воскресенье, народу почти было. Надвинув на глаза белую фуражку с широкими краями и наклонив голову, он медленно бродил по пустынным улицам. Он пошёл по улице Богдана Хмельницкого, оказавшись на углу улицы Разина и площади Ногина, он свернул по направлению к Рыбному переулку, месту, где он жил первое время, переехав в Москву. Опустив руки в карманы, он вдруг в одном из них нащупал бумагу. Это оказался белый конверт с его именем, написанным до боли знакомым почерком. Может быть, Михаил незаметно сунул этот конверт ему в карман? Он недоумённо вертел конверт в руках. Судя по дате, письмо было написано неделю назад, сразу после смерти дяди Лёвика. Под датой стояло слово «Philadelphia». Хотя подпись отсутствовала, но сомнений не оставалось: письмо было от Морриса! Он написал его на идише. Наконец, он развернул сложенный листок бумаги и начал читать:

«Йитгадель вейиткадаш шемеи раба беалма дивера хиреутеи, вейанмлих малхутеи бехайеихон увейомеихон увехайеи дехол бейт Израель баагала увиземан карив, веимеру: амен».

Подписи не было, но подчерк он узнал сразу – то была рука Морриса. Это была еврейская молитва. Лазарь снова и снова перечитывал эти несколько строк. Что-то родное и почти забытое зазвучало в них. Он взглянул на небо. Затем прикрыл глаза, но яркое летнее солнце заставило его глаза слезиться. И вдруг он дословно, сам, вспомнил эту старую еврейскую молитву, прославлявшую Израиль.

«Господи. Да святится имя твоё. И да придёт царствие его уже

в наши дни, в нашей жизни и в жизни всего Израиля. Аминь.

И да святится имя твоё, снова и снова. И пусть имя Господне святится, благословится, будет возвышено, прославлено, хотя Он и превыше всех похвал, песен и обожания, которые мы можем произнести, Аминь.

Для нас и для всего Израиля, пусть обещание мира и обещание жизни сбудутся. Аминь.

Пусть тот, кто делает мир на небесах, опустит его на нас, на весь Израиль, на весь мир. Аминь.

Пусть источник мира пошлёт его на всех, кто скорбит и утешит всех в скорби. Аминь».

Он с упоением повторял и повторял её. Его как будто озарило, давно услышанные слова родной еврейской речи звучали так понятно! От них становилось на душе легче…

Это была часть молитвы «Кадиш», из «Врат Раскаяния» из молитвы «Коль Нидре» еврейского праздника Йом Киппур, самого святого праздника евреев.

Лазарь уже не смотрел на строки. Они вернулись ему, слова, которые сияли. Слова, которые он отбросил, и которые в течение десятилетий мало что значили для него. Но дядя Лёвик умер, и губы Лазаря дрожали и упрямо повторяли:

«Пусть источник мира пошлёт его на всех, кто скорбит и утешит всех в скорби».

Он вернулся домой только во второй половине дня. Мария с Майей уже ушли. Вероятно гуляли в парке с Полиной Жемчужиной и детьми. По воскресным дням они часто проводили время вместе. Мужья были постоянно заняты на работе и почти не имели возможности уделять внимание семьям. Около телефона лежала записка: «С ближней дачи звонил Сталин». Лазарь набрал номер. На другом конце провода Сталин сразу же взял трубку.

– Товарищ Каганович, – произнёс он в своей обычной манере. – Звоню вам всё утро по неотлагательному делу, касающегося лично вас.

Сталин сделал ударение на последние слова. Лазарь внимательно слушал. Он ждал. Сталин сам скажет, в чём дело.

– Ко мне попал любопытный документ, в котором Михаил Моисеевич Каганович обвиняется в том, что он является германским агентом, уполномоченным стать вице-президентом фашистского правительства после гитлеровской оккупации страны.

Тут уже Лазарь не мог сдержаться.

– Что?! – взорвался Лазарь, крикнув во всю силу своего голоса.

В этот момент, видимо, Сталин отвёл трубку от уха. Но

Лазарь даже и не думал извиняться. Он просто был не в состоянии поверить в то, что услышал.

– Вам повторить то, что я уже сказал, товарищ?

– Нет, не нужно. Я всё ясно слышал. – Голос Лазаря обмяк. Он уже почти хрипел.

– Я ясно всё слышал.

Сталин продолжил. Его голос стал дружелюбным. Он, как будто, подбадривал, и говорил, что он поможет разобраться с тем, что происходило помимо Лазаря.

– Я поручил товарищу Микояну разобраться в этом деле. Я так понял, что Михаил Моисеевич намеренно предложил построить самолётостроительный завод на Украине вблизи границы, чтобы немцам было бы легче овладеть и использовать его в своих целях. Насколько я понял это основное обвинение.

Лазарь был просто убит. Меньше всего он ожидал это услышать. Он всегда гордился своей способностью предвидеть неожиданное, но эта ситуация совершенно подкосила его. Ведь он расстался с братом всего несколько часов назад, и ничто в поведении Михаила не давало повода заподозрить, что с ним случилась такая беда.

– Товарищ Сталин, а Михаил знает об этом?

– Нет ещё. Мы решили сначала проинформировать вас. Только Анастас в курсе дела, поскольку я дал ему задание собрать все материалы.

Он сделала паузу.

– У меня только один вопрос, товарищ Каганович. Ваше мнение очень важно.

– Слушаю вас, товарищ Сталин.

– Мы должны решить, достаточно ли у нас данных для ареста Михаила. Обычно в таких случаях этого достаточно.

Лазарь не медлил ни секунды. Другого ответа у него и не могло быть. Он понимал, что на карту теперь поставлена его собственная судьба.

– Ну, что же. Если так надо, арестовывайте его.

– Ну как хотите, товарищ Каганович, ну как хотите.

Лазарь положил трубку и начал нервно ходить по квартире. Смерть дяди Лёвика отступила далеко на задний план, как будто она случилась много лет назад. Да, беда никогда не приходит одна. Казалось, что всё происходило в каком-то кошмарном сне. Как он позволил этому случиться? Он должен был знать! Это ведь часть его работы, часть сложившейся системы. Наконец, он остановился и сел в глубокое кресло в гостиной. А, может быть, это всё неправда? А может быть, это чья-то интрига. Может быть, кто-то очень хотел дождаться крушения «Локомотива

Кагановичей», как однажды пошутил Булганин. В уме Лазарь начал перебирать членов Политбюро: Берия – да, Микоян – нет, Булганин – нет, Жданов – да, Хрущёв – нет. Вдруг он остановился.

Он не мог ни за что зацепиться. Он должен был всё тщательно продумать и взвесить. Нельзя поддаваться панике. Если бы кто-то задался целью избавиться от Лазаря Кагановича, можно было бы прибегнуть к другим, более эффективным средствам, и обойтись без «истории» с Михаилом. А вдруг всё, в чём обвиняли Михаила, правда? Похоже на правду. Михаил часто ездил за границу. У него даже была встреча с высокопоставленными чинами из гитлеровского Министерства Авиации вскоре после подписания Пакта о Ненападении. Ни для кого не было секретом, что, встречаясь с большим числом немцев, он заводил со многими из них дружбу. Кроме всего прочего, все знали, что Михаил неплохо говорил по-немецки. Чем больше Лазарь думал об этом, тем очевиднее для него становилось логичность обвинения. Михаил всегда был карьеристом и, видимо, перестарался.

Когда он приехал из США, он перестал ценить тех людей, кто был вокруг него.

Только много позднее стали известны истинные результаты поездки Михаила в США. Всем, кто хотел слушать, Михаил хвастал, что он ожидает американские военные секреты от «одного американца». На самом деле Вашингтон кормил его фальшивой информацией относительно американских военных возможностей и использовал его как канал ложной информации для Кремля. Это было типично для Михаила. Он никогда не был способен к международной, и даже к домашней игре.

Лазарь задумался, а почему он всегда выдвигал и подталкивал брата? Нёс ли он, Лазарь, ответственность за случившееся с Михаилом? Нет, вина целиком ложилась только на самого Михаила. Однако это Лазарь убедил Сталина поручить Михаилу более ответственный пост. Всё остальное – дело его рук. Лазарь встряхнул головой. Ясно, что Михаил всегда был способен на глупости, но это было вершиной его глупости. Лазарь откинулся на спинку кресла и снова стал анализировать ситуацию. Он понимал, что слишком быстро отступился от брата, стараясь обелить себя. Он также отлично сознавал, что приказ на арест Михаила Кагановича уже отдан. Скорее всего, его будут содержать не в подвалах Лубянки, как обычного преступника, а в специальном помещении на втором этаже, с окнами во двор. Конечно, дело будут держать в секрете – это нехорошо, если люди узнают, что нарком авиации – германский агент, особенно, когда Россия потеряла в войне с Германией более двадцати миллионов

жертв.

Ещё он подумал, что надо бы поговорить с Микояном. Но следует быть осторожным, чтобы не оказаться обвинённым в попытке повлиять на Микояна, а, значит, и на ход дела. Лазарь набрал домашний телефон Микояна. В отличие от других членов Политбюро, Анастас Микоян воскресенья проводил дома, в кругу семьи. Лазаря всегда удивляло, как это ему удавалось. Но разговор ничего не прояснил: Микоян ещё не ознакомился с документами. Он только подтвердил, что Сталин поручил ему разобраться и приказал держать всё в секрете. Микоян пригласил Лазаря на слушание по этому делу, которое было намечено на вторник. Это действительно был дружеский шаг. Лазарь понял, что Сталин специально выбрал Микояна курировать это дело, поскольку Микоян и Михаил были друзьями ещё с Нижнего Новгорода. Выбор Сталиным Микояна, уже был максимум того, что можно было сделать для Михаила. Микоян действительно был джентльмен, и никто не мог быть более благоприятен для Михаила, чем Микоян.

Близился вечер. Скоро придут Мария с Майей. Михаила, скорее всего, уже арестовали. Теперь ему следовало ожидать звонка от Ани, жены Михаила. Чтобы избежать объяснений, ему лучше всего уйти и переночевать в своём кабинете в Кремле. Он оставил записку жене, хотя в этом не было необходимости: Мария уже привыкла к тому, что воскресными вечерами муж отсутствовал. Он оказался прав в отношении жены брата. Аня пришла к ним вечером и плакалась Марии. Но Мария ничем не могла ей помочь. Она знала, что ничего не может измениться, если её муж уже принял решение. Единственно, в чём она смогла посодействовать, передать мужу записку от Ани. Поздно вечером один из помощников Лазаря доставил ему в кабинет эту записку. Лазарь никогда раньше не переписывался с Аней, поэтому он не сразу понял, от кого это письмо. Аня умоляла его спасти родного брата. Её письмо кончалось словами: «Он такой же сын Моисея, как и ты».

Лазарь внимательно изучал слова: «сын», «брат» и «Моисей», как будто он видел эти слова в первый раз. Затем он вытащил письмо Морриса и положил два послания рядом. Он переводил взгляд с одного на другое. Это казалось невероятным: два письма в один день, две человеческие судьбы, один уже умер, другого смерть только поджидала. Лазарь потянулся за бумагой. Он ответит Ане, а через неё – и Моррису. Он написал только одно предложение «У меня есть только один брат – Иосиф Сталин. И забудь о голосе крови». Дрожь проползла по его спине. Он поднялся с кресла и отнёс своё письмо секретарю, чтобы через

курьера доставить его Ане. На столе секретаря он увидел записку от Михаила, который только просил объяснить обвинения. Лазарь знал, что любой его шаг будет известен Сталину – он не должен встречаться с братом. Он теперь мог только ждать и прислушиваться к разговорам, чтобы понять, изменилось ли отношение к нему самому. Его волновало только это. Конечно, об этом событии скоро полушёпотом заговорили в кремлёвских коридорах. Очень многие считали, что обвинение не было сфабриковано, а имело под собой реальную основу. Даже Берия, который не пользовался симпатией членов Политбюро, ни в чём не обвинял Михаила. Каждый считал Михаила уже «похороненным». Лазарь уже ничего не мог изменить, и любая его попытка облегчить участь брата только повредила бы ему самому.

Он переночевал в своём кремлёвском кабинете на зелёном кожаном диване. На следующий день ему предстояла поездка на Лубянку, куда «пригласил» его Микоян. Лазарь решил не возвращаться пока домой, чтобы избежать разговоров с Марией или, ещё хуже, объяснений с Аней.

Во вторник утром к десяти часам в кабинете Микояна собралось человек шесть. Анастас сидел за огромным столом, и его самого было почти не видно. Он был низкорослый, худой человек, который, казалось, пропал в этом огромном кабинете. Микоян был в тёмном костюме и тёмном галстуке, которые очень подходили к его смуглой коже и тяжёлым чёрным усам. Он холодно изучал дело, однако его большие карие глаза были мягкие и без предубеждения. Лазарь сразу почувствовал, что Микоян ненавидел свою роль в этом деле, однако он был нацелен выслушать всех спокойно и рассудительно.

Михаил сидел у стены в удобном кожаном кресле. Казалось, что он был не основным лицом, а случайным наблюдателем. За огромным столом справа от Микояна сидела стенографистка. Всё, что говорилось – записывалось. У двери стоял представитель органов безопасности, приставленный к Михаилу. Рядом с ним разместился на стуле невысокий человек в тёмном костюме, в котором Лазарь признал работника переводческого отдела ОГПУ, хорошо владевшего немецким. Шестым был секретарь Микояна, седой пожилой мужчина, который приехал с ним из Армении, и про которого рассказывали, что он сопровождал Ленина, когда тот возвращался из Финляндии в Петроград. Он передал своему шефу увесистый пакет бумаг, и Лазарь со своего места мог видеть, что многие бумаги были на немецком языке. Отсюда и нужда в переводчике. Судя по толщине дела, Лазарь сразу понял, что в обвинении участвует не один человек. Когда Лазарь вошёл в кабинет, Микоян кивнул ему в знак приветствия и снова

углубился в чтение бумаг. Лазарь бросил быстрый взгляд на брата. Было заметно, что Михаил сильно нервничал. Он постоянно курил, зажигая одну сигарету за другой. Лицо его было бледным, а глаза выражали животный страх. Он смотрел на своего брата, и, казалось, хотел что-то сказать. Лазарь повернулся к нему спиной и уставился в окно, выходившее во внутренний двор. Некоторое время он смотрел на «воронки» во внутреннем дворе. Во время собрания Лазарь продолжал стоять в этой позе, не смотря ни на кого, только вслушиваясь в голоса. Он услышал объяснения Михаила по поводу строительства авиационного завода вблизи границы и поморщился. Неужели кто-то может верить в серьёзность подобных обвинений? Однако в деле были показания немецких служащих, включая немецких бригадиров на строительстве аэродрома. Один так и утверждал, что он возражал против строительства, но был заменён Михаилом на другого. Лазарь понимал, что строительство аэродромов вблизи границы производилось ввиду готовившегося тогда нападения СССР на Германию, однако теперь об это нельзя было даже заикнуться.

Затем последовало утверждение, что Михаил Каганович рассматривался Германским руководством в качестве вице-президента нового фашистского правительства России. Лазарь не поверил этому, но эти данные были подтверждены и подписаны одним высокопоставленным немцем, которого лично знал сам Лазарь. Лазарь взглянул на переводчика, и тот кивнул головой. И главное, не было никакой причины для фабрикации. Лазарь повернулся в сторону брата. Он хотел спросить его лично, было ли всё это правдой, но увидел только смертельный ужас на лице Михаила. Тогда Лазарь опять уставился в окно. Микоян продолжал зачитывать обвинительные документы. Это длилось минут двадцать. Затем наступила тишина. Лазарь услышал, как кто-то встал с места. Он различил шёпот Михаила, говорившего что-то на ухо Микояну – он просил разрешения выйти в туалет. В туалетную комнату можно было попасть прямо из кабинета Микояна. Михаил объяснил, что у него сильно схватило желудок.

– Да, конечно, – Сказал Микоян.

Лазарь почувствовал, что Михаил остановился у него за спиной. Он расслышал его голос, слабый и полный мольбы:

– Брат мой, ты не можешь позволить этому случиться со мной. Это неправильно для нас, для нашей семьи, для нашей страны. Мы же родственники. Мы из одних пелёнок. Не делай этого! Не делай!

Михаил всхлипывал. Лазарь резко обернулся и посмотрел ему в лицо. Глаза того были красные, такие же, когда он пришёл сказать о смерти дяди Лёвика. Да, это был его старший брат, тот,

у которого для Лазаря всегда не было времени, который просто сунул письмо Морриса в карман Лазарю, не имея мужества самому рассказать обо всём. Теперь он умолял о спасении. Жалкий и ничтожный человек! Лазарь всегда презирал слабость. Он посмотрел в глаза Михаила. В них застыл ужас смерти.

Лазарь осторожно сунул руку в свой правый карман и, загородившись фигурой брата, незаметно для присутствующих, молча опустил тяжёлый предмет в карман Михаила. Он кивнул своему брату. Это было единственно правильное решение, говорили его глаза. Лазарь опять повернулся к окну. Он слышал, как за Михаилом закрылась дверь. Затем все присутствующие в кабинете расслышали звук спускаемой из бачка воды, и вдруг раздался выстрел! Дело было закончено.

Самоубийство Михаила Кагановича было замято. Он просто исчез, как будто его никогда не существовало. Лазарь даже больше не увидел Аню с детьми: они покинули Москву сразу после похорон, на которые Лазарь не пошёл. Юрий тоже не был на похоронах, сославшись на высокую температуру. Только Роза поехала на похороны. Но это уже не имело значения. Лазарь продемонстрировал всем свою преданность партии и правительству, отказавшись от брата-предателя. Теперь он мог быть спокоен, что ещё больше утвердился на своём месте. Для полноты власти ему оставалось сделать несколько шагов, и он отлично знал, в каком направлении надо идти. Понимали это и члены Политбюро, а если знали они, то догадывался и Сталин. Одно для Лазаря было совершенно ясно. Он теперь мог читать Сталина, как книгу. Он понимал, о чём думал этот человек и чего хотел. Важно было направить его мысли и желания в нужное русло. Надо воспользоваться послевоенной разрухой, пока руководящий эшелон ещё не навёл железный порядок. Он уже однажды укрепил свою и Сталина власть после смерти Ленина. Двадцать лет спустя ситуация может повториться, но уже на другом уровне. Сталин намеревался оградить страну от тлетворного влияния Запада и международной мафии, и наладить нормальную и счастливую жизнь для народа. Поэтому внутри страны Сталин взялся за евреев, засилье которых было очевидным.

Лазарь знал, что Сталин не доверял никаким церквям, кроме русской. Мусульмане и другие христиане, рассматривались им как люди другой расы, и как он выражался, были «центробежными элементами», и поэтому вредными. Что касается евреев, то не было разницы верующие они или нет, Лазарь и сам знал лучше Сталина, что евреи – атеисты только по отношению к другим религиям, но не к своей собственной.

Лазарь сидел за своим огромным столом в Кремле. Доверие к нему было восстановлено, к нему снова начали поступать горы бумаг. Они лежали перед ним, и он не знал, с чего начать. Решение пришло, когда в проёме появилась сестра Роза, которую он не видел с тех августовских дней, когда возникли «проблемы» с Михаилом.

Лазаря шокировала её реакция. Она и сама, видимо, не ожидала. Она всегда была во всём согласна со своим братом, который после смерти отца Моисея полностью забрал её под своё крыло. Без него она ни за что не достигла бы того, куда она поднялась. Для Розы, Лазарь дал ей отца – двух отцов – себя и Сталина. Она изо всех сил старалась не перечить Лазарю. Она разрывалась между долгом и её понятием о плохом. Лазарь вмешался в её жизнь в наиболее для неё уязвимое время. Но теперь она выросла и больше не была наивной и неопытной девушкой. Она теперь была ответственной женщиной, подругой вождя огромного государства.

Роза собрала всё своё мужество для того, чтобы встретить своего грозного брата. Она будет прямолинейной. Она не может молчать.

Роза даже не поздоровалась.

– Как ты мог это сделать?!

Лазарь сразу уловил её настроение. Ну что же, он будет отвечать вопросом на вопрос. Такая тактика всегда хороша.

– Сделать что?

– Не притворяйся. Ты убил Михаила! За что?

– Я что, нажал на курок?

– Ты заставил его нажать на курок.

Он отмахнулся, намереваясь отделаться от неё.

– Не говори глупостей.

– Михаил – твой родной брат. Он одной с тобой крови. О, нет, не говори мне о Сталине. Я знаю, что ты написал Ане. Это отвратительно. Как ты мог? Она думает, что ты – чудовище, ненавидевший всё человечество.

– Я никогда не признавался в любви ко всему человечеству.

– Даже к своему собственному народу?!

Она начала возбуждённо ходить по кабинету, отчаянно жестикулируя.

– Даже к людям одной крови? Вспомни, где твои корни. Где твоя порядочность? Господи, Лазарь, кому ты служишь? Мы же не говорим о клочках бумаги, в конце-концов! Мы говорим о твоей крови, о твоей семье, о твоём народе! Ты же еврей, Лазарь!

При этих её словах Лазарь сильно ударил кулаком по столу. Весь кабинет заходил ходуном. Глаза Лазаря метали молнии.

Голос гремел!

– Евреи? Евреи? – Ё– твою мать! Пошли они на х-! Брось думать жопой! Евреи! Они только сидят и хапают, и хапают. Они не задают вопросов. Как и наш отец. И эти люди имеют право решать мою судьбу? Никогда! Никогда этого не будет! С какой это стати я должен жить в постоянном страхе? Страх – это беззащитность, гибель. Нет, Роза, и не упоминай мне о моей религии. Мне что? Надо напоминать тебе, чем я занимаюсь? Мне что напоминать тебе, что: «религия пережиток старины и опиум для народа»? Для меня важно только одно в жизни – выжить. За это я буду бороться со своей семьёй, её религией, даже с самой моей родиной. И не говори мне ничего об этом. Ты сама выжила, потому что я помог тебе, а Михаил не выжил, потому что… потому что… я был должен. – Лазарь сделал паузу.

– Мне было страшно этого не сделать.

Лазарь тяжело дышал, и Роза в изумлении смотрела на него. Она не могла поверить услышанному. В первый раз она почувствовала, что брат был с ней по-настоящему откровенен. Она подождала, пока он немного успокоился.

– Ты действительно так считаешь?

Лазарь улыбнулся. Он уже пришёл в себя. Подойдя ближе к Розе, он обнял её. Раньше он этого никогда не делал.

– Помнишь, что говорила наша мама? Я запомнил очень хорошо. Она говорила: «Лазарь, в любой истории есть три стороны: твоя сторона, моя сторона и правда. И никто никогда не узнает этой правды».

Он старался взбодрить её. Сжав ей плечи, он перешёл на шёпот:

– Ты знаешь. В том, что обо мне врут, нет и доли правды. – Лазарь старался развеселить её. Поднять её настроение. Его голос заговорщически понизился:

– Нам предстоит много сделать, Роза, очень много. И ты мне нужна. Ты нам всем нужна, и гораздо больше, чем ты можешь это себе представить. Увидимся сегодня вечером за ужином и поговорим. Хорошо? Мы все в тебе нуждаемся.

Когда она ушла, он вернулся к своему письменному столу. Он взял один лист из папки неотложных дел и стал изучать его. Это был документ об отправке в Сибирь. Обвиняемыми были старый еврей и его жена. Лазарь обмакнул перо в чернила и на секунду задумался, а затем уверенно подписал бумагу. Выжить – вот главное слово. Пятидесятипятилетний бюрократ, знал, как надо выживать.

Лазарь продолжал общаться с Розой. Он будет заботиться о ней, защищать её, а когда созреет благоприятный момент, она

должна будет ему помочь. Он знал, что такой момент настанет. То, что он задумал, было очень важно. Поэтому Роза должна находиться под его неусыпным контролем.

Время шло. В конце войны личная власть Сталина очень возросла, и Лазарь знал, что именно сейчас пришло время, когда в результате победы в огромной войне, Сталин может всё. Связываться с ним сейчас было опасней, чем когда– либо. Однако Молотов, Булганин и Хрущёв были за одно с Лазарем. Даже молодой Маленков перестал потакать любому Сталинскому желанию. Только Берия лез вовсю со своим подхалимажем, особенно в присутствии Сталина. Но за глаза о Берии говорили то, что он из себя в реальности представлял – известный московский бабник и сутенёр. Почему Сталин ничего не сделал для того, чтобы устранить это отвратительное чудовище? Не мог?

Сталин делал всё возможное, чтобы восстановить и укрепить Советское государство. К марту 1947 года Сталин многое привёл в порядок. Он работал много и напряжённо. Часто он оставался ночевать в своём рабочем кабинете в Кремле, где он и работал и спал. Это была огромная комната с портретами Маркса, Энгельса, Ленина и, конечно, самого Сталина. В кабинете также был портрет Александра Невского.

Все секретари Сталина были постоянно в работе. Они записывали надиктованное и готовили отчёты до самой поздней ночи. Казалось, этот человек не знал, что такое усталость. Он обедал около трёх часов дня и до десяти часов вечера, времени его ужина, ограничивался только чашкой зелёного чая. Во время обеда Сталин имел привычку приглашать членов Политбюро и Генерального Штаба и обсуждать с ними текущие государственные и политические дела, поэтому обед обычно растягивался часа на три.

Сталин ел хорошо, но выпивал очень мало. Единственно на банкетах он позволял себе выпить больше.

Все остальные следовали сталинскому режиму. Рабочий день его приближённых начинался в 11 утра и продолжался за полночь. Приёмные часы многих руководителей были с 11 вечера до часу ночи. Потому что в это время всё равно мог позвонить Сталин, и надо было быть на посту. Выходных дней ни у кого не было.

Одним из напряжённых районов огромной страны была Украина. Последние несколько лет там был Никита Хрущёв. Сталин начинал испытывать к нему недоверие.

– Я не доверяю ему, – сказал он Лазарю. – Что-то мне в нём не нравиться. Он всегда смотрит мимо тебя, когда говорит. Нет ничего серьёзного против него, но он постоянно лебезит: «Да,

товарищ. Нет, товарищ». Я, конечно, не думаю, что это он делает специально.

– В таком случае, нам надо просто снять его с работы, – быстро нашёлся Лазарь. – Это давно уже надо было сделать. – Добавил Лазарь для вящей убедительности. – У нас дел по горло. – Брови Сталина поползли вверх.

Первым Секретарём Украины был назначен Лазарь Каганович. «Он будет настоящим преемником в стране!» заявила газета «Нью-Йорк Таймс», на которую Лазарь смотрел, как на свой компас. Он также любил, что его называли в «Нью-Йорк Таймс» – «железным комиссаром». Кроме всего прочего Лазарь теперь был и Заместителем Председателя Совета Министров СССР. Он имел право жить в роскоши. Ему предоставили большую квартиру в восьмиэтажном доме 26 по Кутузовскому проспекту с видом на Москва-реку, где впоследствии жил Брежнев. Это была самая большая квартира из всех, в которых он когда-либо жил. Широкий коридор из огромной прихожей вёл в гостиную. Далее размещались две просторные спальни. В гостиной стояли удобный диван, мягкие кресла, пианино, большой радиоприёмник, а в самом центре лежал красивый персидский ковёр. У стены возвышался массивный буфет, и имелось несколько книжных шкафов, заполненных книгами, некоторые из них были на французском, немецком и английском языках, хотя Лазарь и не мог их читать. Ему просто их поставили. Помимо роскошной квартиры Лазарю Кагановичу предоставили дачу в Успенском, к западу от Москвы. Она была со вкусом обставлена по последнему слову техники: шведский холодильник, итальянский тостер и английское радио. Его кабинет в Кремле был обшит деревянными панелями, пол застелен мягким ковром, а письменный стол покрыт зелёным бархатом. Став Первым Секретарём Украины, Каганович также занял большую и удобную квартиру на последнем этаже нового дома в самом лучшем районе Киева. На Украине Лазарь Каганович как всегда концентрировался на двух проблемах: сельском хозяйстве и национализме.

Лазарь сразу развернул сельское хозяйство по-своему. Особенностью погоды на Украине является стабильная засуха поздним летом. Поэтому, если сеять пшеницу весной, то она созреет только к осени и попадает под засуху – и хлеба не будет. Поэтому украинцы испокон веков сеют озимую пшеницу, ранней осенью. Эта пшеница перезимовывает зиму в почве, и поэтому её урожай поспевает к середине лета, то есть до засухи. Кроме этого, эти урожаи, благодаря длительному пребыванию семян в земле, гораздо более обильные.

Лазарь распорядился сеять пшеницу весной, а озимые отменить. Похоже, Лазарь не мог отвязаться от навязчивой мысли, таки уморить украинцев голодом. Когда один известный учёный посоветовал ему пшеницу так не сажать, то Лазарь ему любезно сказал: «Не суйся со своими грёбаными руками в грёбаное сельское хозяйство». На Украине Лазарь пробыл только девять месяцев. Все буквально вздохнули, когда он уехал. Стиль его работы не изменился: аресты, увольнения, исключения. Лазарь наводил ужас на всё местное население. Украинцы навсегда запомнили это послевоенное время и дали ему своё название – «Чёрные дни». Воистину Украине не было передыху. На Украине его иначе как «палач», «мясник» или «живодёр» не называли.

Однако, покинув Украину, Лазарь развернулся по всей стране. Он репрессировал всех, кто попадался ему под руку, и даже евреев. Даже прославленные маршалы попадали под его горячую руку. Маршал Василевский, герой Сталинграда. Маршал Конев, один из тех, кто взял Берлин. Маршал Говоров. Метла Лазаря мела в каждом советском доме. И Лазарь, не хотел, чтобы его в какой либо степени ассоциировали с евреями, поэтому он мёл всех подряд. Дело дошло до того, что Лазарь закрыл в Киеве одну из старейших синагог.

В конце года он возвратился в Москву, оставив после себя, как и всегда одни руины.

1948 год изобиловал событиями. СССР блокировал Западный Берлин, который стал форпостом американского шпионажа, полностью перекрыв его сообщение с Западом. Однако США организовало по трём воздушным коридорам беспрецедентное по интенсивности воздушное сообщение с Западным Берлином. Сбивать их самолёты СССР не мог. Американцы уже продемонстрировали, что они не задумываясь сбросят атомную бомбу. Хиросима была предназначена для устрашения СССР. Началась «Холодная война», которую на протяжении 25 лет империалистические круги мечтали превратить в атомную.

Ровно в то время, когда большевики в России брали власть в свои руки, за пять дней до большевистского переворота, 2 ноября 1917 года, под занавес Первой Мировой Войны, незаметно произошло ещё одно эпохальное событие в истории еврейского народа. Министром Иностранных дел Великой Британской Империи лордом Бальфуром, евреям-сионистам была подарена Палестина. Это было сделано в виде «декларации Лорда Бальфура» на имя Лорда Ротшильда. Палестина тогда принадлежала Великой Османской Турецкой империи. Как можно дарить то, что тебе не принадлежит? – а вот так:

«Дорой лорд Ротшильд, я (Лорд Бальфур) с огромным удовольствием передаю Вам от имени Его Величества следующую декларацию поддержки сионистских устремлений, рассмотренную и одобренную кабинетом министров: «Правительство Его Величества благосклонно относится к созданию в Палестине еврейского национального дома для еврейского народа, и использует все свои возможности для скорейшего достижения этой цели, но при этом мы заявляем, что это не должно ущемлять гражданские и религиозные права существующих в Палестине нееврейских общин или прав и политический статус евреев в других странах». Я буду благодарен, если вы доведёте эту декларацию до сведения Сионисткой федерации». Лорд Бальфур.

В это время уже стало мощным интернациональное движение сионистов, основанное в конце 19 века Теодором Герцлем. Они требовали для евреев места для создания своего собственного суверенного государства. Им была предложена в Африке государство Уганда. Многие уже согласились, однако агрессивная делегация сионистов из России восприняла это как личное оскорбление и отказалась рассматривать любые предложения, кроме Палестины. Англичане не могли в одиночку справиться с турецкой империей, поэтому они предложили арабам, которые там и жили, бороться вместе с английскими войскам против «турецких поработителей». За это англичане предложили арабам Палестину. Таким образом, англичане продали одну и туже вещь двум разным людям. Один из них неминуемо должен был быть обманут. Естественно, что этими обманутыми людьми стали арабы. Борьбу арабов против турок повёл английский секретный агент полковник Томас Эдвард Шоу, более известный по его кличке «Полковник Лоуренс Аравийский». Совместными усилиями арабо-английские силы под предводительством полковника Лоуренса сломили турецкую армию.

Декларация Бальфура повергла арабов в шок. Они поняли, что англичане их грязно обманули, и они лишились своей земли. Лоуренс тоже был в шоке. Он искренне верил в то, что сам предлагал арабам. Он бросился к своему начальству за разъяснениями. Когда Лоурес ехал на своём мотоцикле, на уровне его шеи кто-то натянул стальной трос.

Усилиями своих мощнейших интернациональных организаций и благодаря поддержке евреев в разных странах, сионисты прочно захватили политическую власть в США и Британской империи и пустили их своими бульдозерами. Строго говоря, главной целью Первой Мировой Войны и была «Бальфурская декларация». А главной целью Второй Мировой

Войны было создание государства Израиль. Этот и было на самом деле то, что коммунисты на своём языке называли первой и второй стадией построения коммунистического общества! Всё остальное было просто второстепенным компотом, в результате которого получился «прекрасный еврейский цимес».

Как и 1917 году, не привлекая большого внимания, 14 мая 1948 года Организация Объединённых Наций официально объявила решение о создании двух государств: арабского и еврейского. Еврейское государство Израиль с неустанной помощью США и Англии впоследствии само стало супердержавой, в то время как остатки потенциального арабского государства добиваются в лагерях беженцев.

Андрей Громыко, как представитель СССР в ООН, лично приложил максимум усилий для создания государства Израиль. Президент Трумен, портрет которого красуется в Белом Доме в масонской форме, послал своего государственного секретаря Дина Ачесона в Москву, чтобы встретиться с Молотовым относительно как можно скорейшего признания государства Израиль.

Лазарь встретился с Ачесоном и пытался хотя бы задержать признание государства Израиль.

– Я сам еврей – Сказал Лазарь Ачесону – И я против этого. Что хорошего может принести создание еврейского государства на Ближнем Востоке? Территория – пустыня. Что это будет – государство паразитов? Ничего не растёт. Нефти нет. Полезных ископаемых нет. И, самое главное – а что делать с миллионами арабов? Мы не понимаем, что мы сами делаем. Если арабским странам это не понравится, мы останемся без нефти. У нас в СССР нефти хватает, а у вас другая ситуация.

Лазарь знал положение в США. Он знал, что Трумэн заложник, и у него нет другого выбора. Из окна американского госпиталя для высокопоставленных чинов в Вашингтоне выбросили министра обороны США Джеймса Форрестола, который был резким противником создания государства Израиль. На шее у Форрестола предварительно был затянут пояс от его халата. Перед этим Форрестола упекли в госпиталь по причине «нервного срыва».

– В Америке тоже есть свои «кремлевские врачи. – Заметил на это Лазарь.

Пресса Америки объявила о самоубийстве Форрестола, дескать, на почве сумасшествия. Лазарь как никто другой был знаком со всеми этими штучками. Его удивляло другое, каким образом Америке обеспечивался положительный имидж в прессе, тогда как СССР был превращён в империю зла.

В том же 1948 году на Ближнем Востоке израильтянами был убит личный посланник ООН шведский принц Бернадотт, который настаивал на параллельном создании арабского государства. В апреле 1948 года израильские головорезы полностью вырезали арабское село Дер Яссин и взорвали отель «Царь Давид», набитый английскими солдатами. Оружие для создания армии государства Израиль было поставлено из Чехословакии, которая находилась под полным контролем ведомства Берии.

Государство Израиль было провозглашено 14 мая 1948 года. США признали Израиль в тот же самый день. Это была синхронная работа одной организованной силы во многих странах.

СССР признал государство Израиль на третий день. В СССР прибыла израильский посол Голда Мейер. Голда Мейер был самой близкой подругой жены Молотова Полины Жемчужиной, с которой училась ещё в гимназии. Советские евреи устроили ей грандиозный приём. Они заполонили улицы столицы, круглосуточно дежурили у гостиницы Голды Мейер и встречали восторженными овациями каждое её появление. Никогда и ни один глава иностранной державы не имел такого успеха в СССР, не говоря уже о каком-то после. Москва бурлила и радовалась. Всё остальное было затменено.

Сталин был в шоке. Все евреи, которые имели в паспорте национальность «русский» ликовали в столице. Сталин теперь имел возможность лицезреть, как в действительности много евреев в Москве. Казалось, что это подавляющее большинство жителей столицы.

Сталин созвал экстренное заседание Политбюро:

– Вот чего мы добились, стараясь казаться цивилизованной страной и поддавшись мировым закулисным играм! Это нам благодарность от евреев! Евреи до сих пор не могут нормально ужиться с другими народами. За очень редким исключением.

И он посмотрел в сторону Кагановича.

– Евреи всегда и везде представляют собой опасность. Каждый еврей-москвич имеет связь с заграницей. Мы стоим перед угрозой мирового сионизма!

Лазарь выдержал взгляд. Сталин, как всегда, ждал ответа. Лазарь кивнул. Сталин улыбнулся.

Лазарь уже руководил «чистками» 30-х годов. Теперь же ему предстояло взяться за своих евреев. А что ему ещё оставалось делать, если его прямо поставили именно перед этой задачей? Здесь уже нельзя было прикрываться ничего не значащими социально-демократическими и троцкистко-фашисткими

ярлыками, под которые можно было подвести кого угодно, хоть Иисуса Христа. Сказать: «Я всех почистил, а своих – не буду?» Конечно, Лазарь будет саботировать, конечно, он зачислит в евреи самих русских, но он это сможет сделать только до определённой степени. Он не может ставить себя под удар.

Лазарю пришлось распустить Еврейский Антифашистский Комитет и арестовать его лидеров, которые не скрываясь работали на Америку и международный сионизм, а, между прочим, шла «холодная война», и Америка собиралась применить против СССР атомную бомбу, которой у СССР ещё не было. Пришлось закрыть Еврейский театр в Москве, фактически уже подчинявшемуся министерству культуры Израиля. Министерства, партийные организации, научные институты и учебные заведения были очищены от засилья еврейского персонала с откровенными симпатиями к Америке и Израилю. Лазарь про себя только умолял их: «Только не наглейте! Не лезьте на рожон! Ну, посидите тихо!». Однако они не могли сидеть тихо. На особо важных предприятиях пришлось даже ввести квоту, определявшую число руководящих работников еврейской национальности. Многие наиболее ретивые деятели еврейства оказались за решёткой.

Однако Лазарь продолжал ждать своего звёздного часа.

Сталин организовал специальный комитет для выработки новой программы КПСС. Лазарь вошёл в него. Вместо новой программы КПСС, этот комитет под руководством Лазаря организовал Президиум, состоявший из двадцати полноправных членов и одиннадцати кандидатов. По его замыслу этот новый орган государственного управления со временем должен был заменить Политбюро и ослабить ведущую роль Сталина. Одновременно Лазарь расширил Секретариат Центрального Комитета: вместо пяти человек в него ввели десять нужных людей.

Однако всё это не давало желаемых результатов. Все попытки под видом реформ дестабилизировать государственный аппарат пресекались Сталиным на корню. Сталин становился всё сильнее и сильнее. Ситуация для Лазаря становилась всё не благоприятней.

Происходили изменения и в частной жизни семьи Кагановичей. Майя выросла, стала архитектором и жила отдельно. Мария часто навещала её. Дача дочери была недалеко от их собственной. В это время Лазарь стал ещё меньше контактировать с женой и дочерью. В 1951 году скончался брат Юрий. Известие пришло от Ани, которая написала Марии, что Юрий умер от рака лёгкого в Нижнем Новгороде. Но это известие

совсем не тронуло Лазаря. Он никогда не был близок к Юрию, и не встречался и не говорил с Юрием последние лет шесть. Он знал, что Юрий заядлый курильщик, и на вскрытии его лёгкие были чёрного цвета.

В августе 1952 года Лазарю опять мягко напомнили, что он не достаточно серьёзно занимается еврейской проблемой. Пришлось закрыть еврейские театры не только в Москве, а также прекратить выпуск еврейских газет и журналов. Аресты евреев коснулись даже высшего эшелона власти. Была арестована жена В.М. Молотова Полина Жемчужина, она же Пери Семёновна Карповская. Жемчужина не была просто женой Молотовой, типа жены Кагановича – она была активной в политике и состояла кандидатом в Члены ЦК КПССС на восемнадцатом съезде партии. Она являлась не только троцкисткой, но и сионисткой. Обнаружилось, что в своё время Голда Мейер являлась её лучшей подругой, а сестра самой Полины проживала в Палестине, и они переписывались до 1939 года. Родной брат Полины Жемчужиной жил в Америке. Нависла тень и над другими крупными партийными и государственными лицами. Так, кроме Молотова, жену еврейку имел Ворошилов, у Берии мать была еврейкой, зять Хрущёва, Аджубей, в последующем редактор «Известий», был евреем. Булганин с самой революции состоял в браке с еврейкой, был обязан ей своей карьерой и симпатизировал Израилю всей душой. Аресты были и среди знакомых Лазаря. Арестованный еврейский поэт Ицик Фефер был личным другом Лазаря. Арестованный писатель Давид Бергельсон был близким другом Полины Жемчужиной-Карповской-Молотовой. Многие аресты уже не контролировались Лазарем. Всё шло через Берию. В лице Берии Лазарь столкнулся с достойным претендентом. Все арестованные даже не пытались отрицать, что они в той или иной степени работают на Америку и осуществляют саботаж внутри СССР. Троцкий был мёртв, об этом позаботился Сталин – но дело его жило. Неотроцкисты-интернационалисты перешли в контратаку. А ведь шла «холодная война» и американцы только и искали предлога, чтобы предпринять ядерную бомбардировку СССР. Развязанная США агрессия против сопредельной с СССР Кореи была хитрым манёвром, чтобы вовлечь в конфликт СССР. В последующем таким провокационным манёвром станет Вьетнамская война.

Лидия Тимашук была просто рентгентехником в кремлёвской больнице. Он честно написала Сталину письмо, в котором, не побоявшись возможных последствий от написания подобного письма, подписанное своим полным именем, заявила, что она неоднократно имела возможность наблюдать, что лечение,

назначавшееся высокопоставленными врачами, не соответствовало элементарным схемам, известным даже любому медицинскому студенту.

Сталин прекрасно знал, что Свердлов, Ленин, Дзержинский, Менжинский, отец и сын Горькие – Пешковы, Куйбышев, Орджоникидзе были отравлены, а Фрунзе просто лишён кислорода на операции. Врач Ленина, Левин, был известным отравителем НКВД, лично подчинявшийся Троцкому, а затем Ягоде. Когда в 1943 году профессиональный убийца НКВД, генерал Уолтер Кривицкий стал невозвращенцем и остался в Вашингтоне, то он заявил, что искусство отравления в ягодовском НКВД достигло совершенства. Например, для того, чтобы отравить мешавшегося руководителя НКВД Менжинского, по приказу троцкистов все стены, где он жил и работал, были покрашены жидкой ртутью и ещё налито под пол, поэтому он постоянно болел, и в конце-концов преждевременно умер. При этом не надо думать, что эта практика касалась только верхнего эшелона власти. Наивно также полагать, что впоследствии с этой практикой было покончено, или что США это не практиковали. Наоборот, в арсенале современных отравителей появились ещё более уточенные и научные методы, например радиоактивность. Соперник президента Эйзенхауэра на президентских выборах 1952 года, американский сенатор Тафт, скоропостиженно скончался от рака бедра – совершенно необычной форма рака. Сотрудники Тафта вспомнили, что за несколько месяцев до этого, рядом со столом сенатора, появился какой-то ящик, ящик стоял именно со стороны поражённого бедра и сразу исчез после смерти Тафта. В 1966 году на операции в кремлёвской больнице, так же как и в своё время Фрунзе, был лишён кислорода гениальный Главный Конструктор космических и баллистических ракет Сергей Королёв. Королёву сказали, что у него, якобы, рак прямой кишки и уговорили на операцию. Королёв не сошёл с операционного стола. Интересно, что Королёву предложили самую кровавую операцию из всех возможных, которую в принципе не рекомендуют, и, если делают, то делают по частям. При раке прямой кишки существует масса других вариантов. Например, его лечат дозированным облучением. Операцию при раке прямой кишки обычно предпочитают только лёгкую: просто выведение кишки на переднюю поверхность брюшной стенки. Королёву же начали выдёргивать всю прямую кишку вместе с дном тазовой полости и удалением всех лимфоузлов, что является чрезвычайно кровавой, тяжёлой и многочасовой операцией. Эти операции если и делаются, то проводятся только на управляемом дыхании аппаратом искусственной вентиляции

лёгких. Человек сам не способен перенести эту операцию. Однако кремлёвская профессура не стала помогать Королёву искусственной вентиляцией, сославшись на технические трудности. Операцию стали делать без искусственной вентиляции, и Королёв умер прямо на операционном столе от недостатка кислорода. В 1978 году в Лондоне был убит болгарский писатель Георгий Марков. Его укололи зонтиком в толпе, введя капсулу смертельного яда рицина. В том же 1978 году был отравлен папа Римский Иоанн Павел Первый, предшественник нынешнего, польского, папы Римского Иоанна Павла Второго. Молодой Папа Иоанн Павел Первый очень недолгое время побыл папой.

По сообщению Лидии Тимашук министр госбезопасности Абакумов, приказал Рюмину, начальнику следственного отдела, потерять письмо Тимашук. Абакумов даже арестовал Рюмина, чтобы замести следы этого письма. Это дошло до Сталина, и он распорядился Рюмина освободить. Более того, Сталин сместил самого Абакумова и назначил новым министром Игнатьева. На тот момент троцкистской оппозиции уже удалось разбить единое НКВД на два отдельных министерства: госбезопасности и внутренних дел. Сталин приказал Игнатьеву взять расследование «дела кремлёвских врачей» под свой личный контроль.

В своём письме Лидия Тимашук пошла дальше, она конкретно назвала вредительскую кремлёвскую агентуру – еврейской. Факт был фактом. Все врачи, которые были замечены в проведении не общепринятых методов лечения, действительно были по национальности евреями. И этот факт было невозможно игнорировать. Как свежие примеры приводились внезапные смерти молодых секретарей ЦК КПСС Жданова и Щербакова, которым не было и пятидесяти лет. Дело было предано огласке. ТАСС назвал имена только девяти наиболее известных злоумышленников. Полный текст заявления ТАСС:

«Некоторое время тому назад органами безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью, путём вредительского лечения, сокращать жизнь активным деятелям Советского Союза.

В числе участников этой террористической группы оказались: профессор Вовси М.С., врач-терапевт; профессор Виноградов В.Н., врач-терапевт; профессор Коган М.Б., врач-терапевт; профессор Коган Б.Б., врач-терапевт; профессор Егоров П.И., врач-терапевт; профессор Фельдман А.И., врач-отоларинголог; профессор Этингер Я.Г., врач-терапевт; профессор Гринштейн А.М., врач-невропатолог; Майоров Г.И., врач-терапевт.

Документальными данными, исследованиями, заключениями

медицинских экспертов и самими признаниями арестованных установлено, что преступники, являясь скрытыми врагами народа, осуществляли вредительское лечение больных и подрывали их здоровье.

Следствием установлено, что участники террористической группы, используя своё положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно, злодейски подрывали здоровье последних, умышленно игнорировали данные объективного исследования больных, ставили им неправильные диагнозы, не соответствующие действительному характеру их заболевания, а затем неправильным лечением губили их.

Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища А.А.Жданова, неправильно диагностировали его заболевание, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжёлому состоянию режим и тем самым умертвили товарища А.А. Жданова. Следствием установлено, что преступники так же сократили жизнь товарища А.С. Щербакова, неправильно применяли при его лечении сильнодействующие лекарственные средства, установили пагубный для него режим и довели его таким путём до смерти.

Врачи-преступники старались в первую очередь подорвать здоровье советских руководящих военных кадров, вывести их из строя и ослабить оборону страны. Они старались вывести из строя маршала Василевского, маршала Говорова, маршала Конева, генерала армии Штеменко, адмирала Левченко и др. Однако арест расстроил их злодейские планы, и преступникам не удалось добиться своей цели.

Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, растоптавшие священное знамя науки и осквернившие честь деятелей науки, состояли в наёмных агентах у иностранной разведки. Большинство участников террористической группы были связаны с международной еврейской сионисткой организацией «Джойнт», созданной американской разведкой, якобы для оказания помощи евреям в других странах. На самом же деле, эта организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе, и в Советском Союзе. Арестованный Вовси заявил следствию, что он получил директиву об истреблении руководящих кадров СССР из США от организации «Джойнт» через врача в Москве Шимелиовича и известного сиониста Михоэлса. Другие участники террористической группы оказались давнишними агентами английской разведки. Следствие будет закончено в ближайшее время».

Следствие было не закончено, ни в ближайшем времени, ни в будущем ввиду отравления самого Сталина. Всё сказанное в коммюнике было чистой воды правдой. Никогда Сталин не клеветал на своих врагов-троцкистов. Более того, то, что вскрывалось органами безопасности в конце 30-х годов под руководством Ежова, было только надводной частью айсберга. Деятельность троцкистких-космополитических элементов в СССР была настолько отвратительной, что троцкисты и их преемники – неотроцкисты объявили Сталина одержимым маньяком и списали на него все жертвы своих кровавых преступлений против русского народа.

Израиль отреагировал мгновенно, как и всегда объявив всё антисемитизмом. В мировой истории наступил коренной перелом, который до широкой массы доведён не был. Теперь в мире основной цитаделью «мировой революции» был не СССР и даже не США – этим форпостом стало новое государство Израиль. Теперь то, что называется мировым «прогрессивным общественным мнением» будет позиция не СССР и не США – это будет позиция государства Израиль.

Израиль дал понять СССР, что он не потерпит никаких поползновений в сторону евреев, независимо от того, правда, предъявляемые им обвинения или нет. В посольстве СССР в Израиле ворвалась бомба.

Сталин тоже не был мальчиком для битья и разорвал дипломатические отношения с Израилем. Ему было непонятно: вчера только вылупились на свет – сегодня они уже диктуют всему миру. Но он догадывался, что его крупно обманули, когда тихо и незаметно провели признание государства Израиль, как незначительное событие, не имеющее вообще никакого значения. «В Москве сотня посольств этих банановых республик – какая разница если будет ещё одна?» – Говорило его окружение. Однако Израилю не готовилась функция банановой республики.

Однажды в два часа ночи Булганин, Молотов, Ворошилов и Лазарь уезжали с дачи Сталина. Они обсуждали вопрос о том, кому должен будет подчиняться Министр Иностранных дел: вновь созданному Президиуму или Центральному Комитету. Сталин предложил им встретиться на следующее утро в девять часов, чтобы окончательно решить этот вопрос. И они воспользовались предоставленной им возможностью: для «дальнейшего» обсуждения они все направились на дачу Ворошилова в Жуковку. Место оказалось очень удачным. Жена и дети Ворошилова на даче в то время отсутствовали, слуг он отпустил и охрану тоже. Поэтому они могли не бояться, что их подслушают. Первым высказался хозяин – скрытый еврей Ворошилов:

– Вы видите, что Коба сейчас делает то же, что и Гитлер. Он – ярый антисемит! Ему нужен козёл отпущения. Ворошилов единственный, ещё называл Сталина кличкой сорокалетней давности. Его поддержал Булганин. Его жена была врачом, и Булганин любил демонстрировать при каждой возможности свои «медицинские» познания.

– Думаю, что Коба страдает манией преследования. В разговоре он дал мне понять, что вы трое плетёте против него заговор.

Лазарь насторожился:

– И я тоже? Он и на меня думает? – Булганин кивнул:

– «Он знает, что ты считаешь, что дело врачей производит ужасающее впечатление за рубежом».

– Ну и что? Это же за рубежом? А что мы?

Молотов заходил по комнате. Он очень устал и не переставал тревожиться за жену.

– Он знает, Лазарь. Он всё знает.

Молотов подошёл к окну и слегка отодвинул штору. Начинало светать. Опять заговорил Булганин:

– Сталин готовит почти полное уничтожение Центрального Комитета. Я знаю об этом, поэтому мы должны его остановить.

Он посмотрел на Лазаря.

– Ты должен знать об этом. Разве Роза тебе ничего такого не говорила?

Лазарь сверкнул глазами:

– Роза ничего мне не рассказывает. Она его почти не видит. Он больше не проявляет к ней интереса. Я за неё даже боюсь. Николай, дни увеселений на ближней даче прошли. Она всего лишь врач и только назначает ему лекарства.

Лазарь вдруг осёкся. Все устремили свои взгляды на него. Он, в свою очередь, смотрел на них. Каждый знал, о чём все подумали. Никто не произнёс ни слова. Они должны довериться друг другу. Это был единственный выход. Наконец, Молотов собрался с духом и спросил:

– О каких лекарствах ты говоришь?

Настал решительный момент. Лазарь понял, что проговорился и выдал часть своего плана. Но он также сознавал, что обстоятельства изменились. Он огляделся: Молотов, Булганин, Ворошилов – все старые друзья-товарищи, им доверяют, они любят свою страну и, прежде всего, своё положение в ней.

Ворошилов был устранён от всех военных дел прямо в середине войны. Не секрет, что Сталин держал его просто как старого политического союзника, а не как специалиста, просто

как того, который уже сорок лет зовёт Сталина «Коба». Это были странные отношения, как будто Сталин был чем-то обязан Ворошилову. Сталин мог себе позволить быть великодушным. Он мог позволить себе быть великодушным к человеку, который перестал быть полезным, а сказать по правде, никогда им и не был.

Лазарь перевёл глаза на Булганина. Николай был другой старый друг. Он был с самого начала. Лазарь заметил, что его мерцающие глаза и козлиная бородка придают ему солидный вид, как будто он был настоящий правитель государства.

Молотов тоже видал разные времена. Он потерял жену, и сам находился под угрозой.

И был он сам, Лазарь – преданный слуга вождя, сопровождающий его везде. Но, теперь вставал вопрос о самосохранении, а выживание всегда было главным мотивом Лазаря. Он должен двигаться вперёд.

По отдельности они не могут осуществить задуманное, но сообща они сделают это.

Лазарь вздохнул и посмотрел на потолок.

Да, они должны знать и составить одно целое. Он уже много раз говорил об этом с Розой, но важно, чтобы она сама оставалась в тени и ни в коем случае не присутствовала при их разговорах. Её надо оберегать любой ценой.

Ворошилов поднял руку. Обычно он так делал перед тем, как хотел что-то сказать, независимо от того, сколько человек было в комнате, один или дюжина.

– Мне ясно, что нам надо делать. Небольшая доза яда подсыпается в его вино, а оно в последнее время не берётся на анализ, и он впадает в кому. А с его слабым сердцем смерть неминуема. Только это должен быть не яд как таковой, а лекарство, ускоряющее смерть.

Он говорил, как настоящий знаток. Все посмотрели на Лазаря. Ведь это он предложил всем собраться на эту встречу.

– Правильно, но не совсем. Давайте посмотрим, что нам известно.

Из внутреннего кармана Лазарь достал свёрнутый листок бумаги и развернул его. Он его не читал, но просто держал на всякий случай.

– Это заключение Егорова, начальника кремлёвской больницы. Сталин перенёс небольшой инсульт. Но без последствий. Инсульт развивается в результате закупорки сосудов головного мозга сгустком крови. Сталин не принимал лекарств от сердца. Причины две. Первая, если работа сердечной мышцы ослаблена, ему бы прописали дигиталис, и, по словам Егорова, не

существует лабораторных методов определения уровня дигиталиса в крови. Отсюда вторая причина: Сталин, как вы знаете не принимает лекарств, особенно тех, которые нельзя определить в крови. К его счастью, и к нашему огорчению, он не нуждается в препаратах дигиталиса.

Он сверился с бумагой. На полях что-то было написано карандашом. Было очевидно, что Роза написала ему эти объяснения для того, чтобы он сам мог это объяснить. Таким образом, врачи не считают нужным прибегать к дигиталису. Они думают, что в данном случае надо использовать лекарство, которое способно разжижать кровь и, значит, предупреждать образование сгустка. Это лекарство, белый кристаллический порошок, используется только в микроскопических дозах, потому что это всем известный крысиный яд – «Дикумарол».

Молотов встрепенулся:

– Я знаю это вещество. Точно – крысиный яд.

– Правильно, – ухмыльнулся Лазарь. – Но в микроскопических дозах – это, так называемый, антикоагулянт, вещество, разжижающее кровь. Оно, по идее, должно предотвращать закупорку сосудов. Сталин принимает два с половиной миллиграмма дикумарола утром и вечером.

– А какой-нибудь анализ проводится? – спросил Булганин.

Лазарь опять сверился с бумагой:

– Да. Сразу после инсульта у него взяли кровь на анализ, чтобы определить время свёртывания. Сначала это делалось ежедневно, потом – два раза в неделю, чтобы установить соответствующую дозу дикумарола. Всё очень просто. А теперь, когда доза установлена, этот анализ проводится только раз в месяц.

– А что дальше? – потерял терпение Булганин.

– Что дальше? Я не врач, мне только сообщили, что дозу постоянно не проверяют.

– В каком виде принимается этот препарат? – вставил свой вопрос Молотов.

– Обычные белые таблетки. Ничем не примечательные. Он держит их под замком, словно боится отравления.

– И именно это ты и предлагаешь? – спросил Ворошилов.

– Нет. Мы заменим таблетки другими, внешне похожими. Вместо пяти миллиграммов в день он будет принимать двадцать. Сталин ни за что не отличит их. Если дозировка повышена, то этот крысиный яд имеет способность быстро накапливаться в крови.

– А результат? – поинтересовался Молотов.

– Увеличить дозу – не значит убить его. Его кровь станет

плохо сворачиваться, а значит, увеличится шанс кровоизлияния в мозг. Вот вам и другой инсульт – кровоизлияние в мозг, то есть не ишемический, а геморрагический инсульт, который ещё хуже.

– Какова вероятность? – спросил Булганин.

– Учитывая его недавний инсульт, довольно большая.

Ворошилов опять поднял руку:

– А можно ли проследить происхождение таблеток?

– К кому приведёт следствие? – К фармацевту.

– А кто введёт лекарство? – раздался голос Молотова.

– Сам Сталин. Знаете более подходящую кандидатуру?

Молотов заходил по комнате, заложив руки за спину, погружённый в мысли. Все глазами следили за ним.

– И Роза выпишет рецепт?

Установилась тишина. Лазарь сделал глубокий вздох.

– Ей это делать не обязательно. У нас здесь имеется нужное количество каких хочешь бумажек.

– А это сработает? – с тревогой произнёс Булганин.

– Должно сработать. У нас просто нет другого выхода.

– А где хранятся все лекарства?

– В его кабинете. В закрытом на ключ шкафчике. Все эти лекарства прописаны Розой, хотя Сталин предпочитает лечиться дедовскими методами.

Лазарь повернулся в сторону Молотова:

– Я хочу, чтобы её не было в пределах страны, когда это произойдёт. Думаю, ты сможешь организовать ей какую-нибудь поездку.

Молотов пристально посмотрел на Кагановича.

– Канада подойдёт?

Лазарь кивнул.

– А другие? – раздался голос Ворошилова.

Булганин заулыбался:

– А что другие? Только Георгий (Маленков) и Анастас (Микоян) имеют голову на плечах, и у них достаточно ума оставаться в тени. Они не станут поддерживать нас, но и мешать не будут. Их молчания нам вполне достаточно.

– Тогда…, – произнёс Лазарь, осознавая всю ответственность момента. – Тогда…

Он опять обвёл взглядом всех, стоящих рядом. Они смотрели на него в напряжённом ожидании. Затем все молча переглянулись. Решение было принято.

Сталин слышал о ночном собрании, но он ничего не спросил, поскольку отчет, который он требовал, в девять утра был у него на столе, хотя он сам появился у себя в кабинете в Кремле только

к двум часам дня. Сталин даже не поинтересовался, почему собирались только четыре члена Президиума.

17 февраля 1953 года Сталин в последний раз принял кого-нибудь. Это был индийский посол К.П.С. Менон, который, как обычный восточный дипломат, явился поздравить Сталина с давно прошедшим днём рождения и обсудить вопросы развития отношений с двумя странами. Индия только получила формальную независимость от незаметно скончавшейся Британской империи. Империалисты гнали Индию в контролировавшуюся американцами Организацию Стран Юго-Восточной Азии. Издыхающая Британская Империя напоследок разбила целостную Индию на несколько разных государств с разными религиями по принципу: «Теперь всё равно не наше – бей на части!». Одна огромная Британская Индия была разбита на собственно Индию, два Пакистана, Непал, Бирму и так далее. Более того, чтобы сразу вызвать хаос и, соответственно, потом снова «придти на помощь», англичане прирезали мусульманский штат Кашмир не мусульманским аж двум Пакистанам, а именно индуистской Индии. Этим англичане заминировали этот регион возможностью широкомасштабной войны, которая постоянно тлеет с того самого времени.

Сталин как всегда поигрывал карандашом и блокнотом и делал небольшие рисунки того, что было в его мыслях. В этот день он рисовал волков в различных позах.

– Кто любит волков? – Спросил посол Менон. Он не мог не заметить, что Сталин думал о чём-то своём. Сталин сосредоточился на рисунках.

– Сталин простой, но умный человек. – Сказал Сталин – Когда волки на него нападают, то он не пытается учить их морали, а просто убивает их. Волки это знают и ведут себя соответствующе.

– Откуда вы об этом знаете? – Спросил Менон.

Сталин рассмеялся:

– Вот станьте овцой – они тут же около вас появятся!

– Вы… Премьер… – овца?

Сталин продолжал смеяться.

– Не дайте себя обмануть, господин Посол! Когда будете уходить, внимательно посмотрите вокруг себя! Понимаете, о чём я говорю? Если волки показывают свои зубы, то они, в отличие от меня, не смеются!

Лазарь уже в течение нескольких недель не видел Сталина. Он только надеялся, что Роза и сама сумеет сделать всё как надо. Лазарь вспомнил свою религию и еврейский праздник Пурим, который они справляли в далёких теперь Кабанах. Каждую весну

в марте месяце евреи отмечают праздник Пурим. Этот праздник посвящается знаменательному событию в истории еврейского народа. Три тысячи лет назад еврейская красавица Эсфирь и любимая жена персидского императора Артаксеркса погубила персидского премьер-министра Амана, который, якобы, планировал уничтожить еврейский народ. Вместо этого Эсфирь послала на казнь самого Амана, а с ним и многих персов. Аману перед смертью отрезали уши. Праздник Пурим считается весёлым праздником. Сжигаются и бьются палкой чучела Амана; печётся печенье в виде уродливых человечков – это Аман, дети отрывают ему руки и ноги, и едят их. Положено напиваться, чтобы нельзя было отличить плохого злодея от хорошего. При упоминании слова «Аман», все должны шуметь и топать. Самый деликатес в Пурим – блюдо называемое «Уши Амана» – это сладкие маковые пирожки.

– Эсфирь – думал Лазарь – Роза, Эсфирь, Роза… – Лазарь чувствовал свой пульс, бьющимся синхронно с пульсом истории. Это было то, ради чего он терпел, маскировался и работал всю свою жизнь. Настал его звёздный час.

Поздно вечером в воскресенье 1 марта 1953 года члены нового Президиума собрались в кабинете Сталина в Кремле. Ничего необычного в этом заседании не было: члены партии и правительства часто обсуждали со Сталиным важные государственные дела в такой поздний час. Лазарь сразу перешёл к делу. Он предложил назначить комиссию, чтобы разобраться с «делом врачей». Он сказал: «Нет никаких доказательств их вины, а их уже два месяца держат в тюрьме». Сталин был ошеломлён таким оборотом. Он откинулся на спинку своего кресла и, не отрываясь, смотрел на Кагановича, словно он ослышался. Но Лазарь не терял времени: он сразу предложил провести голосование. Один за другим все собравшиеся за столом подняли руки, только Берия и Хрущёв отказались. Лазарь грозно взглянул на своего выдвиженца, но этот лысый коротышка отвёл взгляд и уставился на Сталина. Лицо Сталина побагровело. Сталин поднялся с кресла и ударил кулаком по столу: «Предатели». Члены Политбюро застыли на своих местах, только Лазарь продолжал стоять на своём месте. Лазарь твёрдо заявил: «Если мы свободно не выйдем из вашего кабинета, то в Кремль будут введены верные нам части!» Сталин взглянул на Берия. Тот притаился в углу, и мотал головой из стороны в сторону.

Сталин вышел из-за стола. Было видно, что он потрясён. Он ткнул пальцем в грудь Лазаря: «Предатель».

Затем Сталин попытался дотянуться до кнопки, чтобы вызвать охрану, но Микоян и Молотов оттолкнули его руку.

Спотыкнувшись о край ковра, Сталин упал, при этом головой он ударился об угол стола…

Он лежал, не шевелясь, и его глаза уставились в потолок, слюна капала на его усы. Все присутствующие в оцепенении и с ужасом смотрели на лежавшего у их ног Сталина…

Сталин начал стонать…

Булганин подбежал к Сталину. Молотов бросился к шкафчику с лекарствами. Лазарь взял со стола тяжёлую, мраморную промокательницу и разбил ей стекло шкафчика. Посыпалось стекло. Ворошилов встал в дверях, чтобы никто не вошёл и не вышел, но только Берия пытался выбежать. Лазарь вложил в руки Молотова пузырёк с прозрачной жидкостью. Булганин поддерживал Сталину голову. Глаза Сталина были фиксированы на одной точке. Молотов поднёс пузырёк к губам Сталина. Булганин надавил ему на щёки. Рот Сталина открылся, и Молотов вылил содержимое пузырька в рот Сталину. Сталин автоматически проглатывал жидкость, осталось только на донышке. Закончив, он закрыл глаза. Булганин продолжал держать его голову в своих руках и немного её покачивал. Через несколько минут Сталин начал дышать ровнее, багровость его лица исчезла. Присутствующие в кабинете переглянулись. У некоторых на глазах стояли слёзы. Никто не произнёс ни слова. Всё было почти кончено.

Поскольку Сталин ещё дышал, его перевезли на дачу в Кунцево. Никто специально не хотел скрыть, что это случилось в Кремле. Это получилось само собой. Первое правительственное сообщение и передавало, что это случилось в Москве. Просто основная масса людей подключилась к ситуации в Кунцеве, а непосредственные участники, поскольку это очень смахивало на убийство, сочли за благо, не упоминать о кремлёвском происшествии – в Кунцеве, пусть будет в Кунцеве. Чем меньше об этом известно, тем лучше.

ГЛАВА 6
5 марта 1953 года

Проехали пять огромных чёрных лимузинов. Арбат пришёл в норму. «Хозяин поехал», – провожали взглядами лимузины прохожие.

В одном из них сидел Лазарь Каганович и перебирал чётки в руках. Казалось, он слышал, что говорили прохожие.

«Да – это так – хозяин», – согласился Лазарь, он становится хозяином. Приходит решающий день. Он слегка отодвинул шторку и посмотрел в окно. Городские улицы сменились подмосковными деревенскими улицами. Ещё везде лежал снег. Сказка. Девственная чистота. Подмосковные дачи имели свою прелесть: с их белыми стенами, печками и треугольными крышами. Сорок лет назад он впервые приехал в Москву. Сорок лет, а кажется, что это было только вчера. В ноябре ему исполнилось шестьдесят. Также быстро пролетели и эти четыре дня с того заседания Политбюро, на котором произошла стычка со Сталиным. Лазарь хорошо запомнил выражение лица Сталина в тот момент, когда он потребовал отменить приказ о прекращении дела врачей: Сталин явно не ожидал такого оборота дела.

– Неужели он подумал, что я забочусь о евреях? Что я переметнулся? Что я стал их защитником? – Лазарь нахмурился.

– Сталин подумал, что кровь всё-таки сильнее личной преданности. – Пробормотал Лазарь.

Как однажды сказал дядя Лёвик: «Кровь это твоя кровь, твоя кровь, твоя кровь!». Лазарь тряхнул головой. Это был вопрос его личного выживания, а не евреев в целом. Но он же еврей. Спасая себя, не спасал ли он еврея, а значит и евреев в целом? Лазарь уставился в потолок автомобиля. А может ли еврей прийти к власти в этой стране? Если его отверг Сталин, то разве русские не сделают тоже самое? Могут ли они вообще принять еврея? Вопрос был болезненным. Его лицо скривилось в гримасе. «Так вот о чём думал дядя Лёвик? Вот о чем он в действительности думал!» – Произнёс Лазарь, сдерживая дыхание: «Главное, чтобы евреям было хорошо».

В памяти Лазаря постоянно прокручивалась как бы плёнка того события, особенно, Сталин, пытающийся вызвать помощь. Он видел Микояна, отталкивающего сталинскую руку от звонка. Почему из всех это был именно Микоян? Лазарь был удивлён:

– Анастас всегда был «тише воды – ниже травы». Он всегда

старался держаться в сторонке. А здесь…Кто ожидал от него такой прыти?

В течение последних трёх дней Сталин был на грани жизни и смерти, то приходя в сознание, то снова теряя его. Однако реально, никто не оказывал ему медицинскую помощь. Его просто изолировали. С того самого момента, за несколько дней, никто даже не дал Сталину стакана воды. Все думали только о себе. Тот неизвестный пузырёк, который Лазарь влил ему в рот, был последней влагой, которую испил Сталин. Мысли крутились в голове Лазаря:

«В конце-концов человек может прожить без воды только три дня. Как раз ему этого и хватило, плюс наша «помощь». Ведущие врачи страны тряслись как осиновые листья и предпочитали подстраховывать свои собственные задницы. Они только проводили коллективные консилиумы, чтобы уйти от личной ответственности. Создавалась видимость оказания медицинской помощи – «коммюнике о состоянии здоровья». Никто из них как положено даже не осмотрел больного. А Сталин был всё-таки прав, когда хотел посадить их. Редкая гнида. Они ещё хуже, чем мы, его «окруженцы». Конечно, мы сами отобрали кандидатуры врачей. Среди них не было никого, кто бы не понимал, что от них требуется».

Сталину между тем становилось лучше. Один из врачей заметил, что это «классический случай улучшения перед смертью». Без элементарной воды, Сталину, надо думать, действительно, не могло стать лучше.

«Специалисты… Чтоб я ещё сам обратился к врачу, или кого-нибудь доверил?!» – Подумал Лазарь: «Надо будет заготовить официальное сообщение о смерти Сталина».

Народ огромной страны держался в неведении. Повторялась ситуация с январём 1924 года, когда умер Ленин.

«Главное, чтобы всё было, как положено. Политбюро должно иметь спокойные условия выбрать преемника. Только так можно избежать волнений, беспорядков и потери власти. Преемственность обеспечивала выживаемость партии и сохранение занимаемых позиций ведущих её членов. Это исключает вмешательство любых посторонних сил». – Лазарь взглянул на часы. Скоро он будет там. Странно, что членам Политбюро позвонили не от Сталина и не врачи, а охранники. А где Поскрёбышев или личный телохранитель? Там что-то не то.

Огромный лимузин, освещая фарами растущие вдоль дороги сосны и берёзы, подъезжал к воротам дачи. Лазарь выглянул в окно. Всё было окружено войсками МВД.

«Значит, Берия уже приехал. Будет удивительно если Кремль ещё не оцеплен» – Подумал Лазарь. «Но ничего, подожди, – прошептал Лазарь. – У нас припасён план и для тебя».

Оказалось, что Каганович прибыл одним из последних. Все уже собрались, и везде горел свет. Первым, кого увидел Лазарь, был Маленков. Он выглядел подавленным, но спокойным. Он о чём-то говорил с Берия. Берия слушал его, но глаза его бегали по комнате. Было видно, что он всеми силами старался контролировать свои эмоции. Булганин заметил Лазаря и направился к нему:

– Только что привезли слесаря, чтобы разобраться с замком – Георгий (Маленков) приказал.

Лаврентий намеревался взломать дверь. Георгий всё время пытается его успокоить. Ведь он уже приказал окружить танками Кремль.

Лазарь невольно улыбнулся: ведь он только что предвидел такой оборот событий. Неужели Берия и правда надеется, что ему удастся стать преемником Сталина? Идиот!

– А где комендант? Он об этом сообщил? – спросил Лазарь.

– Комендант? Какой комендант? Он будто испарился. И Поскрёбышев неизвестно где.

Подошёл Молотов. Он слышал слова Булганина и сжал руку Лазаря.

– Все куда-то пропали. Прислуга, охрана.

Молотов посмотрел на Лазаря. Лазарь хотел задать ему только один вопрос:

– Канада?

Молотов кивнул, и Лазарь облегчённо вздохнул.

Из коридора, ведущего в спальню Сталина, вышел Ворошилов.

– Слесарь возится с замком. И врачи там.

Он взглянул на Булганина:

– Надёжно?

Булганин повернулся к единственному охраннику, стоявшему у дверей:

– Никого не впускать, ни под каким предлогом. Вам ясно?

Охранник вытянулся как по команде «смирно».

– И закройте дверь на замок, – добавил Булганин.

Затем Булганин обратился к офицеру, который звонил всем членам Политбюро:

– Всё только после приказа Маленкова или меня лично. И вы ничего не видите и не слышите.

Вам всё ясно?

– Так точно!

Уже начались обсуждения по поводу того, что случится, если Сталин не выживет. ТАСС несколько минут назад сделало официальное заявление по поводу того, что случилось со Сталиным, как будто это случилось только что, хотя на самом деле прошло уже несколько суток. В заявлении говорилось что «лучшие специалисты» осуществляют необходимое лечение, и подчёркивалось нерушимое единство партии и правительства и их стремление следовать традиционным курсом страны. Это было лучшим комментарием к тому, о чём только что предупреждало дело кремлёвских врачей. Заявление ТАСС подчёркивало, что Сталин только «временно» не исполняет свои функции.

Предшествующие четыре дня были чехардой закрытых совещаний членов Политбюро по поводу преемника Сталина. В результате обсуждений все сошлись на кандидатуре Георгия Маленкова. Ко всему прочему, Маленков находился в хороших отношениях с Берия, который мог обеспечить ему поддержку со стороны Органов Госбезопасности в случае возникновения осложнений. Лазарь знал, что время окончательного решения ещё не наступило, по крайней мере, он на это надеялся. Лазарь переоценил своё собственное положение и не понимал, что ни кто из них не имеет всей полноты власти. Лазарь мало сделал для того, чтобы использовать ситуацию. Маленков казался случайным и слабым препятствием.

В декабре 1948 года, на сталинское семидесятилетие, «Правда» опубликовала серию статей членов Политбюро в честь Сталина. Статья Маленкова была ведущей. Всем было ясно, кто так распорядился. Сталин не боялся Маленкова. Он не рассматривался волком.

– Не надо пугаться, – сказал Молотов, обращаясь к Булганину, Ворошилову и Кагановичу.

Он продолжил:

– Важно сохранить целостность страны. Лаврентия надо держать под постоянным контролем.

Очень скоро мы от него избавимся. Георгий долго не продержится, от силы год, не больше. Я знаю, что я говорю. Настанет время, когда мы сможем сделать очень многое.

– А Никита? – вставил Булганин.

– Им можно управлять, – сказал Лазарь. – Я его достаточно хорошо знаю.

Хрущёв только что вошёл в дверь. Он направился к Маленкову и сказал ему несколько слов, а затем встал в коридоре, наблюдая, как слесарь ковырялся в дверях Сталина. Он даже не смотрел в направлении Лазаря. Вскоре раздался звук распахнутой двери. Все, кроме слесаря, хлынули в спальню. Один

из охранников оттеснил слесаря в противоположную сторону.

Сталин лежал на полу. Его грудь то опускалась, то поднималась, как в тяжёлом сне. На нём была его одежда: коричневая рубашка и коричневые брюки, его сапоги стояли около кровати. Это было типично, Сталин часто спал в одежде.

Три врача и Ворошилов перенесли его на узкую деревянную кровать. Его веки подрагивали. Иногда он приоткрывал глаза, но совсем не надолго. В такие моменты каждый старался приблизиться к нему, чтобы уловить какие-нибудь слова. Его жёлто-коричневые глаза уже ничего не выражали. Его щёки втянулись, волосы были совсем седые, а губы были покрыты сухой – сухой коркой. Лазарь заметил, что его брюки были мокрыми, он обмочился.

Все молча стояли вокруг кровати. Только Берия проявлял нетерпение. Один раз глаза Сталина оказались открытыми дольше обычного.

– Он приходит в сознание, – заметил один из врачей.

– Чаю…, – только прохрипел Сталин.

Другой врач слегка приподнял Сталину голову и только смочил сухие губы влажным полотенцем.

«Изувер». – Подумал Лазарь.

Глаза Сталина мутно скользили по всем присутствующим в комнате. Принесли чай, и доктор стал поить Сталина с маленькой серебряной ложечки. Первый раз за четверо суток. Сталин жадно начал глотать. Сталина действительно разбил паралич. Теперь, правая половина его тела бездействовала.

«Всё таки сработало». – Подумал Лазарь.

Сталин слабо поднял одну руку и указал на картину на стене, где девочка кормила молоком ягнёнка. Его губы пытались улыбнуться. Он в бессилии откинул голову на подушку. Так он пролежал ещё один час, то, открывая, то, закрывая глаза. Врачи не отходили от него, но и не делали ничего, только изредка переговариваясь между собой. Лицо Сталина принимало землистый оттенок. Он начал задыхаться. Черты лица его заострились. Один из врачей поднёс к его лицу кислородную подушку, но Сталин левой рукой оттолкнул её. Он поднял руку, как бы показывая на потолок, и в бессилии уронил её обратно. Наконец, движения его прекратились.

Берия быстро развернулся на каблуках и выбежал из комнаты. Лазарь мог слышать его громкий голос требовавший автомобиля: «Хрусталёв! – машину!»

Ворошилов и Булганин плакали. Маленков стоял на коленях у кровати и смотрел на него. Хрущёв держался в стороне, наблюдая, как врачи пытались убедиться, что он действительно

мёртв. Молотов перебирал бумаги в своём портфеле. Лазарь смотрел на это, как на спектакль, со стороны. Он не был достаточно печален, чтобы плакать, но он был достаточно печален, чтобы этого хотеть.

Маленков поднялся с колен и подозвал одного их врачей. Он что-то прошептал ему на ухо. Врач кивнул головой и направился в сторону двух своих коллег. Они его выслушали, а затем вышли из комнаты вслед за Молотовым. Георгий Маленков хотел, чтобы сразу было написано официальное коммюнике. Вернулся Молотов с готовым документом. Там была обтекаемая история, изобилующая медицинскими терминами. Всё это было ложью. Происшествие в Кремле полностью выпало из всех упоминаний. Смерть официально была констатирована 5 марта в 21 час 50 минут. Официальное патологоанатомическое заключение вскрытия передали 6 марта в 16.30.

На следующий день, 6 марта, уже в шесть часов утра в Москве началось столпотворение. Народ словно чувствовал беду. Со всей страны народ поехал в Москву проститься с вождём. Люди словно осознавали, что они потеряли своего защитника, и теперь им придётся плохо. Красно-чёрные флаги свисали с каждого здания. Свечи горели в каждом окне. Вряд ли в мире когда-либо наблюдалось что-то подобное. Радио пыталось заговорить народ всеми средствами. Решили похоронить со всеми почестями: на три дня открыть доступ к телу, забальзамировать и положить в мавзолей к Ленину. Человек, который бальзамировал Ленина, уже умер. Срочно искали другого. Убийцы словно пытались загладить свою вину помпезными похоронами.

Сразу после смерти Сталина на его даче Лазарь вернулся в свою московскую квартиру. Он знал, что последующие дни будут длинными. Ему предстояло не только стоять в почётном карауле у гроба вождя, но и принимать участие в многочисленных заседаниях, чтобы определиться с будущим курсом страны. Георгий Маленков станет преемником Сталина. Однако для всех членов Политбюро было ясно, что Маленков – это только номинальная фигура. За ним будут стоять Берия, Молотов, Булганин и он, Лазарь Каганович. В этот узкий круг «правителей» войдёт и Хрущёв, поскольку Маленков поручил ему организацию похорон Сталина. Лазарь был против назначения Хрущёва, но у Никиты уже оказалось много «друзей» в высшем эшелоне власти, и он обеспечил себе это назначение. Лазарь не знал, откуда у Хрущёва появились эти новые «друзья». «Старики» Хрущёва не любили. Скорее всего, Хрущёв завязал тесные знакомства с молодыми работниками аппарата.

Лазарь понимал, что ему надо делать: в ближайшие дни он должен был показать себя с самой лучшей стороны. Он мучительно и до мелочей продумывал, как ему следует себя вести и как одеться. Прежде всего, надо произвести впечатление человека, занимавшего ответственный правительственный пост. Первое дело – Почётный Караул, ведь фотографии членов партии и правительства, собравшихся для прощания с умершим вождём, обойдут все газеты мира. Он должен смотреться вне конкуренции.

6 марта в 15 часов тело Сталина было помещено в Колонный зал Дома Союзов.

Берия был одет в двубортный костюм. У Молотова и Микояна были однобортные с жилетами. Тут, как и Лазарь, каждый понимал ведущуюся игру и втайне надеялся. Хрущёв тоже был в костюме, но он на нём висел как мешок с картошкой. Все были в чёрном. Булганин и Ворошилов были в парадной военной форме при всех регалиях. К своему удивлению Лазарь увидал Маленкова в кителе сталинского типа. У самого Лазаря был однобортный костюм, скрывающий его полноту. Лазарь был выше всех и он, как ребёнок, надеялся, что кто-то выберет его по росту. У всех были траурные повязки.

С самого начала похорон Лазарь наблюдал за Маленковым. Тот сразу встал справа от гроба. По мнению Лазаря, он напоминал жирную, отъевшуюся свинью. Кто будет считаться с ним серьёзно? «Жиртрест» в кителе!

Дом Союзов был тих и величественен. Хрустальные люстры были задрапированы. На полу лежал зелёный ковер.

Гроб, в отличие от похорон государственных деятелей в Америке, стоял открытым. Море цветов. Лазарь посмотрел на Сталина и обмер – это был молодой Сталин, каким он выглядел тридцать лет назад. Даже его сплошная седина исчезла. Ему нельзя было дать больше пятидесяти лет. Лазарь даже испугался, как бы Сталин не открыл глаза.

Прощание с вождём продолжалось три дня. К третьему дню очередь выросла до10 километров. Берия вызвал из Ленинграда дополнительные силы милиции. Милиционеры были везде. Большей частью они были неэффективны и не справлялись с толпами народа, пришедшего попрощаться с «отцом».

Лазарь фантазировал. А как бы хоронили его? Днём и ночью Лазарь посещал митинги и собрания, говорил речи, встречался с иностранными дипломатами и готовил себя к центральной роли.

Выглядело так, что страна будет иметь трёх руководителей: Маленкова, Берия и Молотова. Булганин, Микоян и сам Каганович были тоже очень поблизости. Однако все ожидали чего угодно. Хрущёв тоже надеялся.

«Ладно» – думал Лазарь: «Всё начнётся, когда иностранцы разъедутся и утихнет».

9 марта был очень холодный день. Лазарь надел тёплое пальто с меховым воротником и меховую шапку. Он хотел произвести впечатление крупного и физически сильного человека, затмевающего собой своих соратников. Кроме того, он совсем не собирался замёрзнуть на трибуне Мавзолея. Лазаря неприятно поразило, что ему не предложили выступить с речью. Хрущёв, как организатор похорон, определил последовательность выступавших. Первый – Маленков, второй – Берия, и третий – Молотов.

– Не кипятись. По крайней мере, сейчас, – посоветовал ему Молотов. – Сейчас нет никакой разницы. Лучше не высовывайся раньше времени. Наоборот, ты имеешь больше возможности продемонстрировать свою скорбь. К тому же тебе предоставили почётное первое место в похоронной процессии. Ты будешь идти прямо за гробом. В перспективе это имеет большое значение. Сейчас тебе речи не нужны. Я позабочусь о твоих интересах.

Лазарю пришлось поверить Молотову. Многие были против выступления Кагановича на похоронах. Лазарь почувствовал, что сразу после смерти Сталина, сильное недоверие к Лазарю укоренилось в среде его бывших соратников.

Шесть чёрных лошадей медленно тащили лафет с гробом Сталина от Дома Союзов к мавзолею. Лазарь действительно был в первом ряду за гробом. Однако другие тоже были, и справа, и слева. Китайский представитель Джоу-Ень-Лай шёл между Маленковым и Берией, и Хрущёв шёл с краю. Все были в меховых шапках, кроме Берии, у которого была просто мехом отороченная шапка.

Красная площадь была полна народу. Имя Сталина уже было написано на мавзолее. Хрущёв представил ораторов, и Лазарь почувствовал жгучую обиду. Бывший подчинённый – и как обскакал. Первый, Маленков, обещал мир. Берия обещал защитить права трудящихся. Лазарь устал слушать и поплыл. Он вспоминал похороны Ленина тридцать лет назад. Ленин – Сталин. А он, Лазарь? Теперь он слышал пронзительный голос Молотова. Лазарь всегда любил Молотова.

Когда речи закончились, соратники, Маленков, Берия, Молотов, Хрущёв, Ворошилов, Булганин, Микоян и Лазарь понесли гроб. Гроб был тяжёлым, и два раза они чуть было не уронили его. Булганину помогли, он не мог контролировать своих эмоций. Лазарь был спокоен, просто его перчатки скользили на медных ручках гроба. Когда они опустили гроб,

Лазарь подошёл к Булганину и обнял его. Николай рыдал. Даже охрана, и та плакала.

Кремлёвские куранты пробили двенадцать. Войска московского гарнизона проследовали к месту начала марша. Спущенные флаги поникли. Знамёна были опущены. Страна замерла в минуте молчания. Всё остановилось и замерло…

Затем протяжно загудели заводские гудки. Грянул оружейный залп. Это было всё.

Спустя час после завершения похорон в Кремле, в зале на третьем этаже собрались новые лидеры страны. Маленков вёл это неформальное заседание. Следующие несколько месяцев будут критическими. Присутствовали все, за исключением Берия: он поехал на дачу Сталина, чтобы лично распорядиться по поводу мебели и другого имущества. Маленков, нуждавшийся в поддержке Берии, ругался. «Сукин сын! Ему так и не терпится! Подождать не может!»

Лазарь оглядел собравшихся за столом. Это было интереснейшее зрелище. Каждый из присутствующих имел определённые заслуги, понятия и амбиции. И Лазарь вдруг понял, что теперь, когда Сталин не занимал привычного места во главе стола, этим людям будет трудно и непривычно принимать решения. Ведь теперь им самим предстоит вырабатывать эти решения и нести за них всю ответственность, а они к этому никогда не были приучены. Качества, по которым они добились своего положения, были совершенно другими.

Лазарь всю свою жизнь осторожно и тщательно шёл к тому, чтобы добиться определённого положения. И вот теперь он являлся одним из руководителей огромного государства. Больше никто не стоял у него на пути, только несколько «единомышленников» рядом, а все остальные – позади. Но он не чувствовал себя удовлетворённым, что-то не давало ему покоя. Раньше он находился на вершине власти рядом с выдающимся и всесильным правителем. Теперь этого человека не стало, а Лазарю казалось, что он всё ещё что-то искал, словно заблудившись в лесу. Идти было не за кем. Дядя Лёвик умер, не было в живых Троцкого, а теперь не стало и Сталина. Никто не стоял впереди него. Власть лежала у его ног. Но сейчас он разделял эту власть вместе с другими. На поверхности казалось, что все имели одинаково равные права. На самом деле, каждый пытался ухватить кусок побольше. Лазарь изучал присутствующих. Маленков заметно нервничал и грыз ногти. Такой же жирный как всегда. С обгрызенными ногтями его толстые пальцы выглядели теперь ещё короче. Рядом с ним сидел Булганин, который уже придумал прозвище Маленкову: «Большой

Георгий». Булганин сам был с пузом, но прозвище для Маленкова оказалось весьма удачным. В «Большом Георгии» Лазарь видел только шута. Неплохой человек, но шут гороховый. Если бы не поддержка Берии, этот толстяк с пальцами-сосисками не долго бы продержался в своём кресле.

Булганин не мог претендовать на роль лидера. У него отсутствовала политическая звериная хватка. Он предпочитал обдумывать решения, и в то же время не мог предложить многого. Его любили и уважали, но не принимали серьёзно, особенно в сравнении с Молотовым.

Молотов теперь был человеком, с кем надо было считаться. Он был умён, хитёр и был готов к борьбе. Он это доказал, когда Сталин неоднократно пытался убрать его с поста министра иностранных дел. Молотов был опасным соперником.

Ворошилов и Микоян казались пустым местом, хотя у Анастаса голова и была на плечах. Его основная проблема лежала в общении с людьми, и он редко высказывал своё мнение. Он был очень консервативен и не желал быть вовлечённым в политические противоречия и споры.

Считаться можно было только с Берией, единственным из всех отсутствующим на этом заседании. По напористости он был схож с Молотовым, но отличался наглостью и жестокостью.

И, наконец, Хрущёв, который теперь на правах Первого Секретаря Центрального Комитета сидел вместе со всеми за этим столом. На самом деле он не принадлежал к команде Берии. Да, у него имелись амбиции, но твёрдой почвы под ногами у него ещё не было. До настоящего времени именно Лазарь поддерживал его и обеспечивал ему продвижение в высший эшелон власти. Сталин намеревался избавиться от него, особенно, когда после войны Хрущёв был снят с должности Первого Секретаря Украины. Тогда Лазарь спас Хрущёва. Но оставался открытым вопрос, способен ли сам Хрущёв твёрдо стоять на ногах без посторонней поддержки. Лазарь не знал, что Хрущёв уже вошёл в сговор с дьяволом. Главной проблемой для них всё ещё оставался Лаврентий, и каждый за столом понимал, что рано или поздно это надо будет решать, а Хрущёва они проморгали.

После заседание 9 марта последовало новое заседание 10 марта, затем 11 марта. Поток заседаний не прекращался. Спустя неделю Лазарь понял, что коллективное руководство ни к чему не приведёт. «Даже пёрнуть нельзя без коллективного разрешения», – высказался он по этому поводу.

Сначала определялась повестка дня, а потом переходили к обсуждению насущных вопросов. Каждый из присутствующих

имел своё мнение, не совпадавшее с мнением других. Раньше всякую дискуссию контролировал и держал в своих руках Сталин, теперь же был замкнутый круг: велись бесконечные разговоры, с одного вопроса перескакивали на другой, завязывался новый спор, а решений не принималось. Крики, переход на личности, заговоры за спинами друг у друга и перепалки стали нормой дня. Во времена Сталина всегда царила дисциплина. Теперь заседания Политбюро превратились в хаос.

Уже в первые дни после похорон встал вопрос, что делать со Сталиным. То что он был мёртв ничего не меняло. Продолжать его линию или нет? «Если нет, то, как далеко мы можем свернуть со сталинского пути?» – спросил Маленков. В узких кругах эта тема поднималась и до смерти Сталина, но решение повисло в воздухе.

Было мнение, что надо ослабить дисциплину. Это мнение проводили Маленков, Молотов, Булганин и Хрущёв. Они предлагали новую линию. Эта новая линия обосновывалась лицемерной заботой о народе. Дескать, народ всегда тяжело жил, и облегчить его участь можно было только распущенностью. Маленков хотел сразу облагодетельствовать народ. Он хотел снизить цены и одновременно с этим закупить импортные промышленные товары. Как это должно было согласоваться друг с другом, он мало себе представлял. Хрущёв был не против этого, но он всё-таки подозревал, что не достаточно только закупить импортные промышленные товары.

– Нам нужны трактора и оборудование, которое способно делать больше, чем стиральные машины. Надо обеспечить техникой сельское хозяйство. Я поддерживаю общую идею, но не детали.

Хрущёв повернулся в сторону Лазаря и с улыбкой спросил:

– Мы ведь не можем дать всё «Большому Георгию»?

Лазарь посмотрел на щерящуюся, с большими промежутками между зубов, натянутую улыбку Хрущева. Клоун, да и только. Только подумать, этот толстый коротышка когда-то ловил каждое его слово и лизал ему подмётки, а теперь он на равных правах сидит вместе с Лазарем за одним столом! Лицо Хрущёва совсем не изменилось – такое же уродливое. Только бородавка на носу, казалось стала больше.

Было ясно, что времена меняются. Лазарь не был уверен, что следовало отступать от сталинской политики.

– У русских всегда был царь. – Сказал Лазарь – Они хотят сильного вождя. Без этого они не могут. Они растеряются, если получат много свободы. У них должна быть узда и оглобли. Если им дать слишком много свободы, то их понесёт. Ещё Ленин это

подчёркивал».

Но его мнение не имело поддержки. Маленков и Берия твёрдо стояли на своём. Они хотели отделить себя от имени Сталина, подставляя его в качестве основной фигуры, на которую можно взвалить все невзгоды предшествующих лет. В лице Хрущёва они нашли горячего сторонника. Хрущёв хотел полную программу «десталинизации» государства. Он был даже готов взвалить на Сталина все жертвы этого периода, хотя именно Сталин был тем фактором, который минимизировал эти жертвы. Если бы не было Сталина, русского народа уже вообще бы не существовало. Именно поэтому Хрущёв и был в конце концов поддержан неотроцкистами и одержал победу в этой гонке за власть.

Молотов поддержал Кагановича, но большой твёрдости не проявил. У всех был рефлекс самосохранения. Молотов был готов на уступки.

В итоге стал меняться тон газеты «Правда». Имя Сталина всё реже появлялось на её страницах. Наконец, в номере от 22 марта о Сталине не упоминали вообще. Прошло всего лишь две недели с момента похорон. А уже 7 апреля «Правда» разглагольствовала о «Советской Конституции», которая раньше называлась не иначе как «Сталинская Конституция». «Правда» уже была под контролем новых сил.

Происходили и другие перемены. Сократилось число статей, направленных против евреев, и совсем перестали упоминать так называемый «заговор врачей». «Правда» объявила, что люди в белых халатов «полностью оправданы от предъявленных им обвинений». Никто даже не потрудился заметить, что это были не обвинения, а доказательства и что Сталин поймал кремлёвских врачей с поличным. Более того, после этого кремлёвские врачи убили самого Сталина. И хотя вопрос о преемнике Сталина был открытым, народ понял, что к власти пришли «чёрные души» и сник.

Но самым крупным потрясением стал конфликт, вспыхнувший в среде членов Политбюро в конце марта. Маленков предложил объявить амнистию. Кто это ему предложил?

– Большинство в тюрьмах невиновны. Они должны быть освобождены и возвращены в строй трудящихся, которых у нас нехватка. Товарищи, мы не можем держать хороших работников в тюрьмах, по, может быть, неправдоподобным обвинениям.

Это звучало как богохульство. Лазарь был ошарашен. Кто был позади этого предложения? Именно он, Лазарь Каганович, в прошлые годы сажал по тюрьмам людей, и он, Лазарь, как специалист по кадрам, прекрасно знал, что за отъявленная

иностранная агентура там сидела. Что ожидало страну, если освободят всю эту пятую колонну? Что это за «оттепель» если она перешла в «застой», а после в «перестройку»? (А затем в полный развал государства). Лазарь понимал, что так называемая «оттепель» была началом развала государства.

Лазарь и Молотов решительно выступили против этого предложения, но большинство держалось иного мнения. Маленков, Хрущёв, Микоян и даже Берия были за амнистию! Во время голосования Берия усмехался. Он знал, что Каганович и Молотов подписали самое большое количество приговоров.

Лазарь был вне себя от ярости. Отпускали и уголовников тоже. Лазарь прекрасно знал, что последний раз, когда объявили всеобщую амнистию, это было сделано специально, чтобы создать в стране анархию и скинуть царя. И это прекрасно сработало.

– Кто сейчас хочет произвести в стране революцию? Маленков? – Непроизвольно подумал Лазарь. Он знал, что будет: подстрекательства, убийства, возмущение спокойствия, изнасилования. При Сталине в Москве годами не было убийств или разбоев.

«Правда» уже начала создавать позитивный образ тех, кого выпускали из тюрем. Лазарь знал, что выпущенные на свободу троцкисты обрушат на страну хаос и в конечном итоге захватят власть в свои руки и отдадут её Западу, а Запад обречёт страну на нищету, голод, болезни, войны и вымирание. Лазарь прекрасно изучил этих людей и знал цели Запада.

Лазарь сказал Молотову:

– Правительство старается продемонстрировать гуманность вместо того, чтобы взять страну под свой контроль. В Росси это номер не пройдёт. Это невозможно. А что начнётся, когда все начнут говорить? Правительству придётся только проглотить язык.

Но Лазарь уже не мог ничего остановить. Массы людей, возвращавшихся из заключения, винили в своих несчастьях Кагановича. Его имя теперь было на слуху. Мир для Лазаря как будто перевернулся. Многие годы он уверенно занимал место рядом с вождём, и никто не осмеливался подвергать сомнению его заслуги и его деятельность в целом. Хотя он считался самым преданным делу Сталина, сторонники сталинизма в Политбюро начали отдаляться от него. Всё происходившее не давало Лазарю покоя. События развивались быстро и непредсказуемо. Всё уплывало от него. Ему уже было шестьдесят, и он был уже не тот. Однако он не хотел себе в этом признаться. Волк может быть старым и медлительным, говорил он сам себе, но он только становится мудрее и ещё имеет свои клыки.

Больше всего Лазаря раздражал Берия.

– Он просто ненормальный. – Сказал Лазарь Булганину – Это просто чёрт.

Особенно Лазаря отталкивало открытое аморальное поведение Берии. Всей Москве было известно, что адъютанты Берии занимались отловом красивых девушек по всей Москве. Единственно, говорили, что Берия никого из них не обижал и обеспечивал до конца жизни.

Когда был Сталин, то Берия знал, что Лазарь ему не по зубам. Теперь было другое дело. Чтобы избавиться от этого страшного человека, Лазарь задумал привлечь на свою сторону Хрущёва и Маленкова. Было очевидно, что Берия искал способа придти к власти. Берия теперь был министром и внутренних дел, и госбезопасности. У него и так была в руках одна пятая часть их общей власти. Ясно, что это его не устраивало, как это не устраивало и самого Лазаря. Если бы ему удалось заграбастать всю власть, то, по мнению членов Политбюро, им всем грозила смерть. Для собственного спасения надо было изолировать Берия.

Ключ, с помощью которого можно было изолировать Берия, был Восточный Берлин. В Восточном Берлине в 1953 году вспыхнуло восстание против советской оккупации. Восстание было беспощадно подавлено Берией. Более того, на Политбюро Берия потребовал, чтобы восточногерманское правительство было заменено.

– Берия собирает силы. – Заявил Хрущёв.

Лазарь уставился на него.

– А ты не такой простачок, как прикидывался!» – Подумал Лазарь – Не крути мне яйца, и не пытайся мне запудрить мозги.

Однако они, всё таки, смогли придти к соглашению. По крайней мере в том, что касалось Берии. Они никак не могли выбрать среди себя лидера, но кого устранить первого, похоже, договорились.

Маленков, Молотов, Ворошилов, Хрущёв, Булганин и Лазарь проголосовали за такое решение на секретном заседании, когда Берия находился в Ленинграде. Только Микоян не поднял руки. Это ему откликнется в дальнейшем. Микоян больше не поднимется. Его коллеги ничего не забывали и не прощали.

В середине июля Лаврентий Павлович Берия был арестован. Ему предъявили большое число обвинений против советского народа. Особенно много информации против Берия предоставил Хрущёв. Лазаря уже тогда поразила такая осведомленность Хрущёва.

– Откуда вся эта информация у Хрущёва. Ведь сам он по себе не способен на то, что он сейчас делает. Кто за ним стоит? –

Думал Лазарь.

Собственно, это был чисто риторический вопрос, Лазарю было прекрасно известно, кто стоял позади Хрущёва.

Берию судили. Пятеро судей заранее знали, какой приговор должен быть вынесен. После вынесения приговора Берию расстреляли в подвале дома 22 улицы Лубянка. Лазарь видел, как его уводили. Его лицо застыло в каменной маске. Он был бледен. Он ничего не говорил и смотрел прямо перед собой. Всё было решено. Никто ничего сделать уже не мог. В одной из камер подвала Берия был расстрелян.

В отсутствии поддержки Берия, Маленков, к своему удивлению, вдруг обнаружил, что теперь он никто и влияние его улетучилось. Сначала «Большой Георгий» развил кипучую деятельность. Он начал многочисленные переговоры с Западом и быстро подписал с американцами перемирие в Корее. Придраться было не к чему. Но придираться оказалось и не надо. Маленков без поддержки Берия, как оказалось, был никто и ничего. Волки поняли, что если у них нет явного лидера, то значит отбор будет не по силе, а по слабости. Проще выяснить, кто самый слабый, а не кто самый сильный. В начале 1955 года Маленкова съели – его сняли со всех постов. Теперь круг кандидатов сузился до трёх: Молотов, Хрущёв и Каганович.

Маленкова сменил Булганин. Кандидатура Булганина была единственной из членов Политбюро, которая устраивала Молотова, Хрущёва и Кагановича. На самом деле, ему предоставлялась лишь «представительская» роль, а страной будет управлять всё тот же «триумвират». Булганин был не против. На большее он благоразумно и не претендовал.

Маленков хотя формально и остался в составе Политбюро, но просто потому, что выгонять его пока решили повременить. Теперь он лишь наблюдал за развитием борьбы, которая не заставила себя ждать.

На одной стороне оказался Хрущёв, представляющий средний эшелон власти. Этот средний эшелон власти теперь полностью контролировался выпущенными на свободу троцкистами-интернационалистами. Естественно, они стояли за демонтаж не только сталинской политики, но и всего государства. Именно эти люди впоследствии, после того как использовали Хрущёва, когда он перестал их устраивать, убрали и его самого. Хрущёв может сказать за это спасибо только своему зятю. Эта мафия ещё тогда замыслила полный демонтаж Советского государства. Израиль уже существовал. Всё остальное для них уже не имело смысла. В 1951 году при премьер-министре Израиля был создан спецотдел, задача которого заключалась в организации развала СССР с

помощью людей, основной костяк которых составляли имеющие другую историческую родину сионисты, ставшие к тому моменту основной движущей силой современности. Концепция «исторической родины» подменила собой концепцию просто «родины».

Эта хрущёвская группа не желала создать почву для прихода нового сильного лидера страны. Они хотели произвести, но боялась даже тотальной антисталинской чистки. Им нужна была грязная атмосфера, в которой они, как микробы, могли бы свободно размножаться. Эта грязная атмосфера получила нежное название «оттепели».

Молотов был за продолжение линии Сталина. Однако Лазарь, быстро увидел, что если он будет настаивать, то его обвинят в том, что он не соответствует духу времени. Это Лазарь предложил, чтобы антисталинские чистки кончились. На Политбюро он сказал:

– Я возьму на себя смелость сказать, что некоторые идеи являются принципиально теоретическими, хотя и касаются «культа личности». Это не лёгкие вопросы, но Центральный Комитет даёт им правильный ответ.

Все недоумённо посмотрели на него. Он что думает? Что вопрос уже решён и нет нужды больше к нему возвращаться? Лазарь говорил им открытым текстом, что все дискуссии должны быть строго теоретическими, то есть не персональными и не конкретными, и не должны поднимать вопрос о вине и личной ответственности. Лазарь стал пытаться сместить центр тяжести политики государства на интернациональные темы, чтобы обойти острую постановку вопроса внутри страны. Лазарь заявил Верховному Совету, что коммунисты одержат победу в борьбе с колониализмом «потому что все преимущества на нашей стороне». Только он не сказал, что это за преимущества. Ему было всё равно. У него на уме была своя тактика. Он ещё покажет им, что у него есть порох в пороховницах. Он не будет прятаться. Он даже будет ездить по стране вместе с Маленковым и Хрущевым, выступая на разных митингах перед рабочими и колхозниками.

Проблема была только в том, что другие стали высказывать сомнения в способностях Лазаря. Это дошло до Лазаря. Он впервые столкнулся с этим, и это выбивало его из колеи.

С другой стороны Хрущёв набирал обороты. На двадцатом съезде партии 24–25 февраля 1956 года троцкисты, стоящие позади Хрущёва, нанесли удар…

Двадцатый съезд партии колебался и постепенно уплывал от влияния Хрущёва. У него не осталось выбора. Хрущёв, чтобы остаться у власти должен был полностью развенчать своего

бывшего шефа. Как вы понимаете, Хрущёв автоматически попадал под свой же удар. Хрущёв это понимал лучше всех и колебался. Поэтому, чтобы уломать его, троцкисты предложили Хрущёву, что доклад будет «закрытым».

Лазарь слышал о хрущёвских намерениях свалить всё на Сталина и бурно протестовал. Но Хрущёв оказался способным учеником. Его «закрытый доклад» был у всех на слуху.

– «Кто бы мог подумать, что в этом подхалиме, такой импульс к власти» – Думал Лазарь.

В своём докладе Хрущёв обвинил Лазаря и остальных в стремлении обелить Сталина, потому что они поддерживали Сталинскую политику. Лазарь почувствовал, что это не простые личные выпады, это было гораздо глубже. Лазарь понял, что это был неотроцкистский реванш над Сталиным. Лазарь прекрасно знал неотроцкисткие цели. Им удалось использовать амбиции Хрущёва, самым последним стоявшего в очередь за властью, и направить их для достижения своих целей. Лазарь и сам временами работал на их цели, но он не был связан с ними организационно. Лазарь был единоличник. Его всегда в первую очередь интересовала только своя собственная шкура. Кто вообще повернул дело таким образом, что Генеральный секретарь партии, каковым был Хрущёв, теперь был вынужден оправдываться? Это были неотроцкисты, люди, которые сделали даже большее, чем провели угодного себе Генсека – они обеспечили Хрущёва даже зятем. Его зять Аджубей был главным редактором «Комсомольской правды» и «Известий». Газета «Известия» в СССР была зеркальным отражением либерально-сионисткой «Нью-Йорк Таймс». Ничего нет удивительного в том, что сын Никиты – Сергей живёт теперь в Америке. Недаром Никита зажигал свечи по субботам. Неотроцкисты разом развернули государство в противоположную сторону. «Оттепель»… Они и не пытались скрыть, что ещё наступит зима, но это будет «зима», которую сделают они сами, и тогда другим станет действительно холодно. Неотроцкисты подняли железный занавес, и из под него хлынула грязь и отвратительные нечистоты. В Москву сразу приехала огромная американская выставка, которая вся блестела и сверкала огромными, шикарными автомобилями. У Хрущёва сразу загорелись глаза. По его приказу тут же наладили выпуск правительственных автомобилей «Чайка», которые как двойняшки были похожи на американский «Шевролет». А после этого Хрущёв и вовсе сам уехал в Америку. Организовали международный фестиваль молодёжи и студентов, который рекламировался как мирный форум молодёжи всех стран. До этого «мирного форума» в Москве

не было венерических заболеваний, даже гонореи. А после этого «мирного форума», началась эпидемия гонореи, сифилиса, и пошло и поехало… Тогда люди и поняли, что это был не «железный занавес», а стальная броня, которая надёжно защищала их от тлетворного влияния Запада. Теперь её не было.

Сейчас, по прошествии многих лет, стала ясна цель этого «Форума молодёжи и студентов», как и впоследствии «Олимпиады», этого международного форума шпионов и проституток, но тогда неотроцкисты и Хрущёв расписывали будущее советского народа в розовых тонах. На домах висели огромные стенды с обещанием: «Это поколение советских людей будет жить при коммунизме». И подпись: Хрущёв Н.С. Но у этого поколения советских людей страна и будущее были отобраны вообще, и это уже тогда, как и всегда, было ясной и единственной целью неотроцкистов.

В докладе Хрущёв обвинил Сталина в том, что это он депортировал национальные меньшинства. В дальнейшем вопрос сведётся к тому, что якобы хотели депортировать евреев, о чём никогда не было и речи. Хрущёв обвинил Сталина даже в том, что он, якобы, кооперировал с Гитлером, чтобы осуществить депортацию народов. О депортации Кагановичем крестьян Украины и Кубани благоразумно не было и речи. Хрущёв не поднимал вопросов, в которых он был замешан лично. Хрущёв сочинял, что Сталин после войны стал более подозрительным и нетерпимым, что и явилось причиной холодных отношений с Тито и Югославией. Хрущёв объявил, что Сталин считал себя величайшим из великих, воздвигал себе памятники, называл своим именем города, колхозы и даже учреждал награды своего имени. А между тем сам Хрущёв расстреливал людей в Грузии, которые не давали снимать памятники Сталину. В Баку памятник Сталину на глазах десятков тысяч дежуривших людей, сдёрнули вертолётом. А в Тбилиси просто расстреляли всех, кто был около памятника. Было совершенно ясно, что сам Хрущёв додуматься до всего этого не мог. Позади него был целый пропагандистский штаб. Конечно, Хрущёв потребовал, чтобы содержание доклада держалось делегатами при себе, но было ясно, что это просто трюк.

Как и предполагалось, содержание доклада выплыло на поверхность и произвело на весь мир ужасное впечатление. Для подтверждения, что слухи это правда, часть закрытого доклада была в июне 1956 года выпущена в виде резолюции «О преодолении «культа личности» и его последствий».

Утверждения Хрущёва давали совершенно новую трактовку жизни страны при Сталине: это уже была не мужественная борьба

народа с капиталистическими государствами и их агентами внутри страны, а концепция жизни в терроре, который исходил лично от Сталина и его ближайшего окружения. Все завоевания социализма достигнутые при жизни Сталина, стали приписываться другим факторам. Хрущёв пошёл и ещё дальше. Например, хотя он и приписывал чистки Сталину, утверждалось, что на самом деле их начал ещё Ленин.

– Эти черты – Заявил съезду Хрущёв. – Исходили из ленинских организационных принципов партии, с их пренебрежением к мнению меньшинства и к мнению остального народа.

Хрущёв высмеивал «сталинскую веру в собственную непогрешимость», однако уже не настаивал, что это врождённая часть всей ленинской системы.

Под конец Хрущёв развенчал «сталинское самообожествление», однако благоразумно помалкивал, что сам он при этом и был самым сладким подхалимом.

Наверно в истории не было ещё эквивалента такому документу, который зачитал Хрущёв. Для Лазаря было ясно, что Хрущёв только зачитывал доклад.

– Выпустили на свободу гадюшник, амнистировали. – Подумал Лазарь. – Быстро они нашли нужную им кандидатуру. Ай да Хрущёв. Ай да ловкач. – Лазарь понимал их тактику. Никита, как и он сам в былые годы, делал всё, чтобы добиться своей цели, не щадя никого и ничего на своём пути. В своём знаменитом докладе по разоблачению «культа личности» Хрущёв не только предал, но и фактически оболгал своего руководителя и своих товарищей по партии, чтобы самому предстать в выгодном свете. Так же всегда делал и Лазарь. Его ученик оказался на редкость прытким. Лазарь понял, что ему ничего не оставалось, как бороться с Хрущёвым. Его бывший «протеже», врастая во власть, имел хорошую поддержку. Следовательно, Лазарь тоже должен был привлечь на свою сторону как можно больше сторонников. Пусть это даже потребует разделения с ними власти. Иначе можно было потерять всё.

– Надо отрезать дракону голову и тогда он престанет изрыгать пламя. – Вспомнил Лазарь китайскую пословицу. – Если промедлить ещё немного, то будет уже поздно.

Через несколько часов после закрытия съезда Лазарь встретился с Молотовым. Они обсудили возможные варианты. Очень быстро к ним присоединился Маленков, а затем – Шепилов. Они решили собрать материал, разоблачавший Хрущёва, особенно за годы его работы на Украине. Впоследствии это назовут «антипартийной группировкой». Однако это не это

была «антипартийная группировка» – настоящая «антипартийная группировка» уже захватила власть в стране.

В течение года собравшиеся работали над документами против Хрущёва. Им надо сделать большинство голосов. Молотов был в этом уверен. Они составили внушительный список всех хрущёвских прогибов. Это будет их главным оружием.

В июне 1957 года собрался Пленум ЦК КПСС. Хрущёв собрал Пленум в одной из комнат Большого Кремлёвского Дворца. Хрущёв знал, что предстоит решающая битва и его тоже тщательно готовили.

В маленькой, обитой деревянными панелями комнате, тридцать три участника заседания сидели на необитых, жёстких креслах вокруг длинного стола и слушали Хрущёва. У Лазаря был на руках весь уничтожающий Хрущёва материал, и он решил дать Хрущёву решительный бой. Это станет его последним этапом борьбы за кресло во главе стола.

Никита, однако, не терял времени даром и не оставил шансов Лазарю даже выступить. Вместо этого Хрущёв предоставил тридцать два письма, написанные Кагановичем в органы НКВД, с требованием арестовать многих советских выдающихся членов партии.

– Фактически, – заявил Хрущёв, – Лазарь Моисеевич Каганович даже приказал арестовать десять ведущих специалистов в своём комиссариате только потому, что их поведение казалось ему подозрительным.

Лазарь был потрясён. Как ему удалось найти эти документы? Он был уверен, что они надёжно спрятаны.

– И эти документы, – продолжал Хрущёв, – доказывают, что Лазарь Моисеевич Каганович заранее, до решения суда, выносил свой собственный приговор, какой ему хотелось.

– Это возмутительно! – закричал Лазарь.

Никита повернулся к Лазарю и расплылся в улыбке.

– Думаю, что съезд, который планируется на следующий год, тоже будет такого же мнения.

Затем Хрущёв продолжил:

– У нас в руках находятся другие доказательства, подтверждающие, что Каганович активно вмешивался в работу следственных органов и навязывал им свои решения. Например, что на него самого, якобы, планировалось покушение. На самом же деле, людей арестовали только потому, что он им не доверял. Арестованных ждал смертный приговор. Я повторяю: смертный приговор.

Хрущёв на этом не остановился. Он даже вызвал Шелепина, своего сторонника, с дополнительной информацией, добавив, что

при необходимости они вынесут этот вопрос на съезд. Шелепин объявил, что в его распоряжении имеются документы, доказывающие, что Молотов и Каганович вместе санкционировали аресты и расстрелы многих коммунистов.

– Многие из которых были вашими друзьям! – размахивал бумагой Шелепин. – Когда Якир написал прошение о помиловании, Сталин начертал «подлец и проститутка», Ворошилов добавил «абсолютно верное определение», Молотов поставил свою подпись, а Лазарь Моисеевич дописал: «Этот предатель, эта сволочь заслуживает только одного – расстрела».

Лазарь взглянул на Ворошилова. Тот опустил глаза. То, что Якир действительно работал на заграницу, и лично на товарища Троцкого, и сам признал это без всякого давления, уже не имело значения. Лазарь сразу понял, что произойдёт. Ворошилов всегда его поддерживал, а теперь он перейдёт на сторону Хрущёва. Это было ясно. Кто следующий? Он перевёл взгляд на Булганина. Николай нервно вертел карандашом, постукивая им по столу. Лазарь снова услышал голос Хрущёва:

– Безжалостность Лазаря Моисеевича не знала границ. Когда он прибыл в Иваново-Вознесенск, Сталину им была послана телеграмма: «Первое знакомство с обстановкой показывает, что секретарь обкома Епанчиков подлежит немедленному аресту. Начальник отдела пропаганды Михайлов тоже должен быть арестован». Затем пришла вторая телеграмма: «Более тщательная проверка установила, что троцкистское влияние проникло во все области общественной жизни – промышленность, сельское хозяйство, здравоохранение, торговлю, образование. Областные организации и партийный обком в значительной степени оказались наводнёнными троцкистскими элементами».

Никита повернулся в сторону Лазаря. В его глазах играл зловещий огонь.

– Получив согласие Сталина, Лазарь Моисеевич уничтожил Ивановский Обком. Все его обвинения оказались сфабрикованными. – Хрущёв поднял кулак. – А когда Лазарь Моисеевич стал Комиссаром путей сообщений, на железнодорожных работников обрушился шквал арестов. Речь товарища Шверника тому свидетельство. Лазарь Моисеевич лично выносил приговоры ни в чём не повинным людям и призывал партийных активистов выявлять в своих рядах врагов и нещадно бороться с ними. На собрании железнодорожных активистов 10 марта 1937 года он сказал: «Нет такого участка на железной дороге, где бы ни орудовали троцкисты. Они глубоко проникли во все звенья железнодорожного транспорта».

Тогда, Лазарь лучше всех знал, что это была истинная правда,

но теперь это уже не играло никакой роли. Игра была уже совершенно другая, и это было благодаря предательству Хрущёва, который предал не только Сталина, не только их, своих бывших товарищей, но всю свою страну, весь советский народ. Теперь он будет ездить в советском «Шевролете», его сын будет жить в Америке, а советские дети в школах будут учить, как несправедливо обидели дядю Троцкого, будут жевать жвачку, пить «кока-колу» и будут смотреть западные фильмы, в которых их будут учить «сексу, пьянству, наркотикам и как предавать свою родину. Это было началом ужасного конца.

Лазарь посмотрел на стопку документов лежавшую у левой руки Хрущёва. Затем он посмотрел вокруг, на других членов. Он думал, что пришёл на заседание, где большинством голосов будет свергнут Хрущёв. А что получилось? Хрущёв продолжал говорить, и люди молча слушали его, а время шло, а Хрущёв всё говорил и говорил. Лазарь почувствовал, что он теряет почву под ногами. Энергия и силы покидали его.

– Как он недооценивал этого толстяка-коротышку! – Подумал Лазарь.

Он посмотрел на Молотова. На лице Молотова была маска стоицизма. Молотов отлично понимал, что происходило. Затем Лазарь перевёл взгляд на Маленкова. Он перестал быть «Большим Георгием». Казалось, Маленков растерял всю свою представительность, и был похож на сдувшийся шар. Булганин пассивно сидел, это было в его духе. Лазарь старался нащупать поддержку среди своих «друзей». Но все отводили от него глаза. Когда-то они все были у него в зависимости и подчинении. Теперь эти люди совершенно отвернулись от него. Они проталкивали нового «вождя» и топили старого. Они тоже знали, как надо выживать в этом мире. «Всякая власть продается», – подумал Лазарь. Он почти перестал слышать, что происходило вокруг. Обвинения в адрес Лазаря сыпались со всех сторон.

– Лазарь Моисеевич обычно говорил: «Мы боролись и свершили революцию, чтобы рабочим и крестьянам жилось лучше». А на самом деле он насмеялся над партией и советскими рабочими, которые стали бояться собственной тени.

– Лазарь Моисеевич делал всё, чтобы ухватить власть и пользоваться ей. И он убеждал себя и других, что этим приносил пользу государству.

– Лазарь Моисеевич несёт ответственность за смерть двадцати миллионов русских!

Лазарь взглянул на Хрущёва. Как меняется время! Лазарь вытащил Хрущёва из грязи, помог ему встать на ноги, проталкивал и защищал его. И что он получил в благодарность?

Видимо, он слишком хорошо его учил. Ведь не зря говориться: «Сколько свинью не отмывай, она всё равно вымажется». Теперь же Хрущёв показывал на него своим толстым, коротким пальцем:

– Ваши руки запачканы кровью наших партийных вождей и бесчисленного числа невиновных большевиков!

Лазарь не выдержал, он вскочил и ударил кулаком по столу:

– Ах, ты, курва! Сукин ты сын! Да ты же всегда был при мне! Ты выполнял приказания, и сам давал их. Пи-да тебя родила. Ты сам весь в крови!

Хрущёв расплылся в улыбке – всё! Он заставил Лазаря оправдываться, а это значит, что Лазарь проиграл. Он подождал, пока Каганович успокоился. Все притихли. Лазарь тяжело дышал. Он стоял с багровым лицом, вздрагивая всем телом. Молотов потянул его за рукав. Он опасался, что у Кагановича не выдержит сердце. Наконец, Лазарь присел. В груди у него всё горело. Все посмотрели на Хрущёва.

– Да, у меня тоже руки в крови. Но это не одно и то же. Я только выполнял ваши приказы!

Хрущёв намеренно сделал ударение на слово «ваши».

– Неужели мне надо напоминать, что в то время я даже не был членом Политбюро. Поэтому я не несу ответственности за эти решения. Но…

Хрущёв больше даже не смотрел на Кагановича. Наоборот, он театрально обвёл взглядом комнату. Сейчас он вобьет последний гвоздь в крышку гроба…

– Но вы – несёте! – Отчеканил Хрущёв.

Несколько дней Лазарь жил как в кошмарном сне. Каждую минуту он ожидал ареста. Что ему было делать? Он хотел выговориться, поговорить с кем-то, но слушателей не осталось. Хрущёв разбил их наголову. Вопрос был о том, будет ли Хрущёв их давить. Лазарь знал, что его ждёт участь Берии.

Лазарь очень хотел с кем-нибудь поговорить: Молотов оборвал все связи, Маленков был морально и физически сломан, Ворошилов и Булганин теперь перебежали на сторону Хрущёва. Даже Мария, жена, не могла помочь. Она ничего не знала.

Лазарь теперь должен был встречать беду один на один. Лазарь вспоминал то собрание в кабинете Микояна, когда решалась судьба брата Михаила. Как бы он поступил на его месте? Смог бы он сделать то же самое? Есть только один выход.

Спустя несколько дней Лазарь сидел на деревянном стуле с жёсткой спинкой напротив массивного письменного стола в просторном кабинете в Кремле. Это был кабинет Сталина. Он вспомнил, что когда-то здесь произошла первая встреча с человеком, которого он будет звать «Коба». Тогда обстановка

была гораздо более спартанской. Тогда мебели почти не было. Всё из дерева и старый, истёртый ковёр.

Теперь посередине лежал новый яркий персидский ковёр. Вдоль стены теперь стоял тёмно-зелёный кожаный диван с двумя коричневыми креслами по бокам. Пред диваном стоял круглый журнальный столик. На стенах были развешаны новые картины: в основном поля и деревья. Портреты исчезли. Только чёрно-белая фотография Ленина висела на стене позади стола.

Лазарь чувствовал себя непривычно по эту сторону стола. Хрущёв, удобно устроился в кресле, сложив руки на животе и скрестив свои пальцы-обрубки. Это так отличалось от Сталина, который любил стоять, чтобы лучше видеть, что находится перед ним. Сталин расслаблялся только когда грелся, потирая для тепла свою курительную трубку.

Лазарю было трудно говорить. В сущности, он просил своего бывшего протеже не убивать его. Даже не просил, а умолял. Лазарь был готов валяться в ногах у своего бывшего починённого и целовать ему ноги. Хрущёв сначала не проронил ни слова, он сделал вид, что занят каким-то делом. Он хотел показать Лазарю, что способен твёрдо руководить страной.

– Вы, видимо, удивлены моёй дотошностью?

Лазарь только кивнул.

– Тогда на правах старых друзей я поделюсь с Вами вот этим.

Он указал на папки с бумагами, лежавшими у него на столе.

– Вы наверно знаете, что в работе мне помогал Поспелов.

Да, Лазарь очень хорошо знал это, поскольку Поспелов являлся одним из ведущих идеологов партии. Сначала, в 30-х годах, он был зав отделом «Правды», а затем, в 1940–1949 годах он занимал должность её главного редактора, а в последующие годы – директора Института Маркса – Энгельса – Ленина. Поспелов-Фогельсон каким-то образом оказался в команде Хрущёва и взлетел до должности Секретаря ЦК КПССС и кандидата в Члены Президиума ЦК КПСС. Это Поспелов-Фогельсон и его люди обеспечили Хрущёва идеологическим оружием и встали за его спиной. При этом Поспелов всегда оставался директором Института Марксизма-Ленинизма, этого бастиона троцкизма, неотроцкизма и сионизма. Это были они – люди, отвечающие за международную политику и идеологию, то есть за проведение в жизнь идеологических директив сионистского Запада. Это главные редакторы газет, телевидения, радио и остальная масса работников, отвечающая за идеологию, культуру и образование. Молодое поколение неотроцкистов и сионистов сделали своё чёрное дело. Леонид Брежнев, Андропов и Андрей Громыко волей или неволей способствовали развалу

Советского Союза. Это они обеспечили режим наибольшего благоприятствования для деятельности махровых сионистов и неотроцкистов, орудовавших за их спиной. Похоже, что Андропов, который по национальности как и Поспелов-Фогельсон, еврей, под конец жизни, видимо, понял, что сионисты его обманули, и пытался повернуть вспять, но в дело опять вступили кремлёвские врачи – безотказный козырь троцкистов, неотроцкистов и сионистов. Вы не заметили, что пресса всячески создавала интернационально ориентированному Андропову положительный имидж, в то время как, например, патриотически ориентированному Михаилу Суслову – отрицательный имидж «серого кардинала» и «нехорошего человека»? В середине 20-ого века с возникновением государства Израиль произошёл переломный момент, когда сионизм и неотроцкизм слились в одно целое и стали главной руководящей политической силой современности, обеспечившей развал СССР и установление сионисткой диктатуры во всём мире. Идеология социализма и коммунизма, которая была первоначальной идеологией Еврейского Интернационала, была сдана в архив за ненадобностью. С возникновением государства Израиль отпала необходимость маскировать еврейские интересы под интересы рабочего класса и трудящихся всех стран.

– Но, конечно, – продолжал Хрущёв, – Мне удалось собрать информацию не только о том, что Вы делали, но и что Вы думали. Всё должно быть проверено. Вы это прекрасно знаете. Вы были хорошим учителем. Даже дядя Лёвик и Моррис могли бы Вами гордиться.

У Лазаря упала челюсть… Хрущёв самодовольно оскалился. Лазарь ещё никогда не видел его таким отвратительным. Он откинулся в кресле и указал пальцем на одну из папок.

– Да, Лазарь Моисеевич, мы нашли о Вас и о Вашей семье всё, что могли. Это большая заслуга товарища Поспелова. Он большой специалист своего дела.

Хрущёв остановился для большего эффекта.

– Видите ли, Лазарь Моисеевич, Поспелов – еврей, так же как и Вы. А Вы этого не знали? И я заставляю одного еврея работать против другого, как это делали и Вы.

Очень скоро Хрущёв узнает, что эти «Поспеловы» гораздо умнее его, и что самое главное, что они везде.

Хрущёв снова сделал паузу.

– Знаете ли Вы, что настоящая фамилия Поспелова – Фогельсон?!

У Лазаря расширились глаза. Фогельсон?! Какой-то Фогельсон отирался в квартире дяди Лёвика в Бронксе, в Нью-

Йорке и знал и Михаила и Морриса! Вот это да! Вот это работа! Хрущёв поднялся, обошёл вокруг стола и встал рядом со стулом Лазаря, чтобы смотреть на него сверху вниз.

– Я ничего не забыл. Но я не хочу повторять ошибок прошлого. Моё предложение простое: Вас оставят в покое, если Вы и ваши сторонники перестанете нападать на меня. Вы должны понять и согласиться со мной.

Лазарь снизу вверх взглянул в лицо Хрущёву. Он увидел, что палач снял свой чёрный капюшон.

– Вам уже шестьдесят четыре, Лазарь Моисеевич. Вы прожили долгую и бурную жизнь. И Вы можете продлить свою жизнь, если захотите.

Он наклонился к столу и взял какую-то бумагу.

– Имеется вакансия управляющего трестом «Союзасбест» в Свердловской области. Мне не надо напоминать Вам, что в своей области это одно из ведущих предприятий страны. Без сомнения вы его возглавите и будете довольны.

Лазарь тяжело поднялся со стула и еле выпрямился. Он посмотрел в лицо Хрущёва и направился к двери. Он сжал ручку двери и открыл её. Лазарь хотелось что-то сказать, но слова застыли в его горле. В коридоре охранник отдал ему честь. Лазарь знал, что в этом кабинете он был в последний раз.

Ему мучительно захотелось поехать в Кабаны. Скорым поездом он доехал до Киева и пересел на местную электричку. Только шесть остановок отделяли Лазаря Кагановича от места его рождения. Станция теперь была гораздо больше. Его имя было чётко написано на деревянной табличке. Проходившие мимо него люди замедляли шаг и шептались, но подходить не решались.

Лазарь пошёл по главной улице, он хотел побыть наедине с собой, но уже от самого скорого поезда за ним неотступно следовал незнакомый мужчина. Лазарь точно знал, кто этот мужчина. В одном месте Лазарь даже кивнул ему. Это не было секретом. Хрущёв хотел знать точно, чем занимается Лазарь в каждый данный момент времени. Мужчина был молодой, лет двадцать пять, не больше. Он был крупного телосложения, и на нём была широкополая шляпа. Лазарь вспомнил время, когда он и сам был такой же молодой и здоровый. Это было сорок лет назад.

Лазарь бродил по улицам. Всё казалось чужим и незнакомым. Появились даже светофоры. Были новые дома. Их стало наверно раза в четыре больше, чем тогда. Казалось, большую часть города составляли заводы, изготовлявшие запчасти к вооружению. Один завод изготовлял винтовочные стволы, другой изготовлял спусковые механизмы. То, что раньше было заспанным селом,

теперь был оживлённым промышленным городом. На душе Лазаря потеплело. Он почувствовал гордость за то, что это место теперь названо его именем.

Лазарь направился к тому месту, где когда-то стоял их дом, но там вообще не было домов. Теперь там возвышалось одно большое здание с маленькой вывеской сбоку. Это был кирпичный завод. Самосвал, из которого текло масло, стоял прямо на том месте, где у мамы Саши был огород.

Здание кирпичного завода продолжалось и на участок где жил дядя Лёвик. Лазарь видел двух человек, которые читали газеты прямо на месте, где была комната Морриса. Один из них курил папиросу, а другой чесал свои яйца.

Дядя Лёвик, Моррис… Память унесла Лазаря в те дни в Кабанах, когда было совсем по-другому. Он поискал взглядом то дерево, на котором они вырезали профили и бросали в них камни. На месте дерева тоже стояли новые постройки. Сохранился одноэтажный кирпичный дом: сначала на нём висел портрет царя, а потом, когда там разместили партийный комитет и повесили портрет Ленина, в него уже никто не осмеливался бросать камни.

Лазарь непроизвольно думал о Моррисе. Он всегда хотел написать ему. Лазарь знал, где живёт Моррис. Госбезопасность нашла для него адрес. Моррис жил в Филадельфии. Он был портным и работал на «улице Тейлоров», то есть улице портных. Моррис жил со своей женой Ханной. У них было четверо детей, один из которых умер от «казачьей болезни», так в Америке ещё называют врождённую болезнь Тай – Сакса, которой болеют только восточно-европейские евреи. Наверно, он должен был написать Моррису. Может быть ещё не поздно? Лучше поздно, чем никогда. Как бы он хотел сейчас поговорить с Моррисом, с дядей Лёвиком, мамой Сашей, отцом Моисеем…

Лазарь посмотрел на окружавшие его дома. Один из домов «подпирал» сопровождающий его детина, которому впору было бы работать на стройке. Лазарь кивнул ему.

– Пойдём – Сказал ему Лазарь. Я уезжаю.

Лазарь пошёл обратно на станцию. Парень плёлся совсем с ним рядом. Лазарь стоял и ждал электричку, и смотрел на табличку со своей фамилией, колыхавшуюся на ветру. Он знал, что скоро её снимут.

Газета “Нью-Йорк Таймс» от 4 июля 1957 года без сожаления сообщила, что Лазарь Моисеевич Каганович снят со всех ответственных постов и переведён на работу в провинцию. Газета «Нью-Йорк Таймс» обласкивала теперь нового своего любимца – Хрущёва. Лазарь Моисеевич не оправдал её надежд. 7 октября

1957 года та же газета поместила статью, в которой говорилось, что город Кабаны, носивший имя Каганович, переименован в Новокаширск. Ещё восьми населённым пунктам носивших его имя возвращены прежние названия. Московский метрополитен имени Кагановича стал называться метрополитеном имени В.И. Ленина.

ЭПИЛОГ

За окном стемнело. Тело ломит от долгого сиденья на одном месте, и раскалывается голова. Глаза болят. Я очень устал.

Передо мной остатки того, что мы поглотили за прошедшие десять часов. Серединки кусков чёрного хлеба – мы предпочитали корочки, высохшие остатки колбасы, кожура от лосося, крошки от пирога с изюмом и бесконечные кружки чая.

Человек, покачивающийся напротив меня в кресле качалке с подушечками, произносит:

– Ты ещё молод. Сила приходит с годами.

Я поднимаюсь и разминаю затёкшие ноги. Мне надо запомнить всё услышанное. Он не позволил ничего записывать. Более того, он проверил, что в моих карманах ничего нет. Но наш разговор ещё не окончен.

– А что теперь?

– Что теперь? Ничего. Думаешь, я сразу буду звонить Андропову, как только за тобой закроется дверь?

– Я не знаю.

– А я знаю. Конечно, нет. КГБ это не касается. Но я позвоню Леониду. Ему я обязан сообщить о твоём визите.

Он увидел страх в моих глазах и улыбнулся.

– Не бойся, дружок. Леонид тоже с Украины, и он один из моих протеже. Он мне кое-чем обязан. Он тебя не тронет.

– Как Хрущёв вас?

Лазарь хмурится. Это было дело прошлого, но напоминание всё ещё остаётся болезненным.

– Извините, я не хотел…

Он только машет рукой.

– Ничего, ничего. Это мои проблемы, не твои. В конце концов, Никиты больше нет. Туда ему и дорога. А я ещё живу и бодаюсь.

Затем он быстро меняет тему разговора.

– Ты знаешь, что я – чемпион района по домино? А, может, и всей Москвы? Видишь эти фонари внизу?

Он указывает рукой за окно.

– Мне удалось добиться, год назад их установили прямо здесь, и поэтому я вместе с другими пенсионерами могу допоздна играть в домино по вечерам.

– Как видишь, у меня ещё есть власть.

Я обхожу квартиру, касаясь пальцами мебели. Квартира совсем небольшая. Я стараюсь представить, что в этих двух небольших комнатах осталось от огромной квартиры на престижном Кутузовском проспекте. Несомненно, что кресло-

качалка перевезена с дачи, которой у него больше нет. На стене в рамке висит фотография женщины.

– Это Мария. Она умерла от рака много лет назад.

Он смотрит куда-то в сторону.

– Морриса тоже больше нет. Он умер два года назад.

– Я не знал, хотели бы вы об этом знать?

– Я всегда хотел, и сказал об этом.

– Я много говорил с ним. Моррис часто вспоминал вас и всю вашу семью.

– Ему не нравилось, что я делал? – в голосе Лазаря слышаться враждебные нотки.

Я молчу, чтобы правильно подобрать слова для ответа.

– Да, это так. Он всегда утверждал, что еврей не должен идти против еврея. Мы одни дети. Так учит Тора.

Наступает длинная пауза. Минута идёт за минутой и кажется часом.

– Я ни в чём не нуждаюсь, – наконец, говорит он, откидываясь в кресле. – Каждый месяц я получаю 120 рублей пенсии. У меня достаточно сбережений, чтобы откладывать и жить в комфорте, хотя и не без льгот. А что? Мне даже доставляет удовольствие поругаться с продавцом в соседнем гастрономе. Создать неразбериху и неуверенность, а? Откуда, ты думаешь, пришло выражение «красная черта»? Это я его придумал!

Он начал смеяться, стараясь показать своё чувство юмора. Я представляю, каким трудным в общении и жёстким был этот человек лет пятьдесят назад. Он, несомненно, наводил ужас на людей. Неудивительно, что он оставался у власти так долго.

– Мария часто говорила мне: «Лазарь Моисеевич, ты из всего делаешь представление». Да, мне нравиться громоздить препятствия.

Осматривая комнату, я замечаю фотографию Троцкого, стоявшую на письменном столе. Он следит за моим взглядом:

– Ты знаешь, что часто говорил Троцкий? Он говорил, что жизнь прекрасна, только: «Надо очиститься от скверны прошлого, чтобы последующие поколения евреев могли наслаждаться жизнью».

Он молчал…

– А почему бы вам самому не написать мемуары?

– Я не умею писать, да и незачем. Все люди делятся на три части: народ, который никогда не узнает правды и руководители, которые знают правду, но она такая ужасная и далёкая от действительности, что это главная их забота, чтобы кроме них её больше никто не узнал. И есть небольшое количество людей, которые пытаются узнать правду, но они никогда не будут иметь

полных доказательств. Руководители старательно уничтожают все улики своей преступной деятельности. Я долго и много боролся в своей жизни. О том, что в действительности происходит или будет происходить, говорить нельзя. События не происходят пока они не совершаться. Нужно выжидать. Ничего не поделаешь.

– По-вашему, будущее есть у того, кто умеет выжидать?

На его лице появляется злое выражение. Он поднимается с кресла и решительно подходит ко мне.

– В жизни не бывает штампов. Нет хорошего ответа на глупые вопросы. Смотри сам. Посмотри на Соединённые Штаты. Эта страна во многом впереди нас. Американцы материально живут лучше русских, они обирают всю планету. И мы всегда будем врагами. И так будет всегда, пока ваша система не рухнет, и американцы не примкнут к нашему социалистическому лагерю.

Я хочу возразить ему, но он останавливает меня. Я почти ощущаю, как от него исходит какая-то сила.

– История учит нас этому. Ничего не поделаешь. Помни, Ленин верил, что для изменения хода истории можно и нужно прибегать к любым средствам, и мы имеем эти средства.

Он посмотрел на книги, стоявшие на полке.

– Я видел похожие книги и в Америке. То есть некоторые из вас тоже понимают нашу социалистическую концепцию. Человечество – это одно целое, одно тело, но оно постоянно нуждается в нашем хирургическом вмешательстве. А любая хирургическая операция не обходится без разрезов и крови. Мы должны отрезать всё, что нас не устраивает. Это неприятная процедура, но в ней нет ничего аморального. Ты видишь, всё, что приближает наш социализм, является для нас моральным по своей сути.

Он отворачивается и идёт к окну. Я поднимаюсь с кресла и следую за ним.

– И вы верите в эту теорию человеческого общества для всех?

Лазарь Моисеевич смотрит в окно. Внизу собираются доминошники. Его уже ждут. Горят фонари. Он указывает рукой вниз:

– Здесь, в России, мой дорогой племянник, мы все этому верим. Я знаю, что я говорю, мы все в это верим!

Многое хотелось ещё спросить у него, но времени уже не было. А у меня из головы не выходила массивная мраморная промокательница. Это было в тот решающий эпизод в Кремле, когда Сталин, якобы, зацепился за ковёр и, спотыкнувшись, упал, задев головой о стол, таким образом, что его голова была разбита. Странное падение в такой момент. Потом Лазарь сразу упомянул, что он взял тяжёлую мраморную промокательницу и

разбил ей дверь сталинского шкафчика. Таким образом, со слов Лазаря, мраморная промокательница и голова Сталина были повреждены в разные моменты этого эпизода. – А если в один? Если кто-то из них ударил Сталина мраморной промокательницей сзади по голове? Почему её вообще упомянул Лазарь? Почему Лазарь подчеркнул именно это падение Сталина и эту мраморную промокательницу? Ведь совершенно наивно предполагать, что Лазарь будет говорить полную правду человеку, которого он впервые видит в жизни. А ведь это первый напрашивающийся вопрос: почему Сталин оказался на полу с разбитой головой? И объяснение, что, дескать, он сам упал, когда его окружали несколько человек, предварительно договорившиеся убить его, и кормившие его крысиным ядом – это весьма натянутая версия. Как бы то ни было, но такой вопрос задать Лазарю было нельзя. О некоторых вещах можно догадаться только посредством возникновения самого вопроса. Ведь весь этот финальный инцидент начался с выступления Лазаря против Сталина. Так кто это сделал? Кто ударил Сталина мраморной промокательницей? – Лазарь?

notes

Примечания

1

Еврейский обряд посвящения мальчика во взрослые. Проводится при исполнении 13 лет.

2

Прим. перев. Этот район показывается в голливудском фильме «Однажды в Америке».

3

Прим. перев. Мезуза – коробочка со свитком пергамента из кожи кошерного животного, с написанной молитвой из Талмуда.

4

Прим. перев. Жена Климента Ефремовича Ворошилова была Екатерина Давыдовна, в девичестве Гольда Горбман.

5

Прим. перев. Первая жена Хрущёва умерла в 1919 году.

6

Прим. перев. Речь идёт о жене Булганина Елене Михайловне Коровиной.